

Локальные исследования
Южной Карелии:
опыт комплексного анализа

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра
Российской академии наук

**ЛОКАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ:
ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА**

Петрозаводск
2015

УДК 947:81(470.22)
ББК 63.3(2Рос.Кар)
Л73

*Издание подготовлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 14-31-01212
«Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии»*

Рецензенты:
д. и. н. Ольга Павловна Илюха
к. ф. н. Татьяна Владимировна Пашкова

Научные редакторы:
к. и. н. Алексей Юрьевич Жуков
к. и. н. Юлия Валерьевна Литвин

Л73 Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа / Науч. ред. А. Ю. Жуков, Ю. В. Литвин. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2015. 221 с.

ISBN 978-5-9274-0695-1

В сборник вошли научные статьи исследователей Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

В поле зрения авторов находятся история формирования и современное состояние этнокультурного ареала, расположенного в Южной Карелии, в районе Крошнозеро–Пряжа–Святозеро.

На основе комплекса археологических, исторических, лингвистических, топонимических, этнографических и фольклорных данных выявлена динамика взаимовлияния историко-культурных и языковых процессов в зоне межэтнического контактирования карелов-ливвиков и карелов-людигов. В сборнике опубликованы новые источники, полученные в ходе экспедиции в Пряжинский район 8–12 сентября 2014 г.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

УДК 947:81(470.22)
ББК 63.3(2Рос.Кар)

ISBN 978-5-9274-0695-1

© Карельский научный центр РАН, 2015
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник научных статей является совместным трудом исследователей Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Отправной точкой к его изданию послужила экспедиция коллектива молодых ученых Института в Пряжинский район Республики Карелия 8–12 сентября 2014 г.

Институт языка, литературы и истории накопил немалый опыт в участии и создании масштабных по исполнению комплексных научных исследований¹. Нарботанный в результате комплексный подход и научная методология изучения локальных районов традиционного проживания различных этнических общностей и легли в основу данного сборника. В его статьях исследуется локальный этнокультурный ареал в «треугольнике» Крошнозеро–Пряжа–Святозеро, расположенный в Южной Карелии.

Выбранное для начальной полевой работы экспедиции пространство является уникальным местом компактного проживания карелов-ливвиков и карелов-людиков, пограничной зоной их межэтнического контактирования (рис. 1). Условная граница, разделяющая два субэтнуса, проходит по оси этого треугольника с вершиной

¹ Суйсарь: история, быт, культура / Отв. ред. Т. В. Краснопольская, В. П. Орфинский. Петрозаводск, 1997; Деревня Юккогуба и ее округа / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2001; Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А. П. Конкка, В. П. Орфинского. Петрозаводск, 2003; Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003; История экономики Карелии. Петрозаводск, 2005–2006. Кн. I–III; История и культура Сязозерья / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2008.

в пос. Пряжа. Так, карелы-ливвики проживают в населенных пунктах, расположенных на берегах оз. Крошнозеро (с. Крошнозеро, деревни Ёршнаволок, Котчура, Гонганалица) и в дер. Маньга. Соседние поселения, расположенные на берегах оз. Святозеро (с. Святозеро, деревни Вашаково, Важинская Пристань, Сигнаволок, Пелдожа), заселены преимущественно карелами-людиками. В районном центре пгт. Пряжа в настоящее время проживают как ливвики, так и людики. Многовековое тесное соседство ливвиковского и людиковского карельского населения района воплотилось в их языке, этнической истории и культуре.

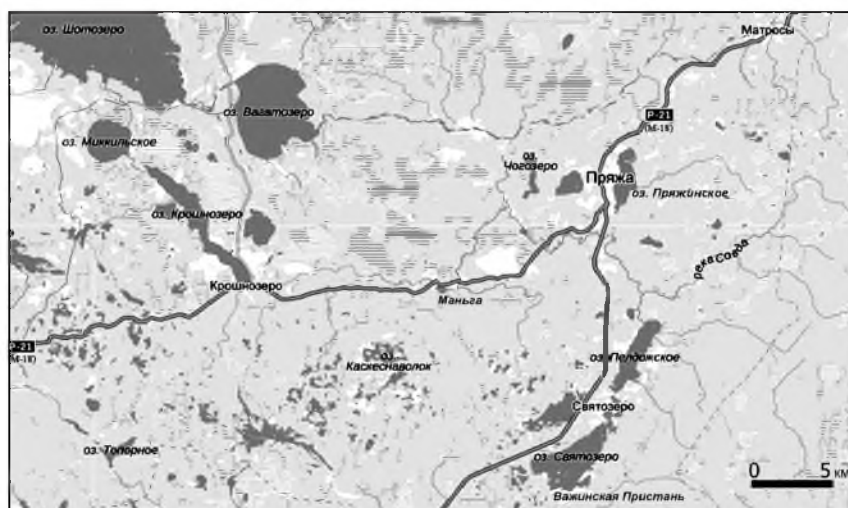

Рис. 1. Карта локального этнокультурного ареала (Крошнозеро – Пряжа – Святозеро)

Сообразно ведущим характеристикам исследуемой территории определяется основной предмет исследования: история формирования и современное состояние ареала этнокультурного взаимодействия карелов-ливвиков и карелов-людиков в указанных границах. Другим объектом сферы научных интересов авторов статей стало подведение итогов немалой кропотливой научной работы своих предшественников, ранее изучавших избранную территорию. Тем самым осуществляется своеобразный мониторинг прошлого и

современного состояния вышеназванных процессов и явлений. Поэтому главная цель совместной работы заключается в выявлении динамики взаимовлияния историко-культурных и языковых процессов в данной зоне межэтнического контактирования. Ее достижения посвящены статьи в области археологии, топонимии, истории, этнологии, языкознания и фольклористики. Ей служит и общая последовательность статей сборника.

Комплексный подход к научному анализу убедительно выявил точки пересечения материалов каждого из авторов с аналогичными сведениями коллег по сборнику, изучающих те же явления, но с точки зрения собственных научных дисциплин. На данное обстоятельство авторы сборника обращают внимание посредством перекрестных ссылок на соответствующие статьи друг друга. Все исследователи опирались на комплексы археологических, лингвистических, топонимических, этнографических и исторических источников, которые дали возможность на локальном уровне выявить многообразие историко-культурных и языковых процессов, характерных не только для конкретного ареала, но, пожалуй, и для республики в целом. Широкий круг источников включает и уже известные в научной среде материалы, и новые, появившиеся как в ходе экспедиции, так и при целенаправленных поисках в архивах. Ряд новых источников – расшифрованные записи интервью авторов с местными жителями по устной истории родных мест и образцы карельской речи – помещен в приложениях к основному тексту соответствующих статей.

Многомерность проблематики потребовала от авторов привлечения разнообразных методик, методов и приемов из богатого научного арсенала каждой из вышеназванных научных дисциплин.

Исследование объектов археологического наследия проводилось поэтапно. Первый, подготовительный этап заключался в сборе информации о ранее известных на данной территории археологических памятниках и их каталогизации. Второй этап включил непосредственно экспедиционные исследования – археологическую разведку местности. Методика проведения полевых археологических исследований строго регламентирована специальным

Положением². В ходе разведки осуществлены предраскопочные мероприятия по обследованию территории: визуальный осмотр и фотографирование местности, фиксация естественных повреждений культурного слоя, сбор подъемного материала, снятие GPS координат объекта. Вскрытие культурного слоя на площади памятника производилось методом шурфования, т. е. закладывание небольших раскопов (1 м²). Весь ход работ тщательно документировался: сделана фотосъемка, зарисованы профили раскопов, индивидуальные находки зафиксированы *in situ*³. При составлении топографического плана впервые обнаруженного памятника Маньга Iа использован стандартный метод топосъемки с применением нивелира. Топоплан памятника является неотъемлемой частью третьего этапа – составления отчетной документации⁴, он отражает пространственную ориентировку объекта, необходимую для понимания геоморфологической ситуации, рельефа, особенностей памятника и окружающей местности. Дальнейшая работа с коллекциями заключалась в атрибуции находок с определением их культурной и хронологической принадлежности. Для анализа материалов применен сравнительно-типологический метод, суть которого состоит в классификации изделий: разделении на типы согласно совокупностям присущих им устойчивых признаков и сопоставлении их с существующими типохронологическими шкалами древностей.

Сохраняемая в веках топонимия любого района создает необходимую связь между «дописьменным» этапом его истории и истории края, отраженной в письменных и устных источниках, для Карелии – со времен Средневековья до настоящего времени. Изучение топонимии

² Положение «О порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» (Утверждено Постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 27 ноября 2013 г. № 85).

³ Т. е. на месте обнаружения с обозначением особенностей их залегания.

⁴ Вся информация, собранная до и в ходе археологического обследования памятника, заносится в «Отчет о полевых исследованиях», который направляется в Отдел полевых исследований Института археологии РАН, где проходит экспертизу в Научном Совете и в последующем передается на хранение в Научный архив Института археологии РАН.

исследуемой территории включало в себя два этапа: подготовительный и аналитический. Подготовительный этап работы представлял собой сбор топонимического материала по разработанному опроснику, привязку географических названий к соответствующим объектам на крупномасштабных картах и, наконец, обработку материалов – занесение собранного материала в базу данных ГИС «Топонимия Карелии» и его картографирование. Аналитическая часть работы выполнялась с использованием традиционных для ономастики методов исследования: информация, содержащаяся в базе данных, имеет привязку к карте, что позволяет произвести отбор необходимого материала (словообразовательный и статистический методы), получить его отображение на карте и соотнести названия объектов с их физико-географическими характеристиками (этимологический, картографический, дистрибутивный методы). В свою очередь, все это дает возможность выявлять «топонимический словарь» – набор типовых для конкретной территории топооснов и картографировать их, с помощью чего верифицировать уже известные этимологии топонимов и предлагать новые этимологические решения, а также анализировать полученные ареалы бытования конкретных топооснов. В результате анализ названий географических объектов, соотнесенных с картой и рассмотренных в системе, позволил отнести ряд топооснов, представленных в людиковской системе именования географических объектов, к разным языковым источникам и сделать выводы о том, кем и когда осваивалась исследуемая территория, каков был характер и маршрут освоения.

Изучение истории края в период Средневековья и начала Нового времени опирается как на материалы археологических и топонимических исследований, так и особенно и, главным образом, на сведения сохранившихся письменных источников. Во главу исследования истории крестьянского освоения территории Пряжинского района, складывания здесь местных этнических общностей карелов людиков и ливвиков, динамики их начальной приходской и волостной самоорганизации была поставлена методика комплексного анализа материалов переписей XVI–XVIII вв. Прежде всего, она включала фронтальное извлечение и обработку их данных о районах

Святозера, Святреки, Маньги и Крошнозера. При этом сведения последовательно создававшихся переписей сличались и соотносились друг с другом, создавая в результате ряд «моментальных снимков» изучаемых локальных районов. В результате выявлялась динамика процессов и явлений с «шагом» примерно в четверть века, т. е. по годам создания самих переписей. К данной методике примыкает специальный источниковедческий метод ретроспективного анализа, когда анализ материалов более позднего источника позволяет воспроизвести в общих чертах несохранившиеся сведения более раннего источника, конкретно, изначальный состав местных вотчин. Табличный метод позволил акцентировать внимание на динамике заселенности избранного района и процесс его карелизации. Благодаря методу структурного анализа выявляется динамика самоорганизации местного населения в области самоуправления, проясняются стадии создания его приходской и волостной структур, выделения новых административных центров. Временные лакуны между переписями заполнялись материалами источников иных видов и типов. Их прочному вплетению в ткань исследования способствовал в том числе историко-типологический метод, когда находилось соотношение сведений этих источников с выявленными по переписям процессами и явлениями. При анализе использовался и источниковедческий хронологический метод: по содержанию недатированного источника определялось время его составления, что также позволяло включить его в общий контекст истории. Комплексный подход обеспечивается как твердым соотношением получаемых результатов и выводов с результатами и выводами коллег, так и обязательным учетом географических особенностей локальных местностей.

Относительно молодая специальная историческая дисциплина – устная история лежит на стыке собственно истории, этнографии (этнологии) и этносоциологии. Она не только дополняет материалы официальной, «письменной истории», в центре устной истории память, которая является субъективным способом фиксирования прошлого и его современной переоценки. Таким образом, методика устной истории выявляет оценочные суждения местных жителей и

относительно истории своих поселений, и, в духе этнологии и этносоциологии, по поводу настоящего положения дел и прогнозов на будущее. В данном случае при сборе материала по устной истории поселений авторы использовали метод полуструктурированного интервью. В отличие от массовых опросов, которые предполагают «жесткую» структуру анкеты и последовательность вопросов, данный метод подразумевает составление тематических блоков с вопросами, по которым необходимо получить информацию. Подобный подход дает возможность варьировать последовательность вопросов и допускает привнесение в беседу новых тем как интервьюером, так и респондентом. Опорная анкета, разработанная для получения информации по устной истории поселений, включала в себя несколько тематических блоков. Первый блок имел целью получение биографической информации. Он состоял из вопросов о жизни информанта и его семьи в поселке (селе), причинах его переездов, в случае если он покидал населенный пункт. Второй блок был связан непосредственно с устной историей поселения. Он предполагал получение сведений о наиболее значимых событиях в истории поселка (села), а также о персоналиях, жизнь и деятельность которых была связана с населенным пунктом. Кроме того, этот блок включал в себя вопросы об экономическом развитии, общественной и культурной жизни поселка или села (занятиях и промыслах местного населения, промышленных и сельскохозяйственных объектах, праздниках и памятных датах). На этапе сбора информации использовался также метод наблюдения и интервью. Обработка полученных данных включала: расшифровку материалов интервью, выявление тех сюжетов в истории населенного пункта, которые собеседники помнили (сравнительно-исторический метод, помещающий сведения в общеисторический контекст), проверку материалов на их соответствие с реальным историческим событием (историко-типологический метод и историко-генетический подход). Ряд наиболее интересных интервью приводится в *Приложении* к статье.

Примененная языковедами методика также состояла из нескольких этапов. Первый этап включал в себя разработку вопросника с целью выявления фонетических и морфологических

особенностей, маркирующих пограничные ливвиковские и людиковские диалекты, а также получения образцов карельской речи. Свободная беседа на заданную тему (образцы речи) содержала вопросы по устной истории края, топонимике, устному народному творчеству. Ответы респондентов позволяют дополнить данные историков, топонимистов и фольклористов, составляя с ними единый комплекс сведений. Кроме того, анкета предполагала получение биографических и социолингвистических данных, которые уточняют современное состояние диалектов карельского языка и оценочное отношение носителей к своему языку. Методы наблюдения (исследование повседневной речи носителей языка) и эксперимента (работа по вопроснику) легли в основу второго этапа работы – собственно интервьюирования. Обработка полученных материалов предполагала расшифровку образцов речи и их перевод на русский язык, для дальнейшего использования исследователями, не владеющими карельским языком. Сравнительно-исторический анализ данных позволил зафиксировать отдельные фонетические и морфологические маркеры исследуемых диалектов; выявить исходные формы и причины развития диалектных отличий с учетом ареальных связей между контактирующими языками; установить территориальные границы распространения того или иного морфологического и фонетического явлений. На данном этапе работали методы систематизации и описания, историко-сравнительный и сопоставительный, метод проведения изоглосс и компаративный метод.

Фольклорной традиции Пряжинского района и ее изучению предыдущими исследователями посвящена завершающая статья сборника. Ее подготовка и написание проходили в три этапа. На первом, подготовительном этапе, проводилась работа с архивными данными и опубликованными источниками. В результате стало возможным установить в хронологической последовательности все предпринятые ранее экспедиционные выезды по сбору фольклорного материала на рассматриваемой территории. Применение историко-сравнительного метода (анализ описей архивных коллекций, отчетов собирателей, опубликованных образцов устного народного творчества) позволило получить представление о бытовавшей

здесь ранее фольклорной традиции, ее жанровом разнообразии, наиболее талантливых сказителях. Вторым этапом работы стал экспедиционный выезд с целью сбора фольклорного и этнографического материала, образцов карельской речи. При опросе респондентов использовался метод полуструктурированного интервью и метод наблюдения. Заключительный этап работы включал в себя анализ и обработку полевого материала, вследствие чего было получено представление о современном бытовании фольклорной традиции, а отчасти, и о ее взаимовлиянии с русской традицией. Использование сравнительно-исторического, компаративного и сопоставительного методов позволило проследить динамику угасания некоторых жанров фольклора.

Такова общая характеристика примененной в экспедиции 2014 г. и статьях научной методологии. Остается добавить, что собранные за время экспедиции археологические находки прошли камеральную обработку (очистка, паспортизация с присвоением номеров, занесение в коллекционный список) и переданы в Фондохранилище ИЯЛИ КарНЦ РАН. Исторические и лингвистические материалы были расшифрованы и вошли в состав коллекций Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, а свод топонимических данных дополнил Географическую информационно-аналитическую систему (ГИС) «Топонимия Карелии».

Сборник адресован широкому кругу читателей: научным сотрудникам, преподавателям вузов и учителям, студентам, краеведам и всем, кто интересуется историей и культурой Карелии и Севера России в целом.

Алексей Жуков, Юлия Литвин

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

В 1950–1990-х гг. на побережьях озер Пряжинского района археологами Н. Н. Гуриной, Г. А. Панкрушевым, Ю. А. Савватеевым и А. М. Спиридоновым обнаружены поселения и отдельные находки эпохи камня, раннего металла, железа. Осуществленное в 2014 г. обследование местности и оценка состояния памятников показали, что часть из них сохранилась и пригодна к раскопкам; некоторые находятся под угрозой уничтожения в ходе хозяйственного освоения территорий; другие оказались разрушенными строительной деятельностью.

Ключевые слова: археология Карелии, Пряжинский район, Крошнозеро, Святозеро, Маньга, Пряжинское озеро, Пелдожское озеро, археологическая разведка, мониторинг памятников.

Пряжинский район располагается в центральной части южной Карелии. Почти десятую долю его территории занимают озера, наиболее крупными из которых являются Сямозеро, Шотозеро и Ведлозеро. В ходе полевых работ 2014 г. обследованы берега озер Крошнозеро, Святозеро, Маньга, Пелдожское и Пряжинское (рис. 1). Все они являются котловинами ледникового происхождения, находятся в средней части водосбора р. Шуи – притока Онежского озера и принадлежат бассейну Балтийского моря.

Озеро Крошнозеро вытянуто с северо-запада на юго-восток. Длина береговой линии составляет 24,7 м, длина озера 10,4 км, наибольшая ширина 1,3 км². Высота над уровнем моря 94 м БС³. По-

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01212 «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии».

² Озера Карелии: справочник. Петрозаводск, 2013. С. 252–253.

³ Здесь и далее высота дана по Балтийской системе.

хожую форму имеет оз. Святозеро, протянувшееся с юго-запада на северо-восток. Его длина 7,1 км, наибольшая ширина 3,6 км, а протяженность береговой линии составляет 27 км.

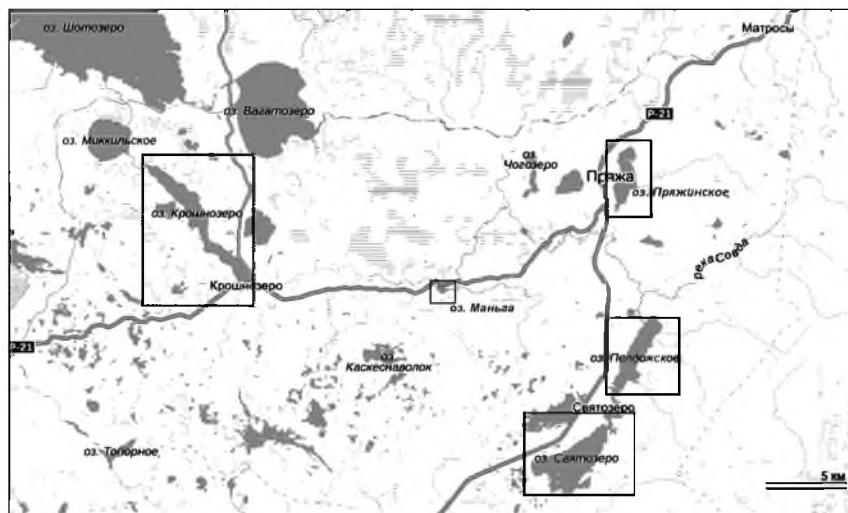

Рис. 1. Карта-схема Пряжинского района с озерами: Крошноезеро, Святозеро, Маньга, Пряжинское и Пелдожское

Из оз. Святозеро вытекает протока, соединяющая его с оз. Пелдожским. По продолговатой форме оно напоминает оз. Святозеро, вытянуто в том же направлении, но меньше размером. Длина береговой линии оз. Пелдожского 15,6 км, длина озера 3,7 км, наибольшая ширина 1,5 км. Высота над уровнем моря 132 м БС⁴.

Пряжинское озеро вытянуто с юга на север. Его высота над уровнем моря 108 м БС. Длина береговой линии составляет 10,9 км, наибольшая ширина 1,6 км, длина 4,5 км⁵.

Небольшой водоем, который часто именуется оз. Маньга, по сути, представляет собой разлив р. Маньги⁶. Максимальная ширина озера не превышает 1 км, длина береговой линии составляет

⁴ Озера Карелии. Указ. соч. С. 285, 287.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ Так разлив назван на современных топографических и интерактивных картах (Google Maps, Yandex Maps).

приблизительно 2–2,5 км. Река Маньга, длиной 29 км, берет начало в оз. Родинъярви и впадает в р. Святреку.

Берега озер, как правило, невысокие отлогие, песчаные или галечные. Более возвышенный каменистый берег имеет оз. Святозеро. Побережья покрыты кустарником, лиственными породами деревьев или смешанным лесом. У северного берега разлива р. Маньги в пределах дер. Маньги сохранился реликтовый сосновый бор. Береговая линия озер неровная, зачастую с выступающими мысами и углубленными в материк заливами. На большинстве озер имеются небольшие острова. В прибрежной зоне некоторых водоемов (например, оз. Крошнозеро), вблизи уреза воды прослежены выходы глин на поверхность, которые могли использоваться в качестве источников пластичного сырья для изготовления посуды. Так, благоприятные природно-географические условия еще в древности сделали эту территорию удобной для проживания человека. В современности на берегах всех перечисленных озер находятся одноименные деревни, села, поселки.

Археологическое обследование данной территории проводилось во второй половине XX в. В 1950–1990-е гг. в результате полевых разведывательных работ открыто 20 объектов археологического наследия (поселения и местонахождения), приуроченных к побережьям озер Крошнозеро, Святозеро, Маньга, Пряжинское и Пелдожское.

Начало истории исследования памятников данной местности связано с первыми открытиями древних стоянок ленинградским археологом Н. Н. Гуриной на побережье оз. Крошнозеро. В ходе полевых работ 1950-х гг. исследовательница выявила три стоянки каменного века. Наиболее ранняя из них – Крошнозеро II – расположена на западном берегу оз. Крошнозеро, в 150–200 м к югу от дер. Котчуры и датирована эпохой неолита по находкам ямочно-гребенчатой керамики и шлифованного сланцевого топора. Две стоянки эпохи раннего металла, материалы которых содержали фрагменты сосудов с примесью асбеста, зафиксированы на юго-западном и восточном берегах озера: Крошнозеро I (около 100 м к югу от дер. Крошнозеро) и Крошнозеро III (северная окраина дер. Ёршнаволок). При этом две из них Н. Н. Гурина застала практически разрушенными: почти всю

площадь стоянки Крошнозеро II занимала пашня, а стоянка Крошнозеро I была уничтожена карьером и строящейся мельницей⁷.

В 1960–1970-е гг. полевые работы в указанном районе проводились Г. А. Панкрушевым. В 1961 г. он обследовал северное и восточное побережья оз. Маньга. В прошлом берег этого небольшого водоема, рядом с которым сейчас проходит автодорога Р-21, не был так плотно застроен и исследователь осуществил археологическую разведку прибрежной территории. В ходе нее открыто три стоянки – Маньга I–III и местонахождение Маньга IV. Памятники располагаются на незначительном расстоянии друг от друга вдоль северной береговой линии оз. Маньга и на берегу впадающей в него р. Маньги. К сожалению, в отчете отсутствовала карта маршрутной разведки, а при описании местоположения памятников ориентирами зачастую служили несуществующие ныне предприятия (например, старая и новая лесобиржи), что значительно осложнило поиск археологических объектов⁸.

Полученные со стоянок материалы в основном содержали ямочно-гребенчатую керамику, посуду с примесью асбеста, а также отходы производства – кварцевые отщепы. На стоянке Маньга III найден хорошо обработанный кварцевый скребок⁹. По находкам керамики указанных двух типов памятники на оз. Маньга следует датировать эпохой неолита – энеолита.

В 1977 г. Ю. А. Савватеев, работая с Г. А. Панкрушевым, обследовал северное побережье Пряжинского озера. На прилегающем к школе-интернату участке берега проходила грунтовая дорога, при шурфовке обочины которой найдены фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, что позволило атрибутировать памятник как неолитическую стоянку Пряжа I. Исследователи осмотрели близлежащие

⁷ *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 87. М.; Л., 1961. С. 219, 299.

⁸ *Панкрушев Г. А.:* 1) Отчет о работе Карельской археологической экспедиции в 1961 г. // Научный архив Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 29. № 86. Л. 41–42; 2) Альбом к отчету о работе Карельской археологической экспедиции в 1961 г. // Там же. № 87.

⁹ *Панкрушев Г. А.* Отчет о работе ... в 1961 г. // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Л. 41–42.

территории, но безрезультатно: наиболее высокая часть берега, где, вероятнее всего, могли находиться памятники, была занята поселком и плотно застроена¹⁰.

В том же 1977 г., при обследовании окрестностей пгт. Пряжа Г. А. Панкрушевым найдены остатки одиночной полуразрушенной могилы: Пряжа 1, в 1,3 км от федеральной трассы М-18, по направлению к дер. Киндасово. Могила располагалась на правой обочине, за дорожным кюветом. Здесь же собраны кремневая ножевидная пластина, осколки кремня и кварца. Предположительно, на данном месте мог находиться могильник, датировка которого не уточнена¹¹.

Археологическую разведку прибрежной зоны озер Пелдожского и Святозеро осуществил А. М. Спиридонов в 1980–1990-х гг. (рис. 2, 3). Ранее на данной территории выявлены единичные находки: в окрестностях дер. Пелдожи найден шлифованный сланцевый топор, а у с. Пряжки – большой шиферный кинжал¹². За два полевых сезона 1984–1985 гг. А. М. Спиридоновым зафиксировано восемь памятников на берегу и островах оз. Святозеро (см. рис. 2). Три стоянки датированы эпохой неолита – раннего металла (Святозеро I, II, V) по фрагментам ямочно-гребенчатой керамики и обломкам сосудов с примесью асбеста. На стоянке Святозеро VIII фрагменты сетчатой керамики свидетельствуют о ее функционировании в эпоху раннего металла. Определение времени существования других памятников (Святозеро III, IV, VI, VII) затруднено, ввиду отсутствия достаточного археологического материала¹³.

¹⁰ *Савватеев Ю. А.*: 1) Отчет о работе Онежско-Беломорского отряда Карельской археологической экспедиции за 1977 г. // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 50. № 182. Л. 8–9; 2) Альбом к отчету о работе Онежско-Беломорского отряда Карельской археологической экспедиции за 1977 г. // Там же. № 183.

¹¹ *Савватеев Ю. А.* Отчет о работе ... за 1977 г. // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 50. № 182. Л. 8–9.

¹² *Гурина Н. Н.* Указ. соч. С. 521.

¹³ *Спиридонов А. М.*: 1) Отчет о работе Приладожского отряда Карельской археологической экспедиции летом 1984 г. и альбом к отчету // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 50. № 837. Л. 9–14; 2) Отчет о работах в составе Водлозерского и Приладожского отрядов Карельской археологической экспедиции летом 1985 г. и альбом к отчету // Там же. № 940. Л. 14–15.

Маршрутная карта разведки на оз. Святозеро

Рис. 2. Карта маршрутной разведки на оз. Святозеро (Спиридонов, 1985)

А. М. Спиридонов также исследовал большую часть береговой линии оз. Пелдожского (см. рис. 3). В 1991 г. им открыто поселение Пелдожское I площадью приблизительно 1000 м², находящееся в 500 м к югу от дер. Пелдожи на небольшом острове, который местные жители называют «Островом туриста». Поселение занимает всю возвышенную часть острова размером 60 × 20–60 м. На стоянке заложены два шурфа общей площадью 20 м². В первом вскрыты очаг, где в углистом слое находились три фрагмента асбестовой керамики, два отщепы кварца и кальцинированная косточка; горн, датированный по углю II–IV вв. н. э., с остатками железного шлака и кострище. На памятнике найдены кругло- и ромбоямочная керамика, обломки

сосудов с примесью асбеста и органики. Находки из второго шурфа представлены немногочисленными фрагментами керамики указанных типов, а также посудой сперринге¹⁴. Таким образом, памятник можно датировать в широком диапазоне эпохой неолита – железным веком.

Рис. 3. Карта маршрутной разведки на оз. Пелдожском (Спиридонов, 1991)

¹⁴ Спиридонов А. М.: 1) Отчет о раскопках на усадьбе Валаамского монастыря и работах в Медвежьегорском и Пряжинском районах Карельской АССР в 1990 г. // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. № 152. Л. 18–21, 25; 2) Альбом к отчету о раскопках на усадьбе Валаамского монастыря и работах в Медвежьегорском и Пряжинском районах Карельской АССР в 1990 г. // Там же. № 153.

В ходе экспедиции 2014 г. проведена археологическая разведка прибрежной зоны озер Крошнозеро, Святозеро, Пряжинское, Пелдожское и Маньга в целях выявления объектов археологического наследия, уточнения сведений о них и планирования мероприятий по обеспечению их сохранности. В задачи входило определение местоположений ранее обнаруженных памятников и оценка их технического состояния¹⁵. Методика проделанной работы описана в Предисловии к настоящему сборнику.

Первым пунктом маршрута разведки стало с. Крошнозеро, расположенное на южном и юго-восточном берегах оз. Крошнозеро в 23 км по автодороге к западу от пгт. Пряжа¹⁶. По описаниям Н. Н. Гуриной определены места найденных ею стоянок. Сразу скажем, что на месте стоянки Крошнозеро I функционировала мельница, затем работала молокораздача, а в последующем – магазин «Продукты»; ныне памятник утрачен.

Для определения возможного места стоянки Крошнозеро II произведена шурфовка. Шурф 1 (1 м²) заложен в 200 м к юго-западу от крайнего дома дер. Котчуры на заброшенном участке, поросшем разнотравьем, в 40 м к востоку от дороги Котчура–Крошнозеро, на высоте приблизительно 2 м от уреза воды. Под слоем дерна (5–15 см) зафиксирован пахотный слой (17–40 см); культурный слой и находки не обнаружены. Аналогичная ситуация выявлена в шурфе 2 (1 м²) в 160 м юго-западнее указателя «Котчура» (южная окраина деревни), в 50 м на юго-запад от дороги Котчура–Крошнозеро, на заброшенном участке, поросшем разнотравьем, на высоте примерно 2 м от уреза воды. Выяснилось, что памятник разрушен в результате активной хозяйственной деятельности.

Предположительно установлено местоположение стоянки Крошнозеро III – северная часть села, занятая домами и различными постройками хозяйственного назначения. Почвы насыщены железистыми включениями. При осмотре обнажений берега, канав,

¹⁵ Хорошун Т. А. Отчет об археологической разведке в Пряжинском районе Республики Карелия в 2014 г. // Научный архив Института археологии РАН.

¹⁶ Карелия: энциклопедия. Петрозаводск, 2009. Т. 2. С. 115; Озера Карелии. С. 252–253.

обочины дороги признаки культурного слоя не выявлены, находки отсутствуют.

Как сказано выше, наиболее полно изучены побережье и острова оз. Святозеро. Состояние большинства стоянок (Святозеро I, II, V, VII–VIII) удовлетворительное и в данное время их сохранности ничего не угрожает (по словам местных жителей, хозяйственная деятельность на этих объектах не ведется). Площадка памятника Святозеро VI в настоящее время часто используется рыбаками и туристами в качестве места для отдыха. Стоянка Святозеро III, ранее зафиксированная в пределах с. Святозера, разрушена.

В целях уточнения данных на стоянке Святозеро IV нами заложен шурф площадью 1 м² в 1 м западнее крайнего северо-западного угла шурфа 1985 г. Под слоем дерна (4–8 см) залегал серо-коричневый пахотный слой (25–30 см), ниже которого прослежена линза песка светло-красного цвета (прокаленный?) (5–15 см), под ней – культурный слой темно-красного цвета, насыщенный угольками и мелкими кальцинированными косточками (15–35 см); подстилающий слой – светло-желтый песок вперемешку с галькой.

Находки встречены на глубине 8–60 см от дневной поверхности. В слое дерна и пахоты обнаружены современное стекло и отщепы кварцита. Ниже в северо-восточном углу шурфа выявлены скопления находок, связанные с остатками каменной кладки размером 80 × 50 см, видимо, очага. Инвентарь представлен кремневой пластиной, пятью кварцевыми скребками, четырьмя нуклеусами из кварца, четырьмя отщепами со следами работы (два из кварца, два из сланца) (рис. 4). Встречено значительное количество отщепов и осколков кварца (78 шт.), сланца (5 шт.), кремня (1 шт.), кальцинированных косточек (50 шт.). По находкам, полученным из шурфа, время бытования исследованного памятника предположительно относится к каменному веку – мезолиту (VI–V тыс. до н. э.). Техническое состояние памятника удовлетворительное.

Из выявленных объектов под угрозой разрушения находится единственная на оз. Пелдожском стоянка Пелдожское I (см. рис. 3). Остров располагается в непосредственной близости от рыбоводческого хозяйства, в связи с чем доступ к памятнику затруднен. Не исключена

возможная застройка площадки стоянки, что требует проведения дополнительных мероприятий по обеспечению сохранности объекта.

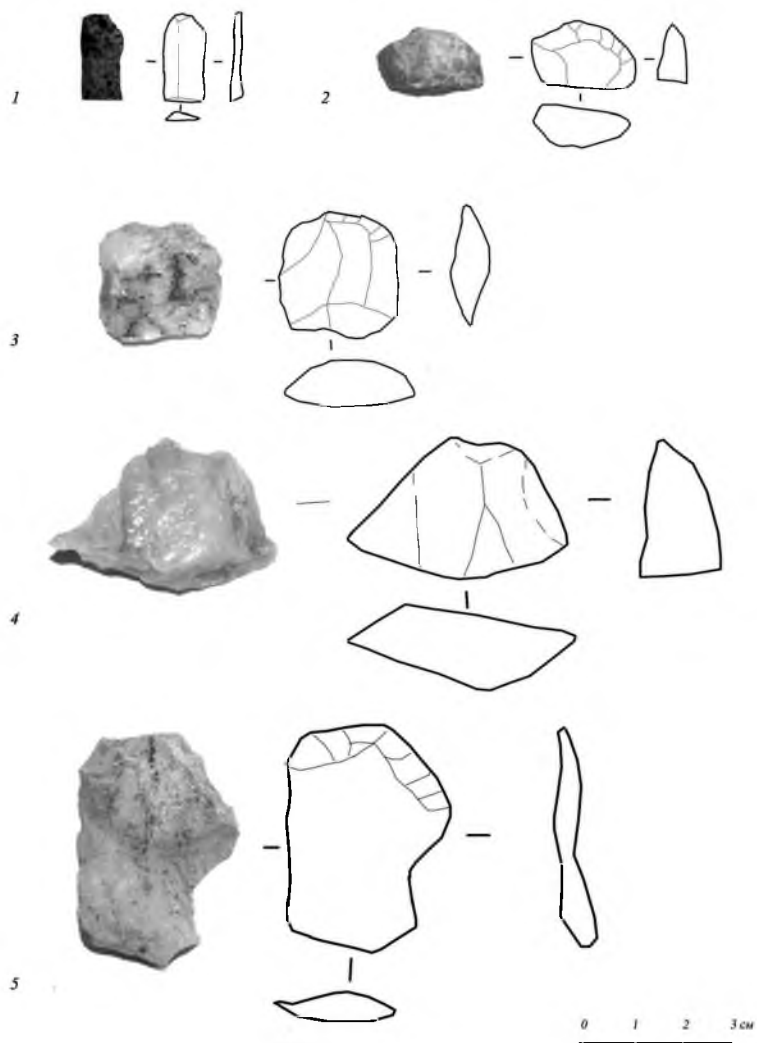

Рис. 4. Стоянка Святозеро IV. Находки: 1 – пластина, кремь; 2–3 – скребки, кварц; 4 – нуклеус, кварц; 5 – отщеп со следами работы, сланец

Утрачены памятники в окрестностях пгт. Пряжа, расположенного на западном берегу оз. Пряжинского, в 44 км к юго-западу от г. Петрозаводска на автомагистрали М-18¹⁷.

В ходе археологического обследования осмотрены южный и северный участки пгт. Пряжа в окрестностях школы и школы-интерната, а также предположительное место одиночной могилы у карьера по дороге на дер. Киндасово. Исследованное западное побережье оз. Пряжинского, где ранее располагалась неолитическая стоянка Пряжа I, полностью застроено. Следы одиночной могилы вблизи дороги Пряжа–Киндасово также не выявлены. На осмотренной территории признаки культурного слоя и находки отсутствовали.

Не более удачными оказались предпринятые мероприятия по локализации памятников, находившихся на берегу оз. Маньга. При попытке обозначить места стоянок привлекались сведения местных жителей, по сообщениям которых стало известно, что на месте бывших лесобирж расположены жилые сооружения. В действительности проход к берегу озера оказался закрыт, поэтому в полной мере исследовать территорию не удалось. Между тем, в обнажениях края берега на южной окраине деревни найдены отщепы кварца. Этот участок является местом постоянного пребывания рыбаков и отдыхающих, рядом располагается свалка бытового мусора, современное кострище и кладбище. Перечисленные объекты и грунтовая дорога нарушили сохранность памятника, однако небольшая площадка со спуском к воде осталась неповрежденной.

На этом месте для идентификации объекта заложен шурф площадью 1 м². Памятник назван Маньга Ia. Вероятно, это древняя стоянка, площадь которой составляет примерно 600 м². Она расположена на краю древней террасы в 15–20 м от берега, на высоте 4,5–5 м над современным уровнем оз. Маньга. Культурный слой сохранился частично, находки встречены уже в верхнем слое дерна и серого подзола на глубине 25 см. В шурфе площадью 1 м² зафиксирован культурный слой – песок оранжевого цвета мощностью 10–25 см под слоем дерна и серого подзола (13–32 см) на подстилающем светло-желтом песке. Находки представлены четырьмя фрагментами неолитиче-

¹⁷ Карелия: энциклопедия. Т. 2. С. 444.

ской ямочно-гребенчатой керамики от двух сосудов, двумя скребками, отщепом со следами работы и нуклеусом из кварца (рис. 5).

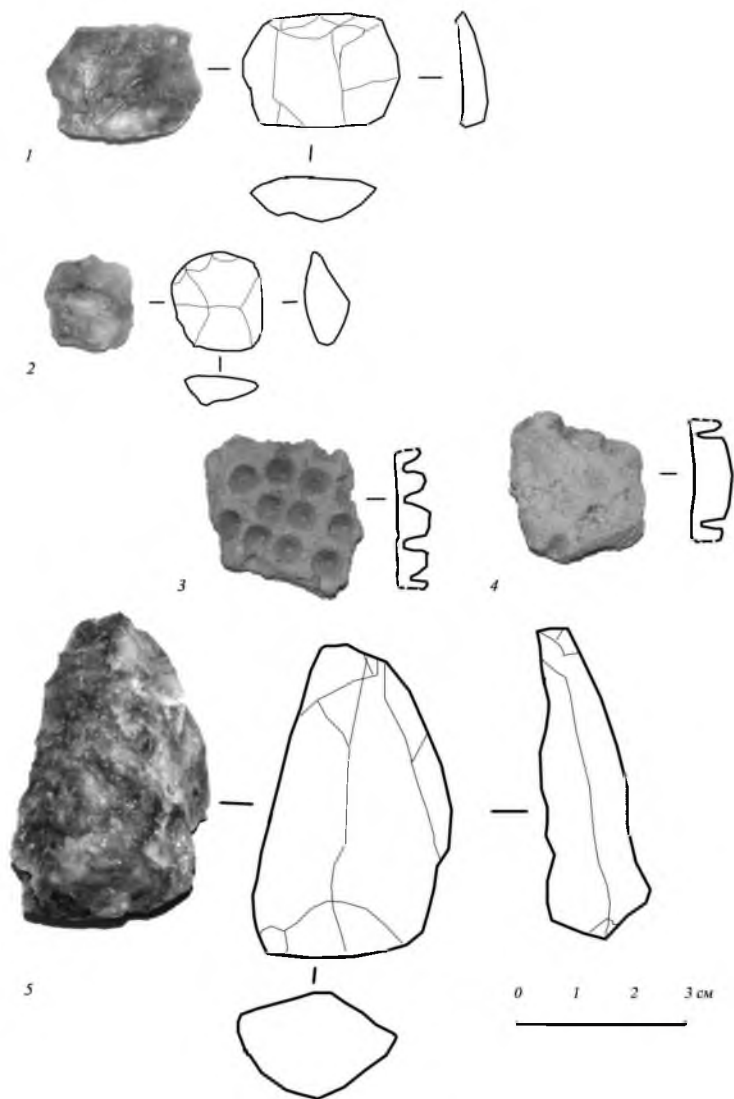

Рис. 5. Стоянка Маньга Ia. Находки: 1–2 – скребки, кварц;
3–4 – неолитическая керамика; 5 – нуклеус, кварц

Встречено значительное количество кварцевых (43 шт.) и сланцевых (2 шт.) отщепов, мелкие кальцинированные косточки (6 шт.). Памятник датируется эпохой каменного века – периодом среднего неолита (V – рубеж V–IV тыс. до н. э.). В дальнейшем планируется проведение дополнительных работ с целью уточнения границ памятника и организации мероприятий по его сохранению, так как этот участок входит в зону активной жилищной застройки.

Учитывая интенсивность хозяйственного освоения территории и функционирование на месте стоянок в различное время двух лесобирж, памятники Маньга I–III, по-видимому, утрачены. Между тем, перспективными для археологических разведок являются участки в районе дер. Маньга и вдоль берега р. Маньги.

Таким образом, в результате проведенных в 2014 г. полевых работ выполнены основные задачи исследования: определены местоположения известных памятников и осуществлена оценка их технического состояния. Обследование показало, что в окрестностях деревень Крошнозеро, Маньга и пгт. Пряжа выявленные ранее объекты не сохранились. Памятники на островах оз. Святозеро не подвергнуты разрушениям; под угрозой находится поселение на острове оз. Пелдожского.

Территория Пряжинского района по-прежнему остается перспективной для проведения археологических исследований. Наиболее тщательно обследованы побережья и острова озер Святозеро и Пелдожского (см. рис. 2, 3), однако разведывательные мероприятия осуществлены более 20 лет назад. Очевидна необходимость в продолжении работ с целью выявления новых памятников и организации мер по защите существующих объектов (Пелдожское I, Маньга Ia). Для дальнейших исследований предварительно выбраны участки, связанные с реками Шуя, Святрека, Маньга и внутренними озерами (Шотозеро, Вагатозеро, Шаньгима, Лижменское, Чогозеро и др.).

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЮДИКОВСКОЙ ТОПОНИМИИ¹

В статье рассматриваются особенности топонимии территории расселения одной из групп карельского этноса – карелов-людигов. Выявленные разновременные топонимные модели, свойственные различным этническим группам, отражают разные этапы истории освоения исследуемой территории и свидетельствуют о неоднородности этнической общности карелов-людигов.

Ключевые слова: топонимия, топонимная модель, карелы-людики, языковые контакты, история освоения территории, формирование языковой общности.

Обращение к топонимии при решении ряда вопросов истории определенной территории как к источнику историко-культурной информации обусловлено большим массивом, устойчивостью во времени и четкой привязкой топонимов к ареалу исследования. Названия географическим объектам даются в соответствии с популярными в определенное время у отдельной языковой общности моделями. Благодаря этому выявление и картографирование топонимных моделей и топоформантов, функционирующих в системе географических названий региона, позволяет проследить, как, по каким путям и какими этническими группами происходило освоение территории, дает возможность реконструировать исторические границы территории на разных этапах ее освоения.

Территориально данное исследование включает в себя, помимо административного центра Пряжинского района – пос. Пряжа,

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01212 «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии» и проект № 14-04-00243а «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте».

поселения, расположенные по берегам озер Крошнозеро и Святозеро. Обозначенный ареал является территорией вторичного сбора топонимического материала: планомерный сбор топонимии здесь проводился сотрудниками сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (далее – ИЯЛИ КарНЦ РАН) с 1970-х гг.; полевые материалы хранятся в Научной топонимической картотеке ИЯЛИ и насчитывают около тысячи единиц хранения. Поэтому целью экспедиции 2014 г., помимо сбора топонимического материала с применением усовершенствованных методик получения ономастической информации, была проверка имеющегося в картотеке материала, его соотнесение с картой, а также выявление изменений, произошедших в топонимии региона за прошедшее время. В ходе полевой работы было опрошено 20 информантов из 11 населенных пунктов исследуемой территории, собрано около 300 фиксаций топонимов, которые были занесены в базу данных ГИС «Топонимия Карелии» и геокодированы.

Сравнение материалов предыдущих экспедиций и экспедиции 2014 г. позволяет сделать вывод о том, что изменения в жизни села на территории южной Карелии сказались не самым лучшим образом и на топонимии. Естественная убыль населения, миграция трудоспособного населения в города и более крупные районные центры, функционирование деревень в качестве дачных поселков для некоренного населения, отсутствие ведения сельского хозяйства и т. д. – все это является причинами исчезновения и забвения микро-топонимии (названий сенокосов, пастбищ, полей, лесных урочищ и пр.), создававшейся и функционировавшей только в условиях сельской жизни.

По данным языкознания, исследуемый ареал делится на ливвиковское Крошнозерье и людиковское Святозерье, это деление подтверждается и на топонимическом уровне. Топонимия карелов-ливвиков рассматривалась ранее в ряде работ², поэтому в настоящей

² Мамонтова Н. Н. Структурно-семантические типы микро-топонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982; Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н. Топонимия как отражение этнического прошлого Сямозерья // История и культура Сямозерья /

статье предлагается через призму топонимии взглянуть на проблему этнической истории территории расселения карелов-людиков. Это позволит осветить ряд моментов, связанных с происходившими в исследуемом ареале этническими процессами, которые и привели в конечном итоге к формированию на территории современного Пряжинского района группы людиков.

На протяжении нескольких последних лет в ИЯЛИ КарНЦ РАН создается единственная в России географическая информационно-аналитическая система «Топонимия Карелии», составной частью которой является «Электронный архив людиковской топонимии», насчитывающий в настоящее время около шести тысяч топонимов; всего коллекция топонимов с территории проживания карелов-людиков составляет приблизительно 10 тысяч единиц хранения. Материал собирался сотрудниками института в полевых экспедициях на протяжении последних 15 лет как в современных, так и в обрусевших в XX в. людиковских поселениях. Кроме этого, топонимия ареала расселения людиков собиралась финскими исследователями, прежде всего, В. Ниссиля, во время Второй мировой войны.

Людики – одна из групп карельского этноса, которая сформировалась в центральных частях Олонецкого перешейка (на Онежско-Ладожском водоразделе) в процессе межэтнического контактирования местного вепсского населения с продвинувшимися сюда из Приладожья карелами, в административных понятиях – из Корельского уезда России, он же с 1610-х гг. – Кексгольмский лен Швеции.

В научном мире до сих пор нет единого мнения относительно языка данной этнической группы. Российские исследователи относят его к одному из наречий карельского языка, в то время как некоторые финские лингвисты считают его самостоятельным прибалтийско-финским языком³. Необходимо все же отметить, что у людиков не успела сложиться в достаточной мере единая языковая форма, какой является, например, ливвиковское наречие. Так,

Под ред. В. П. Орфинского, И. Е. Гришиной, А. П. Конкка, И. И. Муллонен, В. Д. Рягоева. Петрозаводск, 2008. С. 25–38; и др.

³ Подробнее см. статью *И. Новак* настоящего издания.

по данным диалектологии, в средних и особенно в южных говорах людиковского наречия карельского языка наиболее сильно ощущается влияние вепсского языка, в то время как в северных говорах силен собственно-карельский компонент. В средних частях ареала фиксируются отчетливые следы языка карелов-ливвиков. Кроме этого, в языке людиков на всей территории проживания ощущается значительное русское влияние, что обусловлено многовековым проживанием этой субэтнической группы карельского населения в непосредственной близости от русскоязычных поселений. Исследователями подсчитано, что 59 % всех существительных и 17 % глаголов в словаре людиковских говоров относятся к русским заимствованиям⁴.

Принято также считать, что сам этноним *lyydi*, *lyydikoi* имеет русские истоки и восходит к древнерусскому *люди*, *людин* ‘человек, вольный человек’⁵. Эти же истоки имеет и самоназвание группы ливвиков (*lyygi(läine)*, *livviköi*), проживающих с запада на сопредельных с людиками территориях. Следует отметить, что людиками (вепс. *lydilain'e*) называют себя также северные прионежские вепсы и часть носителей средневепсского диалекта, проживающих в непосредственной близости от Свири, в южном Присвирье. Данный факт, по мнению И. И. Муллонен, дает основание полагать, что этноним *lyydi* распространился в первые века II тыс. по Свири вместе с новгородским освоением и использовался для именованя местных вепсов, которые в то время были основным населением как южного, так и северного Присвирья. В дальнейшем, в ходе карельского продвижения из северо-западного Приладожья в Онежско-Ладожское межозерье, вепсское население северного Присвирья

⁴ *Suhonen S. Venäläislainojen mukautumisesta lyydiin // Laatokan piiri. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 60. Vapokustannus. Helsinki, 1990. S. 175; Lyydiläismurteiden sanakirja / Toim. Juho Kujola. Helsinki, 1944.*

⁵ *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. II. SKST 556, Jyväskylä, 1995. S. 120; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. II. М., 1881. С. 289.*

постепенно ассимилировалось карелами, и данный этноним стал обозначать здесь карелизированных вепсов – ливвиков и людиков⁶.

Но вернемся непосредственно к теме нашей статьи. Прежде всего следует отметить, что в топонимии исследуемой территории выявляется несколько пластов географических названий: помимо более позднего русского слоя, выделяется значительный массив топонимов прибалтийско-финского происхождения, при этом наравне с карельским присутствует и вепсский компонент. Кроме того, топонимия обозначенного ареала сохраняет также саамский след.

Считается, что наиболее древними из этнически определяемых насельников Карелии являлись саамы, известные также по документальным источникам как лопари. Свидетельством этого являются многочисленные топонимы (главным образом, гидронимы – названия водных объектов) саамского происхождения: оз.⁷ *Šuksoilambi* (Уссуна), руч. *Šuksoja / Šuksoioja* (Уссуна), мыс *Šuksoiniemi* (Шушки) < саам. **šukčē* ‘глухарь’; з. *Kotkadmäged*⁸ (Пряжа), оз. *Kotkazlambi* (Тивдия), бол. *Kotkassuo* (Нимозеро), руч. *Kotkudoja* (Карташи), мыс *Kotkadniemi* (Каничева Сельга), зал. *Kotkadguba* (Каничева Сельга), уг. *Kotkadgubannurmet* (Каничева Сельга) < саам. **kuotkō(j)* ‘перешеек’; оз. *Kuujärvi* (Михайловское) < саам. **kukkē* ‘длинный, долгий’ (ср. сохранившиеся в средневековых письменных источниках более ранние фиксации – *Кукозеро*, *Гулкозеро*⁹, приближенные

⁶ Муллонен И. И. Людики на топонимической карте Карелии // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреневские чтения. Сборник статей. СПб., 2011. С. 229–230.

⁷ Здесь и далее сокращения географических терминов: оз. – озеро; о. – остров; бол. – болото; г. – гора; дер. – деревня; зал. – залив; р. – река; руч. – ручей; уг. – угодье; уроч. – урочище.

⁸ Часть названий на *Kotkaz-*, *Kotkud-* могла появиться уже в прибалтийско-финское время (ср. карел. *kuotkut*, *kotkova* ‘перешеек’), однако сам географический термин был, без сомнения, заимствован карелами в результате контактов с аборигенным саамским населением края.

⁹ Писцовые книги Обонежской пятины Заонежской половины 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / подг. к печ. А. М. Андрияшев; под ред. М. Н. Покровского. Л., 1930.

к саамскому оригиналу); *bepeɣ Lid'zmanrand* (Новиково), *руч. Ližmoi / Ližmoja* (Виданы), *оз., деп. Ližmejärvi / Ližmärv'* (Лижмозеро), *оз. Lidžmindärvi* (Лижма), *р. Ližmajogi / Ližmanjogi / Верхняя Лижма* (Лижмозеро), *уг. Ližmanjovennurmet / Ližmand'ogel* (Лижмозеро), *деп. Lidžmi / Lidžminkylä* (Лижма), *мыс Лижмнаволок* (Ватнаволок) < саам. *lisme* 'ил, тина', саам. *lisma* 'водный мох'; *р. Luzmand'ogi* (Нимозеро), *руч. Luzmanoja* (Пелдожа¹⁰), *оз. Luzmanlambi* (Пелдожа),

¹⁰ См. статью Т. Хорошун и И. Сумманен об археологических находках на острове оз. Пелдожского в настоящем издании.

Археологи КарНЦ РАН не видят археологических проявлений древнесаамской культурно-исторической общности до начала первых веков второго тысячелетия нашей эры и связывают ее, таким образом, только со временем Высокого Средневековья (XI–XIV вв.). Стоит все же отметить, что согласно исследованиям скандинавских ученых распространение древнесаамского населения в Швецию в самой узкой части Ботнического залива должно было произойти не позднее 9–10 веков первого тысячелетия (Bergsland K. Bidragtil sydsamenes historie: Skriftserie. Senter for Sámmiske studier 1. Tromsø, 1995). Именно на эту хронологию указывает анализ закономерностей саамской субстратной топонимии центральных частей Швеции. В связи с этим можно напомнить здесь, что формирование прасаамской языковой общности происходило в первые века первого тысячелетия нашей эры в условном треугольнике между Белым, Ладожским и Онежским озерами (Saarikivi J. Saamelaiskielet: Nykypäivää ja historiaa. Saamentutkimus tänään. Tietolipas 234. Helsinki, 2011. S. 113). С распадом саамского праязыка образовалось два диалекта – северный и южный (Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 370. Helsinki, 1981. S. 49–50). К последнему относилось население, осваивавшее в свое время территории южных частей современной Карелии и Финляндии. Именно носители южного диалекта должны были достигнуть центральных частей Швеции не позднее рубежа 10–11 веков, о чем свидетельствуют данные фонетической адаптации скандинавской топонимии саамами. Указанный факт позволяет осторожно предположить, что освоение древнесаамским населением южных частей Карелии могло произойти достаточно рано. Только после этого далекие предки нынешних шведских саамов должны были продвинуться на запад, на восточное побережье Ботнического залива, а затем и пересечь его. В связи с вышеуказанным возникает вопрос, не с распространением ли этого населения можно увязывать находки в Святозерской волости, относимые к 4 веку нашей эры?

уз. *Luzmanrandu* (Пелдожа) < саам. *lu'smm* 'исток реки'; п. *Nivad'ogi* (Карташи), зал. *Nivanguba* (Карташи), уз. *Nivannurmet* (Карташи), оз. *Nivalambi/Nivalamb* (Юркостров), устье *Nivanust'* (Шушки), уроч. *Nivand'ogenkorb* (Курганова Сельга) < саам. *njávve*, *njââ'vv* 'стремнина, место с течением; небольшой порог'; оз. *Oškutjärvi* (Намоево), руч. *Oškudoja / Oškudd'ärvenoja* (Намоево), з. *Oškudd'ärvensel'g* (Намоево), з. *Oškud'd'ärvenkriežat* (Намоево) < саам. *vuosku* 'окунь'; оз., дер. *Pälärvi* (Пялозеро), п. *Päländ'ogi* (Пялозеро), яма *Päl'ärvenorgo* (Пялозеро), оз. *Pälärvenlambit* (Юркостров), < саам. *pie'll*, *pieŕle* 'ухо' > 'край, бок, сторона'; уз. *Ruoksunnurmet / Ruoksu / Ruoksud* (Виданы), бол. *Ruoksuo* (Тавойгора), бол. *Ruoksasuo* (Кашканы) < саам. *ruokse* 'мох'; мыс, дер. *Siidniemi* (Сигнаволок) < прасаам. **sijte*'(зимняя) деревня'; з. *Suolužmägi* (Сулажгора) < саам. **suoloj* 'остров'; оз. *Viiksijärvi* (Викшицы; Лижмозеро), зал. *Viikšarvenguba* (Викшицы), п. *Viiksinjogi* (Тивдия), зал. *Viiksilahiti* (Тивдия), оз. *Viiksilambi* (Тивдия), уз. *Viikši* (Курганова Сельга), бол. *Viikšinsuo* (Курганова Сельга), з., уз. *Viikšinselgä* (Юркостров) < саам. **vēksi* 'небольшая река, соединяющая два водоема; пролив' и др.

Возможно, что память о саамском населении исследуемой территории хранят также названия с топоосновой *Lapin-* (карел. *lappi* 'саам, лопарь'): уз. *Lapinniittu* (Святозеро), бол. *Lapinsuo* (Мошничье), оз. *Lapind'ärvi* (Михайловское), оз. *Lapinlambi* (Курганова Сельга) и др. В то же время известно, что наименование *Lapinkylät* букв. «лопарские деревни» закрепилось за рядом людиковских поселений в окрестностях Петрозаводска¹¹. Языковые особенности говоров этих деревень сближаются по ряду признаков с говорами южного ареала собственно-карельского расселения. Данный факт свиде-

¹¹ Ср.: в 1601 г. лопенин из Ялгубы Гришка Меркурьев с племянником получает от царя Бориса Годунова жалованную обильную грамоту на пожизненное освобождение от выплаты податей (Карелия в XVII в. Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 15). Но все же *лопенин*, *лопанин* по материалам XVI–XVII вв. – житель Лопских погостов, т. е. в подавляющем большинстве случаев – карел; саамов те же источники именовали *лопин*, *лопины*. Можно здесь также отметить, что лопью названо людиковское население ряда деревень Шуйской волости и в списке населенных мест 1873 г.

тельствует о связях севернолюдиковского и собственно-карельского ареалов, а также о возможном подселении в среду людиков на определенном этапе карельского населения из Мяндусельской волости (входила в Семчезерский погост округа Лопских погостов Новгородского уезда, затем – Олонецкого), которое использовало применительно к себе самоназвание *lappi* ‘лопарь’ > ‘карел’, а язык свой именовало «лопарским языком» или *lapinkieli* «карельский язык». Поэтому нельзя исключать, что, по крайней мере, в основе названия покоса *Lapinniittu* могло закрепиться прозвище человека или семьи, которая подселилась в Святозерскую волость из окрестностей Петрозаводска. Подобное толкование можно дать и для более южных названий с атрибутивным элементом *Lapin-* в бывшей Важинской волости.

Неоднократная фиксация в топонимии исследуемой территории названий саамского происхождения, а также топонимов, указывающих на саамов-лопарей, позволяет предположить, что автохтонное саамское население здесь было ассимилировано прибалтийско-финскими новопоселенцами в процессе межэтнических контактов. При этом можно также думать, что местные саамы перешли на один из прибалтийско-финских языков через процесс билингвизма, что, в свою очередь, создало хорошие предпосылки для сохранения старой саамской топонимии, бытующей на этой территории в средние века, а, возможно, и еще в начале Нового времени.

На смену саамам в Обонежье приходит прибалтийско-финское население, и первенство здесь принадлежало древним вепсам, которые начали осваивать территории к северу от Присвирья в первые века II тыс. н. э. «В процессе колонизации древними вепсами Ладожско-Онежского межозерья их этнический ареал к XV в. охватил обширные земли, включающие территорию современного расселения людиков и ливвиков, сформировавшихся в результате этнического взаимодействия вепсов и пришлых “корельских выходцев” из северного Приладожья»¹². В основе двух карельских наречий, ливвиковского и людиковского, хорошо просматривается

¹² Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV–XVII веках // История и культура Сямозерья. С. 42–43.

вепсская субстратная языковая основа, при этом именно у людиков сохранился значительный вепсский элемент на всех уровнях языка.

Данные, содержащиеся в средневековых письменных документах, «отмечающие невозможность четкого определения границы – „межи“ Шуйского погоста – основной территории формирования карелов-людиков – по причине того, что шуйане Шуйского, святозерцы Важинского, кижане-кондопожане Кижского погостов (предки современных людиков) и сямозерцы Олонецкого погоста (будущие ливвики) возделывали подсеку по всей чисто условной линии административного размежевания этих погостов», позволили А. Ю. Жукову предположить, что «такое „нарушение межи“ на Шуйе стало возможным лишь по той причине, что от Олонца до Кондопоги на местах сохранялись кровнородственные и шире – племенные связи местных жителей как прямых потомков древних вепсов: самые северные родовые земли веси протянулись широкой полосой от Сямозерья на западе, через Святозеро и реку Важинку на юге, реку Шую в центре и до северных заливов Онежского озера на востоке»¹³.

Несмотря на исторические свидетельства вепсского прошлого исследуемого ареала, выявление вепсских дифференцирующих элементов в топонимии региона затруднено, поскольку лексика, задействованная в топонимобразовании, была в значительной мере единой, как в среде вепсского, так и карельского населения.

Тем не менее, на исследуемой территории удастся выявить ряд таких топонимических и лексических фактов, распространение которых в языке и в системе географических названий может указывать на вепсский субстрат в людиковском ареале расселения.

Продуктивны, например, поиск и использование таких топонимных моделей, которые функционировали какое-то ограниченное время и были свойственны какой-либо определенной этнической или языковой группе. Именно из таких моделей можно извлечь информацию о территории и времени существования некой локальной группы населения. Примером такой хронологически

¹³ Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV–XVI веках // История и культура Сямозерья. С. 43.

обусловленной модели, представленной в Карелии, являются наименования водных объектов (озер и рек) с основой *Pyhä-* ‘святой’.

Будучи широко известной в северо-западном Приладожье, где в конце I тыс. н. э. сформировалась карельская этническая общность, модель не продвинулась вместе с карельской экспансией на восток и северо-восток. Очевидно, ко времени карельского продвижения на восток она уже утратила в карельской среде свою активность. Ареал гидронимов с основой *Pyhä-* (и русской переведенной *Свят-*) в Карелии свидетельствует, что данная топооснова представлена на путях вепсского продвижения на север (вдоль водных путей к Беломорью), на восток (по Водле и за водораздел) и на юго-восток (в Белозерье). Очевидно, указанная модель связана с вепским освоением территории и может рассматриваться как некий маркер такого освоения¹⁴, она представлена следующими топонимами: оз. *Pyhälambi* (Святозеро), руч. *Pyhäoja* (Святозеро), р. *Pyhäjogi* (Пряжа), оз. *Pyhälambi* (Пряжа), оз. *Pyhälambi* (Афанасьева Сельга) и название оз. *Pyhäd'ärvi* (рус. Святозеро), которое легло как в основу одноименного населенного пункта, так и позднее в название Святозерской волости. Следует отметить, что среди целого ряда названий прежних волостей южной Карелии, это одно из немногих, которое имеет прибалтийско-финские истоки, в то время как большинство других являются, видимо, самскими по происхождению: ср. *Kotkadjärvi* (рус. Коткозеро) < саам. **kuotkō(j)* ‘перешеек’, *Kuujärvi* (рус. Михайловское) < саам. **kukkē* ‘длинный, долгий’, *Vuhtajärvi* (рус. Вохтозеро) < саам. **uktj* ‘путь, дорога’, *Siämäjärvi* (рус. Сямозеро) < саам. **sāmē* ‘саам, лопарь’ и др. Данный факт, возможно, свидетельствует о достаточно раннем проникновении вепсов на эту территорию. Показательно, что на берегу оз. Святозеро фиксируется уже выше упомянутое название поселения *Siidniemi* (рус. Сигнаволок), в котором восстанавливается саамская лексема **sijte* со значением ‘(зимняя) деревня’.

Известно, что «зимняя деревня» являлась определенной формой организации и сотрудничества нескольких семейных групп/родов

¹⁴ Муллонен И. И. «Святые» гидронимы в контексте вепско-русского контактирования // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноразличных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С. 17–27.

саамского населения. В их пользовании находились «общинные» промысловые угодья, распределение и управление которыми происходило в зимнее время, когда члены родов собирались вместе для решения общих организационных и правовых вопросов. По мнению ряда исследователей, появление такой формы организации саамских родовых сообществ относится в разных частях Фенноскандии к периоду Средневековья (800–1150/1300 гг.)¹⁵. Можно предположить, что освоение древними вепсами окрестностей оз. Святозеро не было случайным, поскольку здесь мог находиться некий административный центр саамского населения Онежско-Ладожского межозерья. Таким образом, Святозерье было, видимо, некогда пограничной территорией, что и отразилось в названии *Pyhäd'ärvi*, которому свойственна пограничная семантика (ср. приб.-фин. *pyhä* 'граница, ограда')¹⁶.

Анализ распространения гидронимов на *Pyhä-* / *Свят-* свидетельствует, что многие из них привязаны к старым границам (финский историк С. Суванто заметил, что на территории Финляндии и Эстонии гидронимы с основой *Pyhä-* привязаны к древним, восходящим еще к железному веку, родовым границам¹⁷) и могут квалифицироваться как пограничные. При этом, как отмечает И. И. Муллонен, этапы семантического развития слова *pyhä*, закрепившегося в качестве гидронимной основы, свидетельствуют о том, что продвижение вепсской волны на север должно было произойти не позднее рубежа I–II тыс. н. э., в период до вытеснения изначальной семантики ('граница' → 'святой')¹⁸.

Таким образом, название оз. *Святозеро* (карел. *Pyhäd'ärvi*) могло, видимо, маркировать на рубеже тысячелетий северную границу

¹⁵ Halinen P. Arkeologia ja saamentutkimus // Saamentutkimus tänään. Toim. Irja Seurujärvi-Kari & Petri Halinen & Risto Pulkkinen. Tietolipas 234. Helsinki: SKS, 2011. S. 158; Carpelan C. Inarilaisten arkeologiset vaiheet // Inari – Aanaar. Inarin historia jääkaudesta nykypäivään. Oulu: Inarin kunta, 2003. S. 70–71.

¹⁶ О «приграничном статусе» бассейна Святозеро–Святреки см. статью А. Жукова настоящего издания.

¹⁷ *Suvanto S.* Satakunnan ja Hämeen keskiaikainen rajalaitos. Tampere, 1972. S. 54.

¹⁸ *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 155.

вепсского расселения в северном Присвирьи. В дальнейшем эти же «святые межи» использовались в практике административно-территориального разграничения на северно-присвирские и олонечские погосты и волости в их составе, в т. ч. Святозерскую волость. В доказательство можно привести и «параллельный» карельский материал, подтверждающий правоту С. Суванто и И. И. Муллонен. Первоначально в карельском Приладожье озера с названием на *Pyhä*-размежевывали различные группы формировавшегося тогда карельского народа, а затем Великий Новгород приспособил данное разграничение для практики внутреннего церковно-приходского и районного деления Корельской земли на погосты. Так, Пюхьярви–Святозеро (ныне оз. Отрадное) разделяло центральный Городенский и Сакульский погосты; на другом, северном Пюхьярви сходились земли сразу четырех погостов: Городенского, Кирьяжского, Сердовольского и Иломанского; далее, к востоку земли сердовольского Суйстамо (будущей Суйстамской волости – *Suistama rågosth*-а Кексгольмского лена) разрезали Соломенский погост надвое: его южная приладожская часть Салми отделялась от Суйстамо озером Пюхьярви в районе Уукуе, а северная часть Суоярви – озерами Исо-Пюхьярви и Пиен-Пюхьярви южнее верхнего течения «Суи-реки»-Шуи¹⁹.

Не исключено, что освоение вепсами окрестностей Святозера было мотивировано на определенном этапе истории, в том числе и тем, что здесь находился один из «административных» (родовых, племенных) центров саамского населения, где происходило управление природными ресурсами северо-западного Обонежья и их распределение. Нельзя также исключать, что местная лопь могла уже тогда попасть в зависимые отношения от древних вепсов, которые начали осваивать лопские земли на рубеже тысячелетий.

Важной водной магистралью, ведущей на территорию проживания средних людиков и далее на север, была в то время р. *Важинка*

¹⁹ Жуков А. Ю. Корельская земля Великого Новгорода – Корельский уезд России – Кексгольмский лен Швеции: эволюция административно-территориального устройства XII–XVIII вв. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2. Пятое Шёгреновские чтения. Сборник статей. СПб., 2012. С. 152.

(карел. *Vuaž(e)n'and'ogi*). На достаточно раннюю освоенность этого водно-волокового маршрута вепсами указывает само название реки, в котором скрывается ныне утраченный вепским языком географический термин *vad'ž-* (**vatsV*) со значением 'болотный массив, заболоченная территория, довольно обширное болото'²⁰. На продолжительное использование вепсами этого транзитного маршрута из новгородских земель в Заонежье и далее на север указывает ряд разновременных моделей вепского происхождения, фиксирующихся вдоль данной водной системы. Среди них, например, модели для называния возвышенных участков местности **Čuhak-*, *Čuhuk-* и *Kukuoinhard'* 'холм, возвышенность'²¹: ср. г. *Čuhakkomägi* (Мошничье; Кашканы), бол. *Čuhaksuo* (Кашканы), руч. *Čuhakoja / Čuhakkooja* (Кашканы), уг. *Čuhakonniityd* (Кашканы), уроч. *Čuhakonkangaz* (Ташкиницы), уг. *Čuhakuunsel'g* (Ташкиницы); г. *Kukuoinhard'* (Мошничье), уроч. *Kukuohard'unsel'g* (Кашканы), уг. *Kukuenhard'a* (Святозеро), г., уг. *Kukuunhuar' / Kukuunhuar'anmägi / Kukunharj* (Михайловское). Возможно, к последней группе относятся также названия возвышенностей *Kukoimägi* (Виданы) и *Kukoisel'g* (Машезеро), подвергшиеся частичному переводу в результате карельской адаптации. Кроме представленных выше географических названий, на территории проживания людиков фиксируются и другие топонимы, которые могут быть своеобразными маркерами вепского прошлого этих земель, ср. возвышенность *Homžomansel'g* (Виданы), уроч. *Homžoma* (Виданы), уг. *Homžomannurmed* (Виданы) < вепс. *hongžom* 'сосновый лес; сосняк', оз. *Kiekerlambi* (вепс. *kehker* 'круглый') (Лижма) и др.

Следующим примером является практически неизвестная карелам топонимная основа *Burde- / Purde-* 'родник, ключ', которая, в свою очередь, исключительно продуктивна в вепском ареале расселения. Рассматриваемая топонимная модель, как и сама лексема, функционирует, прежде всего, на южных людиковских территориях в бывшей Важинской волости, а также в средней части людиковского ареала: родник *Agd'amburde* (Кашканы), уг. *Burdepeldo / Purdepeldo* (Кашканы), родник *Burde* (Яковлевская), уг. *Purde*

²⁰ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья... С. 289.

²¹ Там же. С. 162, 166.

(Лояницы), колодец *Purdekaiv* (Гижино), уг. *Purdeniityd* (Ташкиницы), руч., бол., уг. *Purdeoja* (Лояницы), уг. *Purdepalo* (Лояницы), г., уг. *Purdesel'g* (Лояницы), уг. *Purdesel'gänniityd* (Лояницы), родник *Burde* (Святозеро; Прякки). Кроме этого, единичные фиксации представлены также на территории проживания карелов-ливвиков (ср. уг. *Puurde* в Самбатуксе) и в русскоязычной топонимии Заонежья (ср. мыс *Бурднаволок* в Вершунье), где они также могут рассматриваться в качестве вепского наследия в топонимии южных частей Карелии.

Еще одним вепским маркером в топонимии людиков может являться тип названий на *Kuar-* / *-kuar(e)*. На апеллятивном уровне термин *kuar*; *kuare* в значении 'залив, бухта' известен только у южных людиков в Михайловском и Согиницком говорах, ср. вепс. *kar(a)* 'то же'. На вепских территориях лексема широко представлена в топонимии и в языке средних и северных вепсов. Кроме этого, в форме *кара* термин функционирует и в топонимии сопредельных ныне русскоязычных территорий Пудожского района Республики Карелия и Ленинградской области. У людиков, помимо Михайловского и Согиниц, модель достаточно продуктивна в топонимии бывшей Святозерской волости, где рассматриваемая лексема фиксируется, в том числе и в качестве детерминанта (ср. заливы *Kuare*, *Hiižkuare*, *Hodarinkuare*, *R'uumoikuare* и др.). Данный факт свидетельствует в пользу относительно недавнего выхода лексемы *kuare* из активного употребления. Одной из причин ее утраты людиками, вероятно, стало усвоение ими севернорусского географического термина *губа* 'залив' (люд. *guba*), который вытеснил со временем лексему с вепскими истоками²². В данном случае показательны названия заливов, где наблюдается присоединение идентичного по семантике детерминанта *guba* к первоначальному топониму на *-kuare*: заливы *Hodarinkuaranguba* (Святозеро), *R'uumoikuaranguba* (Святозеро), *Kuaranguba* (Вашаково), *Lotoikuaranguba* (Палатозеро), *Mudakuaranguba* (Палатозеро), *Savikuaranguba* (Палатозеро). Таким образом, география распространения слова в лексике и в топонимии на территории северного и южного Присвирья (вепс. *kar*, *kara*, люд. *kuar*, *kuare* и рус. *кара*) может свидетельствовать о единых вепских истоках рассматриваемого типа.

²² Муллонен И. И. Указ. соч. С. 165.

Для целей выявления субстратных элементов в топонимии наглядны также ареально-семантические оппозиции, когда один и тот же признак, положенный в основу названия, выражается разными этноязыковыми группами по-разному. В качестве примера в данном случае можно привести ареальную оппозицию *Rinne- / Rindie-* и *Palte-* ‘склон, косогор’. Топооснова *Rinne- / Rindie-* широко представлена в топонимии собственно-карельских территорий. Кроме этого, в форме *Rindu- / Rindie-* она бытует и в смежном ливвиковско-людиковском ареале (рис. 1), где известна также модель *Palte-*, которая спорадически фиксируется на самом юге собственно-карельского ареала. В то же время она имеет широкое бытование на территориях, населенных вепсами. В виде *Палтега* модель присутствует в топонимии русского Обонежья (рис. 2). Таким образом, топонимная модель *Rinne- / Rindie-* на людиковских территориях может рассматриваться как карельское наследие, в то время как модель *Palte- / Палтега* – как вепский маркер.

Ряд географических названий, атрибут которых выражен причастием *Törizie-*, представляет собой еще одну карельскую дифференцирующую модель, зафиксированную в людиковской топонимии и непродуктивную в вепской: оз. *Törziilambi* (Святозеро), руч. *Тережручей* (**Töröžieoja*) (Сулажгора), уг. *Törözijänurmet* (Карташи), руч. *Törzieoja* (Декнаволок), беpez *Törzierand* (Мунозеро), руч. *Törzijäoja* (Мунозеро), руч. *Törziioja* (Юркостров), руч. *Törzoja* (Курганова Сельга) и др.

Всего в Карелии зафиксировано более 20 гнезд названий рассматриваемого типа, которые представлены, главным образом, в топонимии собственно-карельских территорий. При этом основной ареал названий на *Törizijä- / Törizie-* находится в Приладожской Карелии и к северу от нее. На карельские корни модели указывает и сам глагол *töristä* со значением ‘греть’, от которого образовано I причастие актива. Основным мотивом номинации названий данного типа стал громкий звук, издаваемый водой: ср. *oja virdoaa törizöö* ‘ручей гремит’ (Суоярви)²³.

²³ Karjalan kielen sanakirja. VI / Toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki, 2005. S. 388.

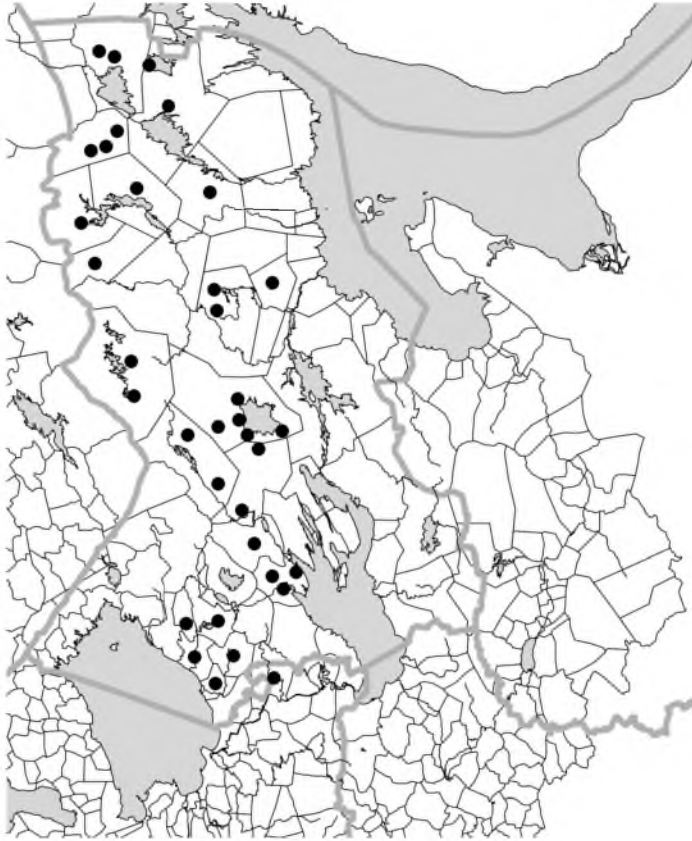

Рис. 1. Ареал модели Rinne- / Rindie-

Карта распространения названий данного типа (рис. 3) свидетельствует о том, что модель *Törizijä- / Törizie-*, появившаяся в Приладожской Карелии, распространяется оттуда вместе с карельской экспансией на обширные территории, вплоть до финляндской Лапландии на севере, Белого моря на северо-востоке и Онежского озера на востоке. В современной Карелии модель представлена наиболее активно в западных частях Беломорской Карелии, а также в юго-восточной Карелии – на людиковско-собственно-карельском пограничье. Данный факт подтверждает буферный вепско-карельский характер формирования людиковского ареала.

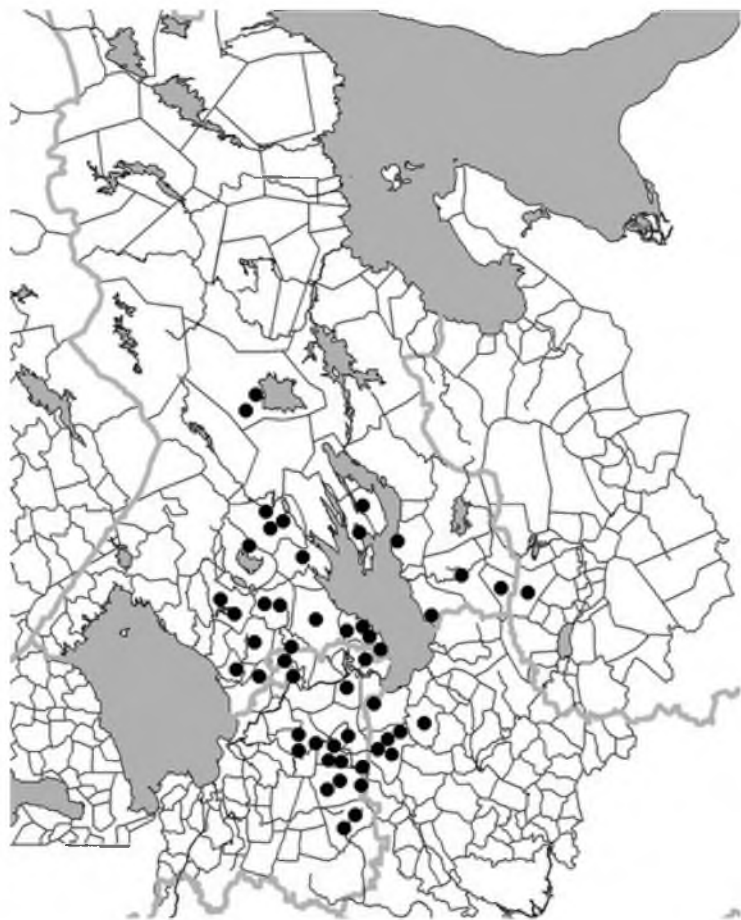

Рис. 2. Ареал модели Palte- / Палтега

Появление обозначенной топонимной модели в Карелии может быть связано с окончательной передачей Корельского уезда под власть Швеции в 1617 г. Результатом этого стал значительный отток карельского населения в Россию, в том числе и на территорию Карелии, продолжавшийся вплоть до Кардисского мира 1661 г. Видимо, эта же волна карельской миграции из Приладожья принесла с собой и названия данного типа в людиковский ареал расселения. Об относительно недавнем появлении названий на *Törizijä-* / *Törizie-*

указывают также незначительные размеры многих объектов с рассматриваемой топоосновой²⁴.

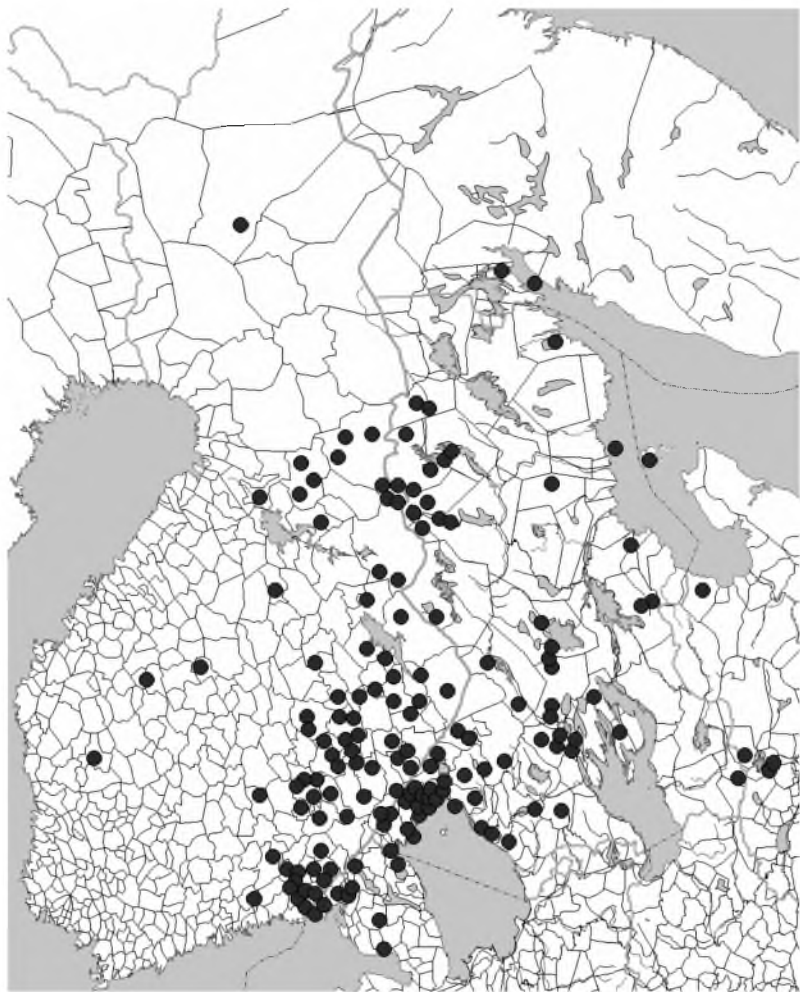

Рис. 3. Ареал карельской топоосновы Тögrisjå- / Терже-

²⁴ Кузьмин Д. В. Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 303–307.

Еще одним собственно-карельским маркером в топонимии людиковского ареала могут быть названия, в которых в качестве атрибутивной части закрепилось прилагательное *d'yrk(e) / jyrk(e)* 'крутой (склон, берег)'. Согласно данным словаря людиковских говоров, указанная лексема фиксируется только в Тивдии²⁵. В топонимии ареал названий, содержащих данный атрибут, несколько шире: *o. D'yorksuari* (Пряжа), *z. D'yrmägi* (Кашканы), *z. D'yrkämmägi* (Соломенное), *дер. Jyrkänmägi* (Юркостров), *настб. Jyrkänočča* (Галлезеро), *уз. Jyrkänpeldo* (Кескозеро), *z. Jyrkäine* (Кескозеро). Таким образом, продуктивность рассматриваемой лексемы в языке и в топонимии собственно-карелов и карелов-ливвиков и немногочисленные фиксации ее на территории людиковского ареала расселения позволяют говорить о ее карельских корнях.

В системе именования географических объектов исследуемого ареала выявляется также ряд других дифференцирующих карельских тополексем, свидетельствующих о карельских связях с обозначенной территорией. Среди них, например, названия с топоосновами *Kumbu-* 'горка', *Polv(uo)i-* 'изгиб, поворот', *Kyber- / Kybär-* 'кривой', *Čiirakko-* 'крачка', *Leht- / *Lehto-* 'лиственный лес', *-vuara* 'возвышенность' и др., основной ареал которых охватывает территорию проживания собственно-карельского населения, ср. *уз. Kumbahot* (Виданы), *оз. Polvuoilambi* (Пелдожа), *z. Kybärmägi* (Маньга; Важинская Пристань), *оз. Kyberlambi* (Половина), *бол. Čiirakkosuo* (Сюрьга), *z. Villavuara* (Виданы), *z. Sviezavuara* (Лехнаволок), *мыс Lehtniemi (*Lehtoniemi)* (Лехнаволок) и др.

Сплав двух этнических и языковых компонентов – собственно-карельского и вепского происходил на севере и юге людиковской территории неравномерно. Об этом свидетельствует, например, распространение топонимов, оформленных локативным суффиксом *-la / -l* (рис. 4). В ареале проживания карелов-людиков зафиксировано всего несколько топонимов *-l-ового* типа. На юге людиковской территории в низовьях рек Усланка и Важинка названия на *-la / -l* образуют ареальное единство с южным Присвирьем, т. е. с территорией расселения вепсов (ср. названия поселений *Kimul, Pirkl'a, Sagil, Tuoskal*).

²⁵ Lyydiläismurteiden sanakirja / Toim. Juho Kujola. Helsinki, 1944.

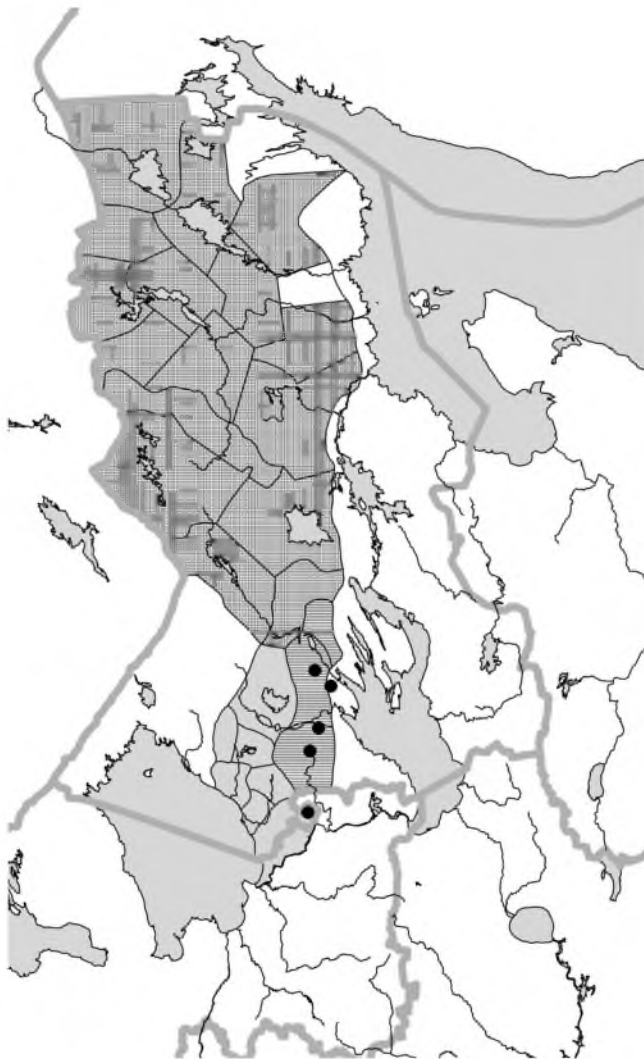

Рис. 4. Топонимы -l-ового типа в людиковском ареале

У средних же людиков истоки данной модели несколько иные, связанные, по всей видимости, с освоением современных людиковских территорий собственно-карельским населением (ср. деревни *Nuamoil*, *Kokoil*, бол. *Mizulaizensuo* < **Mizul* в окрестностях Видан,

тона *Piččelanabai* (**Piččolan-*) в Руднаволоке, часть дер. Галлезеро – *Okulail*). В данном случае обращает на себя внимание прозрачность топооснов, зафиксированных именно в топонимии указанных территорий, что, несомненно, свидетельствует об относительной молодости этих наименований, в отличие от названий поселений на юге людиковского ареала, где этимология топонимов затемнена. Таким образом, распространение этой суффиксальной модели у средних и северных людиков отражает, видимо, позднее точечное собственно-карельское внедрение в западное Обонежье. Подтверждением этого является и фиксация на территории Намоевского сельского совета топоосновы *Karjaizen-* ‘карельский’: деревни *Karjaizenkylä* (рус. Карельская деревня) и *Karjaizenniemi* (рус. Карельский Наволок), а также, возможно, тоня *Karjaine* в Сопохе в бывшем Вороновском сельском совете.

Иную ареальную характеристику имеет зафиксированный в топонимии людиков формант *-(l)isto* (изначально патронимический), который выполнял функцию обозначения коллективности: ср. деревни *Hedotisto*, *Simanisto*, часть с. Святозеро – *Voronisto*, *ypoc. Alahisto* (Виданы) (рис. 5). Что касается функционирования рассматриваемого суффикса в карельской топонимии, то он известен, главным образом, в названиях домов и поселений в ограниченном ареале на юге Карелии. Кроме территории людиков, топонимы на *-(l)isto* представлены более широко в ареале расселения карелов-ливвиков в Видлицком и Сямозерском кустах поселений в Олонецкой Карелии. Исходя из этого, можно, видимо, предполагать, что проникновение суффикса *-(l)isto* в людиковскую топонимию может быть связано с отселением на определенном этапе истории населения с вышеуказанных ливвиковских территорий.

О ливвиковско-людиковских связях свидетельствует также ряд других топонимических моделей. Среди них, например, названия с детерминантом *-vana*: *yg. Papinvana* (Пряжа), *yg. Kapšinanvana* (Сюрьга). В людиковских говорах рассматриваемая лексема фиксируется только в значении ‘польня; (длинная узкая) щель’²⁶.

²⁶ Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 100.

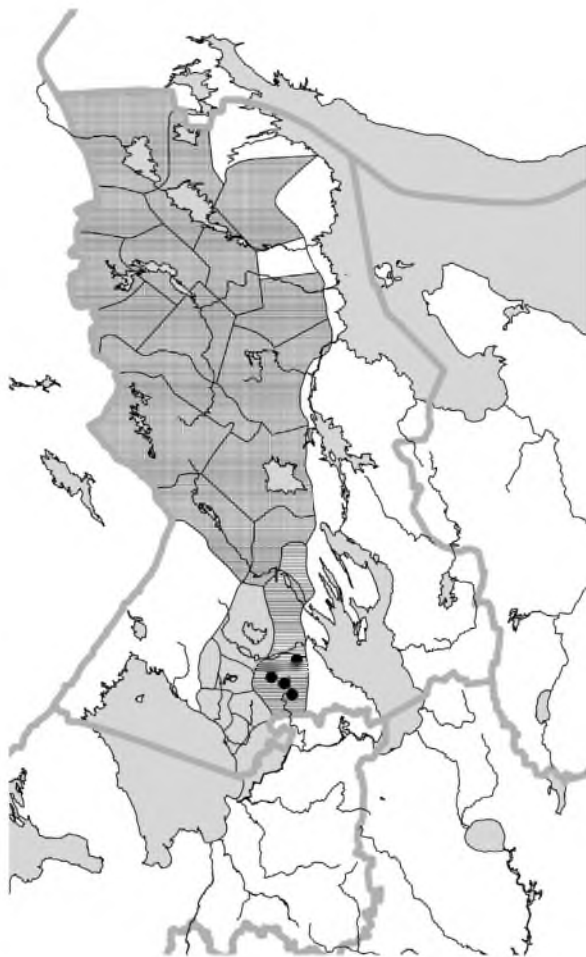

Рис. 5. Топоформант -(l)isto в топонимии карелов-людиков

В топонимии значение данного термина иное, ср. ливв. *vana* 'низина, небольшое болото, заросшее травой; ложбина, по дну которой течет ручей'²⁷. В то же время, в языке карелов-людиков фиксируется синонимичный рассматриваемому термин *vanandeh* в значении 'болотистое

²⁷ Рукопись Диалектологического словаря карельской географической терминологии / сост. Д. В. Кузьмин [хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН].

место, поросшее травой (часто косят)’, ср. также ливв. *vanandeh* ‘заболоченная низина или лощина; сырое место’²⁸. Основной массив названий этого типа фиксируется в восточных частях ливвиковского ареала, главным образом, на сопредельной с людиками территории бывшей Коткозерской волости. Данный факт позволяет сделать вывод, что появление названий с детерминантом *-vana* в ареале проживания людиков в Святозерской волости может быть увязан с отселением карелов-ливвиков на исследуемую территорию.

Кроме вепсских и карельских названий-меток, в топонимии исследуемого ареала обнаруживается еще ряд моделей, которые могут быть свидетельством освоения современной людиковской территории представителями других этнических групп. Так, можно предположить, что вместе с карелами на территорию современной Карелии из Приладожья переселялось также финское население, результатом чего стало появление, в том числе и в ареале расселения карелов-людиков, этнонимических названий с основой *Ruočin-* (*ruoč(i)*) ‘финн, выходец из Швеции’) и *Hämehen-* (*hämeh-* ‘емлянин, выходец из Хяме’): *луда Ruočinluodo* (Виданы), *зал. Ruočinlahti* (Петрушин Наволок), *мыс Ruočinniemi* (Пертнаволок), *г. Ruočinkumbu* (Галлезеро), *г. Hämehenselg* (Пряжа), *г. Hämehenselgä* (Пелдожа). Подтверждением правомерности такого предположения может служить, например, указ царя Бориса Годунова 1599 г. об освобождении от выплаты налогов жителей Корельского уезда, в том числе уже проживавших здесь финнов и шведов (“латышей Финские и Свейские земли”)²⁹. Позднее, в связи с передачей Корельского уезда Швеции, часть этого финского населения могла переселиться оттуда и на территорию современной Карелии. На это указывает, например, ареал некоторых топонимных моделей, а также наличие лексики, содержащейся в названиях, не характерной для

²⁸ Рукопись Диалектологического словаря карельской географической терминологии / сост. Д. В. Кузьмин [хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН].

²⁹ История Карелии с древнейших времен до наших дней / под ред. Н. А. Коралева, В. Г. Макурова, Ю. А. Саватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск, 2001. С. 137.

карельской топонимии в целом: ср. *руч. Someroja*, *бол. Someronsuo* < приоб.-фин. *somero* ‘песок’ (Кашканы), *руч. Haigaraoja* < приоб.-фин. *haikara* ‘аист, цапля’ (Кашканы), *мель Čerkovanhiede* (Пряжа), *рыб. угодье Hiede* (Пелдожа) < приоб.-фин. *hieta* ‘песок’; *оз. Haižd’ärvi* < приоб.-фин. *haisu* ‘неприятный запах, вонь’ (Лижма), *оз. Viärälambi* < приоб.-фин. *viärä* ‘кривой, изогнутый’ (Машезеро) и т. д.

Карелы-людики являются наиболее русифицированной группой карельского этноса. Это связано, прежде всего, с тем, что именно эта группа карельского населения на протяжении нескольких столетий проживала на русско-карельском пограничье, являясь своеобразной буферной зоной, препятствующей проникновению русского влияния на другие карельские территории. Выше уже было отмечено, что более половины всех существительных, зафиксированных в словаре людиковских говоров, имеют русские истоки³⁰. Данный факт проявляется и на уровне топонимии, хотя, следует отметить, что в целом на территории исследуемого региона русских по происхождению топонимов, по сравнению с апеллятивной лексикой, все же не так много, а карельские по происхождению географические названия составляют здесь основной костяк топонимии.

Большинство географических названий, в которых выступает лексика русского происхождения, является достаточно поздним топонимическим слоем. При этом бóльшая их часть появилась, видимо, только в XX в.: *озера Pleššilambit* < карел. *plešši* ‘открытое место без растительности’; *зал. Peskuguba* < карел. *pesku, pesk* ‘песок; песчаный’ + карел. *guba* ‘залив’; *бол. Prosekansuo* < карел. *prosekk* ‘просека’; *уг. Puustaine* < карел. *puust* ‘залежь, пустошь’; *уг. Savinanpolossat* < карел. *polossa* ‘полоса поля’; *протока Uudd’ärvenkanau* < карел. *kanau* ‘прокопанная канава, прокоп’; *порогу Zapan’porogat* < карел. *zapan* ‘плавающее ограждение в виде бона’ + карел. *porog* ‘порог в реке’; *порог Plotinkoski* < карел. *plotin* ‘запруда, плотина’; *г. Peskmägi*, *уг. Peskpöldot* < карел. *pesk* ‘песок; песчаный’; *уг. Hodarinlogo* < карел. *logo* ‘ложбина между двух возвышенностей; низина; крупная яма’; *бол. Rudn’akansuo* < карел. *rudn’akk* ‘рудник’; *уг. Brodapeldo* < карел. *broda* ‘брод’; *бор Iinakanbora* < карел. *bora* ‘бор’ и др.

³⁰ *Suhonen S. Ibid. S. 175.*

Однако среди заимствованных из русского языка лексем есть и такие, появление которых в топонимии карелоязычных территорий связано с более ранним периодом. Среди них, например, лексема *dubrov* ‘сенокосная лужайка; место без деревьев, поросшее невысокой травой’³¹, ср. рус. диал. *дуброва* ‘1. Лужайка, на которой скошена трава; 2. Нераспаханное поле; 3. Трава’³². Русскоязычный термин достаточно рано фиксируется на прибалтийско-финских территориях в южном Приладожье, ср. *дер. Дуброва*, упомянутая в 1500 г. в Городенском погосте Ладожского уезда (окрестности города Ладога)³³. Таким образом, можно предположить, что термин *dubrov* мог проникнуть в южные части карелоязычных территорий с юга, возможно, из русского Присвирья. Единичные случаи бытования термина фиксируются и в вепсской топонимии Ленинградской области. В апеллятивной лексике и в топонимии карельских территорий термин фиксируется только у карелов-людиков: *уг. Dubrov* (Виданы), *уг. Dubrovanobod* (Тивдия).

Только в лудиковской топонимии встречается и русский по происхождению термин **glädin / lätin*: бол. *Glädinäsuo* (Лижма), *уг. Kozanlätin* (Лижмозеро). В основе названий лежит русская лексема *лядина* ‘1. Участок в лесу, расчищенный под посев; подсека; 3. Лесная поляна с мелким кустарником или зарастающая лесом делянка’, известная во всех русских говорах южных частей Республики Карелия³⁴. Следует отметить, что рассматриваемый русский по происхождению термин фиксируется на карельских территориях также достаточно рано, уже в 1500 г., ср.: *дер. Мегра за Лядиною, починок над озером над Ламбитским*, упомянутая в Ровдужском

³¹ Ручпись Диалектологического словаря карельской географической терминологии / сост. Д. В. Кузьмин [хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН].

³² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. II. СПб., 1995. С. 8.

³³ Переписная окладная книга Водской пятины 7008 (1500) г. // Временник Московского общества истории и древностей. М., 1851. Кн. 11. С. 1.

³⁴ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. III. СПб., 1996. С. 175.

погосте (совр. Рауту, Реутово)³⁵. В русских говорах Карелии фиксируется и лексема *ростань* ‘перекресток двух или нескольких дорог’³⁶, которая также представлена в топонимии людиковского ареала: перекрестки *Selginrostan’* (Виданы), *Niizd’ärvenrostan’* (Виданы) и др.

Достаточно рано проникает в Карелию и русский топонимический формант *-щина*, который был усвоен карелами в форме *-šina(a)* при активном взаимодействии прибалтийско-финской и русской топонимических систем. Сам суффикс *-щина* является относительно молодым на новгородских землях и начал распространяться здесь, в том числе и в Карелии, только после завоевания Новгорода Москвой, с конца XV в.³⁷ В людиковской топонимии названий географических объектов с топоформантом *-šina(a)* немного, при этом большинство из них фиксируются в восточной части ареала, на карельско-русском пограничье. Наиболее активна данная модель в топонимии с. Соломенное, в котором проживало как карельское, так и русское население. Видимо, именно отсюда модель проникает вглубь людиковского ареала на территорию Святозерской волости: *уг. On’ n’oušinnanniittu* (Лижма), *уг. Harakoušin* (Виданы), *уг. Vieroušin* (Викшицы), *уг. Pričkujouššin* (Половина), *уг. Vasil’ouššina* (Лехнаволок), *уг. Лайтовица* (Руднаволок), *уг. Бардовщина* (Трифоннаволок) и др.

Таким образом, проникновение рассмотренных выше русских заимствований на апеллятивном и топонимическом уровнях можно объяснить, прежде всего, контактами карелов-людиков с русским населением юга Карелии, которые усилились в XVIII–XIX вв., в связи с постепенной ассимиляцией восточных частей людиковского ареала. При этом сохранение брачно-родственных,

³⁵ Переписная окладная книга по Новгороду 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // *Временник Московского общества истории и древностей*. М., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 83.

³⁶ *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. V. СПб., 2002. С. 563.

³⁷ *Кузьмин Д. В.* Истоки форманта *-šina* в карельской топонимии // *Прибалтийско-финское языкознание: сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта*. Петрозаводск, 2003. С. 63–64.

экономических и культурных связей между карелами и русскими, видимо, способствовало проникновению все новых и новых заимствований в язык людиков. Но количество русских заимствований в лексике и в топонимии местного населения находится в прямой зависимости от удаленности того или иного населенного пункта от крупных дорог и районных центров, население которых является в значительной мере этнически смешанным.

Подводя итог, можно отметить, что рассмотренные выше модели именованя географических объектов отражают разные этапы истории освоения территории проживания карелов-людиков, подтверждая тем самым гипотезу о былой этнической неоднородности населения данного ареала. Эта неоднородность проявляется именно в фиксации в топонимии региона разновременных топонимных моделей, свойственных различным этническим и субэтническим группам, которые на разных этапах истории принимали участие в формировании этнической общности карелов-людиков. К сожалению, процесс этот так и остался незавершенным, причиной чему явилось как активное русское внедрение в связи с промышленным освоением края, так и связанный с этим процесс ассимиляции людиков.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИХОДОВ И ВОЛОСТЕЙ В СВЯТОЗЕРСКО-ПРЯЖИНСКОМ И КРОШНОЗЕРСКОМ АРЕАЛАХ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ ЛИВВИКОВ И ЛЮДИКОВ В XV–XVIII ВВ.

Сквозная тема статьи – освоение района Святозеро–Пелдожа–Пряжа–Маньга–Крошнозеро в бассейне среднего течения Шуи вепскими и карельскими переселенцами с важинско-олонецких земель и карельского Приладжья и складывание в данном ареале местных этнических общностей карелов-ливвиков и карелов-людиков. В работе доказывается, что данный длительный процесс, пережив опустошение Первой и Второй шведских интервенций, послужил базой для появления здесь локальной *пограничной зоны* активного этнокультурного взаимодействия и взаимовлияний формировавшихся ливвиков и людиков между собой и с соседями.

Ключевые слова: община, приход, волость, освоение, граница, вепсы, карелы, ливвики, людики, межэтническое контактирование, этнокультурное взаимодействие.

Значительный интерес у исследователей вызывает проблематика этнической истории. Для Карелии весьма актуально изучение вопросов о путях становления новых этнических общностей: собственно карелов, карелов-ливвиков и карелов-людиков, русского субэтноса поморов. Но если в историографии этногенезу поморов, например, посвящено большое число аналитических работ, то в исследовании генезиса карельских этнических групп у историков преобладали скорее описательные, очерковые композиции, с упором на сюжеты о переселении карелов на восток края¹. Между тем,

¹ См., напр.: *Жербин А. С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956; *Бернштам Т. А.* Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978 (в т.ч. историография и библиография по про-

языковеды предложили филологическое решение проблемы становления ливвиков и людиков, проведя широкий сравнительный анализ современного языкового материала прибалтийско-финских народов и сохранившихся следов древней топонимии края². Кроме того, у исследователей ИЯЛИ и их коллег из других научных учреждений гуманитарного профиля накоплен значительный опыт комплексного изучения небольших районов проживания людиков и ливвиков, их этнической истории и этнокультурного взаимодействия³.

Сложность в подходе историка к изучению динамики становления ливвиков и людиков заключается в том, что среди множества источников XV–XVIII вв. не находится материалов, которые однозначно доказывали бы, что на такой-то территории в данное время формировались или уже проживали эти этнические группы, так как в них отсутствуют сами этнонимы *ливвики* и *людики*. Следовательно, необходимо применить надежную методику отслеживания «скрытого» процесса этногенеза. Она может базироваться только на привлечении и фронтальном анализе многочисленных

блеме); *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998; *Жуков А. Ю.* Карелия в системе межэтнических отношений Русского Севера в XV–XVI вв. // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 82–93; *Его же.* Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве приграничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 85–91, а также обобщающую монографию: История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

² *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947; *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002; Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.

³ Суйсарь: история, быт, культура / Отв. ред. Т. В. Краснополская, В. П. Орфинский. Петрозаводск, 1997; История и культура Сямозерья / Под ред. В. П. Орфинского, И. Е. Гришиной, А. П. Конкка, И. И. Муллонен, В. Д. Рягоева. Петрозаводск, 2008. Недавно вышел сборник научных работ В. П. Мироновой (*Миронова В. П.* Фольклорные традиции Ведлозерья. Петрозаводск, 2013), погружающий фольклорную традицию Ведлозерья в окружающий историко-культурный и этнический контекст.

сведений массового характера. Таковыми являются переписи – *писцовые и переписные книги*, создававшиеся примерно раз в четверть века. Все вместе они обеспечивают необходимую частотность последовательного ряда «моментальных снимков» исследуемых этнических ареалов.

В статье на основе анализа переписей изучается история освоения района *Святозеро–Пелдожа–Пряжа–Маньга–Крошнозеро* в бассейне среднего течения Шуи вепскими и карельскими переселенцами с важинско-олонецких земель и карельского Приладожья, исследуется динамика складывания в данном ареале местных этнических общностей карелов-ливвиков и карелов-людиков, а также определяются причины появления здесь *пограничной зоны* их активного этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния.

Прежде всего следует сказать, что во времена Средневековья и начала Нового времени исследуемый район Святозеро–Пелдожа–Пряжа–Маньга–Крошнозеро не представлял собой какого-либо ярко выраженного географического и административного единства. Вместе с тем, развертывание этнических процессов привело к тому, что именно здесь сложилась пограничная зона довольно интенсивного взаимодействия карелов и вепсов. Она ярко проявилась в процессе формирования карелов-ливвиков и карелов-людиков и в их дальнейшем устойчивом этнокультурном контактировании. Данное положение недвусмысленно доказывают материалы языковедов и фольклористов, зафиксированные в статьях авторов данного сборника. Удивительно уже то, что первоначально, в первые века II тыс. н. э. район этот вообще не входил в зону колонизационных устремлений древних карелов. Судя по топонимам, здешнее малочисленное население относилось либо к саами, либо к веси (древним вепсам)⁴. Причины появления на территории исследуемого Пряжинского района локального *ареала активного контактирования* скрываются прежде всего за естественным фактором его географического местоположения, а уже вслед за этим – в истории его долгого освоения и группирования местных жителей по приходам и волостям.

⁴ Подробнее в статье *Е. Захаровой и Д. Кузьмина* настоящего издания.

С точки зрения географа, район от Святозера, Пелдожи и Пряжи на востоке до Крошнозера на западе лежит на западных скатах водораздельной Олонецкой возвышенности и в ближних к ним местностях. Он как бы «объединяет» – довольно умозрительно, с натяжкой – ряд озер с южными притоками *р. Шуи в ее среднем течении*. Так, оз. Крошнозеро через р. Матчелицу и оз. Миккельское питает р. Миккельскую, впадающую в Шотозеро (разлив р. Шуи). К востоку от Крошнозера бассейн Святреки связывает другие местности: на юго-востоке района она вбирает воды озер Святозеро и Пелдожское, далее к северу, через правый приток Шаньгу – озер Пряжинское и Шаньгима, а через левый приток Маньгу – озер Родиньярви и Маньга; наконец, оставляя по правую руку оз. Чогозеро, Святрека впадает в Шую. В свою очередь, Шуя принадлежит бассейну Онежского озера. Для краткой зарисовки важны еще три момента. Река Маньга является как бы связующим звеном между двумя местными озерно-речными системами, поскольку исток Маньги оз. Родиньярви находится в непосредственной близости от Крошнозера и его южного притока Ламминоя, а ее устье – рядом с устьем Шаньги. Во-вторых, западными притоками бассейн Крошнозера граничит с верховьем бассейна р. Видлицы – озерно-речной системой Ведлозера. В-третьих, добавим «след человека»: издавна речной путь по Маньге дублировался с юга проселочной дорогой от Ведлозера через Крошнозеро и Маньгу к узловой Пряже; ныне – это шоссе Р-21. Кроме того, имелись и два надежных сухопутных пути от Олонца и верховий Важинки к Святозеру и до Пряжи, а далее – к устью р. Шуи; из них Олонецкую дорогу ныне повторяет трасса М-18.

Налицо принципиальная схожесть географической карты с этнической: у Крошнозера и в Маньге живут ливвики, на Святозере и Пелдожском – людики, а в центре Пряжинского района – Пряже – наблюдается чересполосное проживание ливвиков и людиков⁵.

Далее, к западу и югу от линии Крошнозеро–Святозеро лежат бассейны притоков Ладожского озера – рек Видлицы и Олонки, а также Важинки, которая, впрочем, впадает в р. Свирь,

⁵ Данные языковедов: см. статьи *И. Новак* и *А. Родионовой* настоящего издания.

соединяющую Онежское озеро с той же Ладогой. Таким образом, небольшой географический обзор приводит нас к выводу о том, что избранная территория является периферийной для бассейна Онежского озера и «кросс-периферийной» – для бассейна Ладожского. Соответственно данной «окраинной географии», замедленно шло и освоение территории южных притоков среднего течения Шуи: видимо, Олонецкий водораздел затруднял крестьянам-переселенцам интенсивно осваивать северные земли, не снабженные надежной сквозной водной коммуникацией меридианного направления. Путь вези вверх по Важинке на Святозеро, а далее к Сямозеру, однако, прослеживается по вепским топонимам (напр., показательно-вепские термины *kukoinhard'a* и *čuhak* (*čuhuk*) отмечали возвышенности-гребни и холмы, а *kar(a)* – заливы⁶). Озеро Сямозеро связано также со средним течением Шуи р. Сяпса (впадает в Вагатозеро – другой разлив Шуи). Иными словами, путь по Важинке через Святозеро приводил к окраинному Сямозерью.

Как на символы периферийного положения уже нашего района укажем на гидронимы Святозеро и Святрека, в котором 'Свят-' – древнерусский перевод не менее древнего прибалтийско-финского понятия *ryhä* в значении *граница*. Таким же символом окраинного положения избранного района служит лимноним Чогозеро («Оз. в углу») – название самого северного из местных озер. Ближайший аналог – прионежское Чогозеро, маркировавшее самый северный «угол» средневекового Остречинского погоста-района. На остречинское концевое Чогозеро древневепские крестьяне попадали с верхней Свири по Ивенке и ее притоку Шапше. Подобно им и важинская везь шла по Важинке через водораздел на озера Святозеро, Пелдожское и далее к устью Святреки (рядом с Чогозером). Выраженный топонимами «приграничный статус» территории предполагал не только географическое раздвоение на две озерно-речные системы – Крошнозерско-Миккельскую и Святозерско-Святорецкую, но и разграничение историческое: административное и этническое,

⁶ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья... С. 162–164 и рис. 13 (с. 163); Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н. Топонимия как отражение этнического прошлого Сямозерья // История и культура Сямозерья. С. 31 (и карта).

которое стало складываться еще с Новгородского этапа истории Северной России.

Но вернемся к историко-географическому обзору. Святрека впадает в Шую чуть ниже дер. Киндасово. Само Киндасово существовало еще во время переписи Юрия Константиновича Сабурова 1496 г., именуясь починком (новым поселением) *На Шуе реце на Ит-наволоке* (1 дв. кр.⁷). По переписи Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина 1563 г. оно уже называлось дер. *На Шуе реце в Киндасове* (4 дв. кр.), а по переписи Андрея Васильевича Плещеева и подьячего Семейки Кузьмина 1582/83 г. – дер. *Что был починок на реке на Шуе* (3 дв. кр.). К северу находится Кутижма на р. Кутижме (впадает в среднюю Шую с севера, пониже Святреки); на середину XVI в. – это четыре новых починка (5 дв. кр.): *В Кутежме, В Нутежме ж, два В Кутежме ж*⁸. Поселения стоят на восточной окраине другого района – ливвиковского Сямозерья. Ниже будет проведен анализ данных переписей, позволяющий утверждать, что часть будущих сямозерцев продвигалась к Сямозеру из бассейна рек Олонки и Мегреги, в том числе через Святозеро–Святреку.

А ниже от устьев Святреки и Кутижмы, по нижнему течению Шуи лежали земли Никольского Шуйского погоста. Здесь в районе устья Шуи сложился главный коммуникационный, прежде всего, водноволокочной узел всего Онежско-Ладожского Межозерья, а в XVII в. – и всей российской части Карелии; исторически Петрозаводск

⁷ Здесь и далее сокращения: дв. кр. – двор крестьянский; дв. боб. – двор бобыльский (бобыль – общинник, не имевший крестьянского надела земли, а в волостях Беломорского Поморья – доли в общинном морском промысле); дв. п. – двор пуст; м. дв. – место дворовое, как правило, пепелище; дер. – деревня; поч. – починок; пуст. – пустошь; кр. – крестьянин, крестьяне; коп. – копна(ы) сена.

⁸ Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. [Далее – ПК 1563 г.]. С. 58, 64; Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500–ja 1600–luvulta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1993. III [Далее – ПК 1582 г.]. С. 44.

унаследовал главные направления шуйских коммуникаций⁹. Святозеро и Пряжа входили в систему этих шуйских путей. Не случайно первая государственная, обслуживаемая ямщиками дорога в Олонецком уезде Олонца шла к Святозеру, затем – к Пряже и к устью Шуи, а от него – по воде и сухопутью в Заонежье. Так, в 1661 г. олонецкий воевода Т. В. Мышецкий выдал майору Малафею Бахтеярову и прапорщику Демиду Стасову подорожную о помощи им в пути: «от Олонца по дороге до Святозера, и до Шуйского, и до Кижского погостов, и до Великогубского конца по ямам ямщиком, а где ямов нет, всем людям без омены [без исключения – А. Ж.]... то есте давали ... по подводе человеку с проводником, а водяным путем суденко з гребцы и с кормщиком»¹⁰. Дорожная часть пути не заканчивалась Святозером, а шла через Пряжу в центр Шуйского погоста – просто тут еще не имелось ямов. Поэтому другая подорожная 1661 г. требовала от шуян предоставить посыльному поручику Агапиту Щетинину «подводы с сан[я]ми, а летним путем подводу с седлом, с уздой и с проводником»¹¹. В начале XVIII в. по этой дороге добирался на шуйские Петровские заводы (ныне – Петрозаводск) царь Петр I¹².

Одновременно Шуйский погост являлся географически центральным для карелов-людиков: они формировались на всей его территории, а к северу от него – в примыкавшей к нему в районе Кондопоги западной половине Спасского Кижского погоста, к западу от Шуйского – в Рождественском Олонецком (Пряжа–Пелдожа), к югу – в Воскресенском Важинском (Святозеро и бассейны Важинки и других притоков Свири).

Центрально-географическое положение Шуйского погоста, этническая история шуян, как и этническая история примыкавших

⁹ История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 25–28.

¹⁰ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 532. Основное собрание древнерусских грамот и актов. Оп. 2. Д. 1394. Л. 1 об. Черновой отпуск.

¹¹ Там же. Л. 1а об. Черновой отпуск.

¹² О поездках Петра I на заводы по материалам устной истории от современных жителей Пряжинского района см. статью А. Савицкого и Ю. Литвин настоящего издания.

к нему Кижского, Олонецкого и Важинского погостов, в том числе и района бассейна Святреки прекрасно согласуются с точными данными переписей XVI–XVII вв. о типах хозяйственного освоения и природопользования, издревле сложившихся среди местных жителей. Дело в том, что писцовые книги учитывали не только население, но и сельскохозяйственные и промысловые занятия, поэтому именно на основе переписей для каждого из погостов писались *сотные грамоты* с общим перечнем налогов, приходившихся на жителей. Например, для определения налогов с подсеки и лесных сенокосов писцы дворцовых Заонежских погостов указывали площадь погостов – в верстах «вдоль и поперек», – всегда, кроме случая с Шуйским погостом.

В переписях дается разъяснение невозможности определить его площадь. Так, в сохранившемся отрывке первой писцовой книги дворцовых Заонежских погостов писцов Леонтия Аксакова и Афанасия Жеребятичева 1584/85 г. сказано: «рубези» (границы) Шуйского погоста неопределимы, потому что в широкой порубежной лесной полосе и шуяне, и их соседи Кижского, Олонецкого и Важинского погостов «пашут лешую пашню [возделывают подсеку – А. Ж.] хто где поспел», поэтому и лес между погостами «не делен». И в случае с сенокосами писцы указали на ту же причину невозможности определить границы для разверстки сенокосов между порубежными деревьями этих погостов, отчего местные «порубежные жители» предпочитают сами ежегодно «ровнять» покосы между собой¹³, так как, – отметим уже мы причину «ровнения», – состав семей и их хозяйственные возможности изменялись год от года. Поэтому же, когда после страшного «разорения» от интервентов, в 1615–1618 гг. писцы Петр Воейков и Иван Лговский не только переписали население Заонежских погостов, но и особенно тщательно и придирчиво проверяли права на владения угодьями местных хозяйственных субъектов, то в отношении границ и порубежной подсеки и сенокосов Шуйского и

¹³ Российский государственный архив древних актов [Далее – РГАДА]. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 3. Д. 16932. Писцовая книга дворцовых Заонежских погостов 1584/85 г. Фрагмент. Подлинный список. Л. 185 об.–186.

смежных с ним Кижского, Олонецкого и Важинского погостов они вынужденно повторили все прежние утверждения¹⁴.

Внутри же самого Шуйского погоста такой свободный порядок природопользования всеми без исключения шуянами распространялся даже на рыбные ловли в многочисленных озерах и реках погоста. Поэтому уже в писцовой книге 1563 г. писец А. Лихачев отметил полное признание данного факта государством: по челобитью шуян «даны те озера и речки в оброк ... всем царя и великого князя крестьяном и монастырским, и своеземцом без омены». Писец лишь предписал «верстатись им угодьи и оброком пообезжно повытно», т. е. самим распределять доли-«выти» угодий и налогов, в соответствии с определенной им налоговой нагрузкой (в обжах) по каждой боярщине-общине¹⁵. И наоборот, в отношении олонецких сямозерцев, или промыслов кижан на Онежском и других озерах писец скрупулезно определил доли каждой боярщины или вотчины в рыбном промысле – по числу неводов и «участков», приходившихся на их деревни и общины¹⁶.

В переписях не зря отмечены деревенские участки природопользования. Такое положение могло возникнуть в том случае, если был известен основатель поселения, а окрестными угодьями продолжали владеть проживавшие здесь же его прямые потомки. И действительно, переписывая Заонежские погосты, писцы не раз называли селения в манере «Ивашково сиденье» или «Сенкино посиденье»: в новгородской традиции *сиденье* (*посиденье*) равнозначно терминам *починок* и *заимка*, распространенным во Владимиро-Суздальской (Московской) Руси. Такие по типу новгородские названия широко бытовали в переписях Олонецкого погоста, Пудожского края,

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. «Книга Новгородцкого уезда Олонеским дворцовым погостом писма и меры Петра Ивановича Восейкова да диака Ивана Лговского 124-го и 125-го году, да туто же книга писма и меры одново диака Ивана Лговского заонежскому Андомскому погосту да Оштинскому стану дворцовым же погостом 127-го году», 1615/16–1616/17 – 1618/19 гг. Подлинник. [Далее – ПК 1615–18 гг.]. Л. 154.

¹⁵ ПК 1563 г. С. 123–124.

¹⁶ Там же. С. 58, 62, 64, 74–75 (Олонецкий погост), 129, 131, 134–137 (Кижский погост).

Заонежского полуострова, т. е. везде, – и вновь кроме Шуйского погоста. Отсутствие здесь деревень-посидений означает, что основание их было делом не отдельного человека, а большого коллектива-общины.

Приведенный точный материал переписей XVI–XVII вв. позволяет нам прийти к выводу о том, что природопользование и даже основание деревень в Шуйском погосте носило ярко выраженные *архаичные черты*, поддерживаемые жителями веками. Они четко, выпукло обозначились в одинаковом подходе и к установлению границ в виде широкой лесной полосы между погостами, и к разработке подсеки и сенных угодий «хто где поспел», и рыболовных промыслов «всем без омены», и даже к основанию деревень. Традиции эти более всего соответствуют условиям родоплеменного строя, нежели более поздним межобщинным отношениям, системно развивавшимся в орбите феодализма. С нашей точки зрения, родоплеменные традиции принесли в Прионежье переселенцы с коренных земель веси в Присвирье: в XIII–XIV вв. у веси еще сохранялись многие родоплеменные черты и особенности. Российская государственность в форме Великого Новгорода, затем Московской державы данные традиции признала, поэтому они и дожили до XVII в.¹⁷

Население непосредственно примыкавшего к Шуе бассейна Святреки отчасти придерживалось шуйских правил при разработке подсеки и сенокоса. В отличие от него, жители Крошнозерско-Миккельской водной системы данных традиций не придерживались: здесь, как и на Сямозере, по крайней мере, уже в XVI–XVII вв. господствовал участковый принцип природопользования. И с точки зрения истории, как социально-политической, так и этнокультурной, все Средневековье и начало Нового времени изучаемый район не представлял единства. Его западная и центральная части входили в Рождественский Олонецкий погост, а восточное Святозеро – в Воскресенский Важинский погост.

¹⁷ Жуков А. Ю. Традиционное природопользование крестьян западного Прионежья (на примере Шуйского погоста в XIII–XVIII вв.) // Современная наука о вепах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 213–215.

По новгородской традиции центры погостов-районов также назывались *погостами*. Олонецкий и Важинский погосты-центры являлись одними из древнейших на древневепских землях. Они существовали по крайней мере в середине XIII в. и как таковые были зафиксированы в приписке «А се Обонезьский ряд» к знаменитому Уставу князя Святослава Ольговича: *Во Олонци и На Свири* (в новгородской *Кормчей книге*, ее сохранившийся экземпляр на пергамене создавался не позднее 1280-х гг.)¹⁸. Там же значится погост *В Юсколе* – это центр будущей Юксольской волости Остречинского погоста; очевидно, центр в самих Остречинах возник позднее¹⁹. Центры названы географически, по местности, а не по именам древневепских старейшин (как на коренных землях веси), потому что их погосты-районы сами являлись результатом тогдашних колониционных усилий вепских общин по освоению северной периферии своих земель.

Только впоследствии, но также в новгородское время, очевидно, в XIV–XV вв. очередь дошла до крестьянского освоения более северных окраин. Во всяком случае, найденная при раскопках в Новгороде грамота на бересте № 131 (XIV в.) упоминает шуйскую артель рыбаков и сямозерцев, которые приехали в Новгород поговорить с вотчинником об уплате податей²⁰. По времени составления она относится к этапу наиболее масштабной новгородской колонизации Севера его знатью и епархией²¹. Например, посаднику Ивану Григорьевичу (умер в 1467 г.) и его вдове боярыне Настасье (о ней подробнее речь пойдет ниже) в Обонезье принадлежали вотчины на Водле, на Свири и Ояти в Пиркинском погосте, в Олонецком погосте, в том числе на Сямозере, в Шуйском погосте (по переписи 1563 г.)²². Их месторасположение полностью совпадает с географией вотчин, которые в XIV в. посетил сборщик боярских

¹⁸ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 147–148.

¹⁹ Там же. С. 148.

²⁰ *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 68–71.

²¹ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 53, 57, 74.

²² ПК 1563 г. С. 57–58, 64–65, 77, 119, 168–170, 175–182.

податей грамоты на бересте № 131. Поэтому мы пришли к выводу, что на бересте зафиксированы владения семьи боярского рода Захарьевичей – прямых предков посадника Ивана Григорьевича²³. *Боярщины*-общины на этих землях и описала перепись 1563 г., правда, «письмо» Олонецкого погоста сохранилось не полностью.

А Святозеро – северную окраину Важинского погоста и будущую зону проживания людиков – перепись 1563 г. зафиксировала в качестве боярщины *Оксиньинской Микитины жены Есипова*. Надо сказать, что земли Важинского погоста оказались поделены в целом поровну между двумя главными политическими группировками вечевой республики Великого Новгорода. К прусско-плотничьей группировке принадлежали названная Аксинья, жена боярина Микиты Есиповича Василистина, и посадник Иван Захарович Овчинов, к союзным же между собой Сланинскому и Неревскому концам Новгорода – Микита Афанасьевич Грузов и Никита Лаврентьев²⁴. Через Аксинью, как видим, первая властная группировка контролировала водно-сухопутный путь с Важинки через водораздел на Святозеро. По берегам важнейшей торговой трассы Шуи, в Шуйском погосте также наблюдалось принципиальное равенство: Славну и Неревский конец представляли М. А. Грузов и «дуэт» Никиты Лаврентьева и Кузьмы Вангина (с общими деревнями), против них «играли» боярин Лука Федоров и Настасья, вдова Ивана Григорьевича из прусско-плотничьей группировки²⁵.

В 1478 г. вел. князь Иван III Васильевич упразднил независимость Великого Новгорода, и земли новгородских светских вотчинников стали государевыми. В московскую перепись Ю. К. Сабурова 1496 г. Оксиньинская община-боярщина состояла из 11 живущих деревень. К середине XVI в. возник ряд починков, в том числе и *На Важенской дороге* (ныне дер. Важинская Пристань)²⁶: уже тогда

²³ Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV–XVII вв. // История и культура Сямозерья. С. 41–59.

²⁴ Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск, 2013. С. 198.

²⁵ Там же. С. 197.

²⁶ ПК 1563 г. С. 89–90.

между Святозером и Важинами имелся сухопутный путь, который и поныне ведет к Верхним Важинам в верховье Важинки. По дороге, очевидно, и происходила постоянная «подпитка» деревень Святозера вепсами (позднее – карелизовавшимися вепсами) из важинского Присвирья. Ее причинами можно предположить и освоение земель, и наследственные права владения, и брачные связи²⁷.

Основной корпус деревень Святозерской общины сложился в XV – первой половине XVI в. В дальнейшем этот состав изменялся незначительно. Мы проследили его судьбу с конца XV по начало XVIII вв., оформив результаты в *Таблицу 1* Приложения, поэтому отсылаем читателя к нему²⁸. Конечно, для начального этапа корпус еще подвижен вследствие продолжавшегося внешнего и внутреннего освоения района. Вместе с тем укажем, что в дальнейшем довольно компактно расположенная Святозерская община-боярщина смогла сохранить обособленное положение: в XVI в. святозерцы объединились в приход, в начале XVII в. – в «выставку-волостку», а в начале XVIII в. – уже в отдельный погост.

Интересно, что еще в переписи 1563 г. Аксиньинская боярщина называется «волостька» и «волость», – и не случайно. Главное изменение в бывшей боярщине состояло в том, что к 1563 г. в первой деревне *На Свято-озере* встала церковь во имя св. Николая. Иными словами, между 1496–1563 гг. возникла *Никольская Святозерская волость* Важинского погоста. Следующая перепись 1582 г. выделила Святозерскую волость под особым заголовком «Оксиньинская волость Микитины жены Есипова»²⁹. Последняя перепись, как и перепись 1615–1618 гг., последовательно отражали состояние Пряжинского района в Первую шведскую интервенцию конца 1570-х – 1595 гг. и Вторую шведскую интервенцию 1610-х–1617 гг. Для нас анализ их сведений важен для обоснования положения о приходе переселенцев-карелов в запустевшие деревни.

²⁷ ПК 1563 г. С. 89–90.

²⁸ В последнем столбце *Таблицы 1* помещены данные за 1707 г. и отмечено нынешнее положение, в том числе карельские названия, предоставленные одним из авторов данного сборника топонимистом Д. В. Кузьминым.

²⁹ ПК 1582 г. С. 87–115.

Во время опустошительного рейда 1581 г. «немецких людей»-шведов по Онежско-Ладожскому Межозерью³⁰ центр волости *Погост на озере на Святе* был сожжен полностью. Пепелища отмечали место Никольской церкви, четырех дворов священника и причта и пяти келий мирской богадельни (ранее в них жили «нищие, питались от церкви Божьей»). Интервенцию 1610-х гг. сам погост смог пережить: на нем стояли возрожденная церковь, во дворах поп, причт, а в келье – нищие³¹. Судьба соседней дер. *У погоста на озере на Святе* также трагична: в 1582 г. – 2 дв. кр. и 7 м. дв. (дворы сожгли, людей убили шведы); в 1610-х гг. – дер. *На погосте в на Святе-озере*, 2 дв. кр. и 2 м. дв. (но без указания шведов: видимо, места дворовые – следы предыдущего опустошения). Далее, в *Таблице 1* мы объединяем это поселение с дер. 1496 и 1563 гг. *На Святе же озере* (во дв. Якушко Нефедьев), так как на 1582 г. иных «продолжателей» последней деревни не выявлено.

Затем, после поселений погоста в 1563 г. записана дер. *На Святе же озере в Каряндеси словет Олешькин наволок*, жильцы Ивашка Ермолин, Сенка Яковлев и Микитка Иванов. А по переписи 1582 г. два первых крестьянина жили в дер. *Бородин наволок на Святе-озере*: они были убиты шведами, остались пепелища (2 м. дв.); в 1610-х гг. – это *Бородин наволок*, а *Бурдаево тож на Святе-озере*: 1 дв. кр., 1 дв. боб. и 4 м. дв. (вина шведов не указана)³². Третий жилец, Микитка, видимо, имел сына Тимошку, который по 1581 г. проживал в новой дер. *Керан-наволок*: его убили шведы, а двор сожгли. Во всяком случае, по всей совокупности сведений, методом исключения, мы не можем сопоставить Тимофея и Керан-наволок никак иначе. В 1610-х гг. его *Керен-наволок* возродился (1 дв. кр., 2 кр.)³³. Но, как помним, в 1563 г. уже существовал и поч. *На Керендизнаволоке* (живут «Микулка пасынок да Ивашка Малой»), отчества

³⁰ Карты шведских походов в Северную Россию в Первую шведскую интервенцию. см.: *Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. Helsinki, 1976. II. Karjala taistelulenttäna. S. 123, 134–135.*

³¹ ПК 1582 г. С. 105; ПК 1615–18 гг. Л. 906 об.–907.

³² ПК 1582 г. С. 106; ПК 1615–18 гг. Л. 910 об.

³³ ПК 1582 г. С. 105; ПК 1615–18 гг. Л. 908–908 об.

не указаны). И оказывается, в Бородине наволоке проживали также «на тех же местех на Лубениках»: отмечены 4 м. дв. сожженных шведами убитых жильцов, в том числе Ивашки Яковлева: видимо, он и являлся Ивашком Малым 1563 г.)³⁴, – поэтому перепись 1582 г. и не фиксировала отдельно «продолжателя» починка: он вошел в Бородин наволоку (местность в Лубениках) (Таблица 1).

Другую связку селений 1563 г. представляют дер. *На Святе же озере на Круговое горе* (жили Бориско Самсонов, Харитонко Иевлев, Гришка Ларионов и Федотко Сысоев) и запустевший поч. *На Святе-озере над Лысковскою горою в концы Самсоновской*, т. е. починок поставлен около первой деревни, названной по отчеству жильца. В 1582 г. починок превратился в пуст. *Самсонова на Лысковой горе на Святе ж*, жил Самсонко Васильев (отец Бориса, умер в 1562/63 г.). Деревня же распалась надвое: во-первых, дер. *На Святе же озере Васьяна Савостьянова на Курьеовой горе* (1 кр. дв. и 2 м. дв. Харитонка Иевлева и Степанка да Савки Харитоновых – сожжены, жильцов убили шведы), – а во-вторых, дер. *Осташа Савостьянова на Святе ж*³⁵ с 2 дв. кр., Михалки Ларивонова и м. дв. Федки Сысоева, но он жив, живет тут же, у Юрка Сусенова. В 1610-х гг. деревни вновь объединились: *На Святе же озере Вокья Савастьянова на Курьеое горе* (1 дв. кр., 1 дв. п.) записана вместе с дер. *Осташа Савастьянова на Святе ж озере* (1 дв. кр., 1 дв. п.)³⁶.

Следующая дер. *На Святе же озере в Петрокове наволоке ныне словет Кетроев наволоку* в 2 дв. кр. Иванки Ортема [так в тексте – А. Ж.] и Луки Федорова, в 1582 г. под названием дер. *Пракой-наволоку* стояла пустой, с двумя м. дв. Иванка Ортемова и брата Луки Федорова: дворы сожгли, людей убили шведы; в 1610-е гг. она превратилась в пуст. *Что была деревня Прокой-наволоку* (2 м. дв., дворы сожгли, людей убили шведы)³⁷.

³⁴ ПК 1563 г. С. 90; ПК 1582 г. С. 106.

³⁵ Севастьян – отец основателя деревни Василия-Васьяна и Астафия-Осташа, дед Самсона, прадед Бориса.

³⁶ ПК 1582 г. С. 106–107; ПК 1615–18 гг. Л. 911 об.–912 об.

³⁷ ПК 1582 г. С. 106; ПК 1615–18 гг. Л. 910 об.

После Петракова (Кетроева) наволока писец перешел к описанию Салмы – пролива между Святозером и Пелдожским. Дер. *На Свете же озере в Салме Гришкинская*, жили Микитка Микитин, его брат Онашко и Омелец Максимов; по соседству располагалась дер. *На том же озере в Наволоке* с Онтонком Микитиным. В 1582 г. А. В. Плещеев объединил их в одну дер. *На Салме*: всего 2 дв. кр. Юшки Онтонова и Гришки Микитина и 4 м. дв. – шведы убили пятерых крестьян, в том числе вышеназванных Микитку и Онанка Микитиных и Омелянка Максимова, а дворы сожгли. В 1610-х гг. деревня превратилась в пуст. *Что была деревня На Салме* с 8-ю м. дв. (вновь уничтожили шведы), но П. Воейков дал льготу на 3 года новому крестьянину, который здесь ставил двор и поднимал пашню³⁸.

Третью пару деревень 1563 г. *На том же озере в Салме* (во дв. Якуш Ларивонов) и *На том же озере в Салме же Осташиевская* (во дв. Данилко Ларивонов) мы сравниваем методом исключения только с одной деревней 1582 г. *На Святе же Лахта Губа* с 1 дв. кр. и пятью м. дв. (в том числе Микитки Ларивонова) – дворы сожгли, людей убили шведы. В 1610-х гг. деревня погибла: пуст. *Что была деревня на Святе ж озере Лахта Губа* с 6-ю м. дв. погибших от шведов жителей³⁹. С топонимом 'губа' связано еще одно название. Это поч. *Захарьина Губа* 1582 г. с 1 м. дв.: он не идентифицируется ни с одним из поселений 1496–1563 гг. ни по названию, ни по бывшим его жильцам братьям Захарьиным; в 1610-е гг. – это пуст. *Что был починок Захарьина Губа*, «а ныне» в нем ставится 1 дв. кр.⁴⁰ Местоположение давно запустевшего поселения не определено, помещено в конце *Таблицы 1*.

Особенность всех этих названий в том, что в совокупности они маркируют на еще одно направление освоения Святозера – с востока, игравшее вспомогательную роль. *Губа* (залив) – название, которое было характерно для заливов Онежского озера и деревень по его берегам, его заимствовали и *карелы-людики*; собственно, в западном Прионежье *губами* маркируется территория проживания людиков (отчасти – и ливвиков). Русифицированный же термин 'лахта'

³⁸ ПК 1582 г. С. 106; ПК 1615–18 гг. Л. 911–911 об.

³⁹ ПК 1582 г. С. 106; ПК 1615–18 гг. Л. 911.

⁴⁰ ПК 1582 г. С. 105; ПК 1615–18 гг. Л. 908.

восходит к вепсской и карельской лексеме *laht, lahti* в значении *залив*⁴¹. Название деревни *Лакта Губа* – тавтология, фиксирующая, впрочем, подселение с востока в изначально вепсские деревни *В Салме*. Коренные жители и часть переселенцев Оставшевской деревни погибли в 1581 г., но ее новый единственный жилец Ивашка Елизаров (перепись 1563 г. не отметила ни одного Елизара или Елизарова) смог передать в названии деревни смешанное обозначение залива. Нынешнее ее карельское название *Lahtenkylä* не поддерживает вторую часть ‘губа’. Конечно, мы не можем сказать, насколько эти переселенцы были уже «карелизированы». Но наше предположение об «онежском следе» усиливается наличием *Захарьиной Губы* – починка, не существовавшего в 1563 г.: в данном случае, новое поселение не нуждалось в двойном этническом маркере ‘лакhta губа’, переселенцы Захарьины сразу избрали онежский топоним *губа*.

Дер. *На том же озере словет на Наволоке* (жил Алексийко Прокофьев) к 1582 г. обрела «имя»: *Тарасков наволок* – 1 дв. кр. и 4 м. дв. трех братьев Алексеевых и их дяди Ондрюшки Прокофьева (убиты шведами, дворы сожжены); в 1610-е гг. в *Тараскове наволоке* стоял 1 дв. кр., и рядом пять м. дв., жильцов убили «немецкие и литовские люди». Первые – шведы, а вторые – это казаки-«черкасы» из Речи Посполитой⁴².

⁴¹ Например, на востоке Карелии в Водлозерье господствуют «лахты»: водлозеры-русские наследуют и первопоселенцам-вепсам, затем обрусевшим, и пришедшим сюда собственно русским из новгородских земель. О губе и вепско-карельской лексеме *laht, lahti* см.: *Муллерен И. И.* Топонимия Присвирья... С. 165.

⁴² ПК 1582 г. С. 107; ПК 1615–18 гг. Л. 912 об. «Черкасы» («литовские люди») – это украинские (запорожские) казаки полковника Барыша Польца, подданные Короны Польской (с ее сечевых земель под Киевом Великого княжества Литовского), нанятые шведами в 1613 г. для продолжения своей интервенции на севере России. Черкасы прошли кровавым рейдом по деревням через Андому, Каргополь, Холмогоры, Сумской острог (но все эти остроги и крепости русские отстояли), были разбиты на Падмозере у Толвуйского острога и окончательно – под Олонецким острогом, у олонечского села Горы и у свирской Сермаксы в 1614 г. русскими казаками и ногаями под командованием ногайского мурзы на русской службе

Наконец, отмечены два запустевших к 1496 г. поселения *На Святе ж озере в Кедровом наволоке*. К 1563 г. возродились: 3 дв. кр., жили в том числе Матвейко Микулин и Микулка Федоров. В 1582 г. – это дер. *Корендин наволок*: 4 дв. кр., но они поставлены «внове» (видимо, после сожжения шведами старых), 1 м. дв. (сожжен, убиты), а возродили деревню их сыновья Васюк и Яков Матвеевы и Иванко Микулин; в 1610-х гг.: дер. *Коредин наволок* в 2 дв. кр., 1 дв. боб.⁴³ В переписи 1707 г. она названа дер. *Коренин наволок*, а в переписи 1726 г. – дер. *Корейка, а Вашиков наволок тож* (ныне – Вашаково). В 1707 же году перепись впервые назвала дер. *Кара* (ныне – часть дер. Вашаково)⁴⁴ (см.: *Таблица 1*).

В заключении А. Лихачев описал починки. Кроме вышеприведенных, отмечен поч. *На Калмой-лахте* в 3 дв. кр., жили в том числе Гришка Яхнов и его брат Якуш. К 1582 г. поч. *Колма-наволок, что жил Родивонко да Тимошко Яковлевы* запустел (причина не указана), а к 1610-м гг. и вовсе превратился в пустошь с тем же названием⁴⁵. Поч. *Палва на Святе же* в 1582 г. запустел: 2 м. дв. (сожжены, жильцов убили шведы); к 1610-м гг. он возродился: дер. *Что был починок Палва на Святе ж озере* в 1 дв. кр.⁴⁶ В 1582 г. отмечены два починка на Сигнаволоке, восходящих по составу жильцов к *Сиг-наволоку* 1563 г.: поч. *Сиговой наволок* и [поч.] *Сигов наволок* (по 1 дв. кр.); в 1610-х гг.

Барая Кутумова (История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 117 (карта), 118–119). Карты шведских и черкасского походов в Северную Россию во Вторую шведскую интервенцию см. также: *Kirkinen H. Ibid. S. 134–135, 256, 272.*

⁴³ ПК 1582 г. С. 105; ПК 1615–18 гг. Л. 907 об.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильевича Апрелева за их руками». 1707 г. Подлинник [Далее – ПК 1707 г.]. Л. 404–404 об.; РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга именная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». Подлинник. Л. 111–112.

⁴⁵ ПК 1582 г. С. 106; ПК 1615–18 гг. Л. 909 об.

⁴⁶ ПК 1582 г. С. 106; ПК 1615–18 гг. Л. 909.

П. Воейков их объединил в одну дер. *Что был починок Сиговой наволок да починок Другой Сиговой наволок* в 4 дв. кр., отметив, что раньше они были расписаны на два починок, «а по сказке крестьян и по осмотру» другого починок «не сыскано», и теперь они «списаны вместе»⁴⁷. Наконец, вышеотмеченный поч. 1563 г. *На Важенской дороге* в 1582 г. назван почином *Важинская пристань*: он запустел, его единственного жильца в 1581 г. убили шведы, а двор сожгли; в 1610-е гг. – это уже дер. *Что был починок Важенская пристань* в 2 дв. кр.⁴⁸

Последним в 1563 г. указан поч. *На Сюрине горе* (Иванко Трофимов, Поташко Трофимов и др.), в 1582 г. он стал дер. *На Святе же Корья гора*: 2 дв. кр. (крестьяне «хоромы ставят ново») и 4 сожженных м. дв. пяти убитых шведами крестьян, в том числе Поташка да Ивашка Трофимовых; в 1610-е гг. *На Святе же Корья гора, а Сюрья тож*: 3 дв. кр. и 4 дв. боб. – оно стало самым крупным (кроме погоста) поселением Святозерской волости⁴⁹. Обратим внимание, что переданное кириллицей вепское 'сюрья'⁵⁰.

Таков состав Святозерской боярщины, затем Святозерской волости. Анализ писцового делопроизводства доказывает, что именно в

⁴⁷ ПК 1582 г. С. 105–106; ПК 1615–18 гг. Л. 908 об.–909.

⁴⁸ ПК 1582 г. С. 105; ПК 1615–18 гг. Л. 908 об.

⁴⁹ ПК 1582 г. С. 106; ПК 1615–18 гг. Л. 910.

⁵⁰ Вепская топооснова *suĩj* передается как *сюрья* в поздних топонимах, в ранней передаче – *сурья* (Муллонен И. И. Топонимия Присвирья... С. 61 (и таблица). Но поздняя передача *й* звучит уже в 1563 г. в названии *Сюриня гора*. Вместе с тем даже в 1582 г. главная деревня в Лососинской боярщине Настасьи Ивановой жены Григорьева называлась *У Лососина озерка, в Сурье тож, след Игнатка Ку[ри]лова*; но тогда же в Олонецком погосте существовали дер. *На Сюринской горе на реке Мегреге* и пуст. *На Сурье Селиванка Никифорова* (ПК 1582 г. С. 39, 46, 140). Затем, в написанной местными олонецкими в 1667 г. «Переписной книге корельских выходцев» в названиях мегрегских деревень везде значилась *сюрья*: *На Сюрьи-речке Федоров наволок*; *В концы Сюрьи*; *На Сюрьи ж* (РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. Поместный приказ. Д. 3. Переписная книга карел–зарубежных выходцев в Олонецком и Заонежских погостах Олонецкого уезда, 1667 г. Подлинник [Далее – ПК 1667 г.]). Видимо, XVI в. и, может быть, первая половина XVII в. являлись рубежным временем, когда происходила замена формы *сурья* на *сюрья*.

последние десятилетия XVI – начале XVII вв. коренное население Святозера понесло тяжелейшие потери, причиненные шведами. Пострадали и карелы, которые успели переселиться на запустевшие земли, пополняя поредевшее местное население. Но, конечно, наибольший ущерб нанес рейд 1581 г. На карте финского исследователя Хейкки Кирконена этот рейд показан не полностью: от завоеванного в 1580 г. города Корела (Кексгольм, ныне Приозерск) через Ладожское озеро на Салми, от него – удар через Тулмозеро по Семчезеру и Сельгам, затем интервенты повернули на юг, опустошая весь западный берег Онежского озера до истока Свири, по ней вниз до Пиркинич, а оттуда нанесли два удара – по Олонцу и Сермаксе, – и возвратились в захваченный Корельский уезд (у шведов – Кексгольмский лен)⁵¹. Наши данные позволяют утверждать, что первый раз шведы разделились в Шуйском погосте: часть из них двинулась по Шуйской дороге, опустошая бассейн Святреки, в том числе Святозеро, а далее вышла к Сямозерью.

Может быть, название дер. *Пракой-наволок* (вместо *Петраков-Кетроев наволок*) тоже отражало этнический процесс – начало прихода на Святозеро первых карелов. Перепись 1563 г. не назвала ни одного из святозерцев *корелянином*, т. е. карелом из Корельского уезда. Поэтому есть основание полагать, что первые карелы пришли на Святозеро между 1563 г. и 1581 г. – годом жестокого шведского рейда; они не только подсеялись, но и сумели основать починок. И действительно, начало массовому бегству карелов из Корельского уезда положили кровавые шведские рейды туда с 1570-х гг.⁵² – тогда, видимо, первые карелы-переселенцы и пришли на Святозеро, пользуясь путем по Маньге.

К сожалению, кроме полных данных за 1610-е гг., мы не имеем других переписей Святозерской волости XVII в. Впрочем, известно, что карелы переселялись на Святозеро и после Столбовского мира со Швецией 1617 г. Например, в «Списке» перебежчиков из Кексгольмского лена в Россию по сыску Ивана Ушакова

⁵¹ Kirkinen H. Ibid. S. 123.

⁵² История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 104, 136–137.

и подьячего Богдана Воломского 1627/28 г. (приложен к «Донесению» о перебежчиках от 1629 г., ранее 30 июня, новгородских воевод боярина кн. Дмитрия Михайлович Пожарского и Моисея Федоровича Глебова) читаем: «Онофрейко Тимофеев с семьей из Корельского уезда Шуйстамского погоста [Суйстамо – А. Ж.] деревни Савины Вараки вышел в 130-м [1621/22] году в *Святозерскую волость*; Федка Иванов с семьей из Новгородского уезда Лопских погостов деревни Кебет-озеро от разоренья сшел в Корельский уезд Сердовольский погост, в деревне Карбозеро жил 6 лет, вышел в 134-м [1625/26] году в *Святозерский погост*; Федка Иванов с семьей из Корельского уезда Иломанского погоста деревни Макулы вышел в 135-м [1626/27] году в *Святозерский погост* в деревню Мелентейкову [? – видимо, местное название]»⁵³.

В данном источнике понятия *волость* и *погост* синонимичны и конкретно обозначают выставку-волостку Святозеро Важинского погоста. «*Выставкой-волосткой Святозерской*» волость стала по «Жалованной грамоте» ей царя Михаила Федоровича 1617/18 г. Новый статус в рамках местного самоуправления означал, что теперь старосты центрального Важинского погоста не имели права распределять среди святозерцев и взыскивать налоги, отправлять за их счет различные государственные повинности, а также не могли контролировать местное землепользование и промысловые угодья. Все эти важнейшие взаимоотношения Святозерской общины с государством и внутри выставки переходили теперь в руки самих святозерцев, к их самоуправлению в лице избранных старост и «лучших людей». Ранее такие же широкие права выставки-волостки получило самоуправление Сямозерской и Шимозерской волостей, освобожденных от власти старост Олонецкого и Оштинского погостов. Впрочем, все выставки остались в границах своих погостов⁵⁴. Самоуправлению выставок, конечно, было выгодно зазывать на пустующие

⁵³ РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швециєю. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 356–358 (донесение), 375–376 (сведения о Святозерской волости в приложении «Списке»).

⁵⁴ ПК 1615–18 г. Л. 72–93 (Сямозеро), 666 об.–701 (Шимозеро), 906–916 об. (Святозеро).

земли переселенцев: общие размеры налогов определяли нечастые переписи, а в годы между ними чем населеннее становилась волость, тем меньшая сумма налогов приходилась на каждую семью. Несомненно, данная неизменная политика государства усиливала приток карелов.

Самостоятельный статус давал возможность святозерскому самоуправлению даже «припрятывать» у себя до следующей общей переписи переселенцев-карелов. Так, из локальной переписи карелов – «зарубежных выходцев», проведенной по указу царя в Олонецком уезде в 1667 г., узнаем, что святозерцы назвали только две такие семьи карелов, да и те являлись бедняками (жили «на подворье», без своих дворов и земельных участков), а других «корелских выходцев на пашне и в тягле у них нет»⁵⁵. Невероятно, чтобы на Святозеро не приходили карелы, массою бежавшие из Кексгольмского лена во время Русско-шведской войны 1657–1659 гг. и оставленные в России по Кардисскому миру 1661 г. (ниже мы приведем примеры из той же переписи по соседнему Олонецкому погосту: ему посвящено более половины всего источника). Просто последняя общегосударственная перепись прошла в 1646–1648 гг., она взяла в налоговое «тягло» всех тогдашних жителей, их земли и угодья, и до следующего общего «письма» (в Олонецком уезде пройдет только в 1678 г.) святозерцы не желали себе никакого нового «тягла». Они могли скрывать карелов и потому, что по переписи 1640-х гг. у них имелись пустоши и пустые деревни, облагавшиеся малым налогом⁵⁶ (см.: *Таблица 1*). Очевидно, что на эти запустевшие земли прежде

⁵⁵ ПК 1667 г. Л. 113–113 об.

⁵⁶ Сведения о святозерских пустошах сохранились: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. «Книги переписные государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича всея Руси Новгородского уезду Заонежским погостам черным волостям, деревням и митрополичьим, и монастырским вотчинам, и в них дворам и крестьянским и бобыльским, переписи Ивана Прохоровича Писемского да подьячего Якова Еуфимьева 156 и 155 году, а что в котором погосте сел государевных и починков и в них дворов крестьянских и бобыльских, и во дворах людей по имяном и з детми, и з братьею, и с племянники, и со внучатами, и с подсоседники, то писано в книге сей имянно», 1646/47–1647/48 г. Подлинник [Далее – ПК 1646–48 гг.]. Л. 558–558 об.

всего и селились беглецы-карелы, пользуясь их льготным налогообложением.

Отдельными погостами Святозеро и Сямозеро стали при Петре I, по переписи 1709 г.⁵⁷ До этого к концу XVII в. определился и новый центр Святозерской выставки дер. *Погоское Поле*. По архивным источникам, впервые «*Погоцкое Поле*» значилось в «крепости» (долговой закладной расписке) от 9 мая 1699 г.: местный крестьянин Карп Федотов занял 1 рубль у Дмитрия Андреева, а в случае неуплаты отдавал свою «деревню» (т. е. хозяйство с двором и участком), которую до этого купил у племянницы; в 1715 г. эту долговую расписку подал на Карпа посадский человек Макарий Петров сын Воронов⁵⁸. «На посад» могли записываться не только горожане Олонца, но и деревенские жители уезда, имевшие торговый промысел. Интересно, что в переписи 1707 г. впервые значилась дер. *Воронова*, которая следовала сразу после погоста *Погоское поле*, т. е. находилась рядом с ним.

А в Погоском поле в 1707 г. стояла церковь с привычным для святозерцев посвящением престола св. Николаю. Правда, к Первой ревизии начала 1720-х гг. Никольская церковь была заменена на Ильинскую, но ко Второй ревизии 1749 г. святозерцы вернулись к традиционному для них престольному почитанию св. Николая⁵⁹. По подсчетам, в конце XVIII в. в Святозерском приходе Святозерского погоста Петрозаводского уезда Олонецкой губернии окормлялось

⁵⁷ ПК 1707 г. Л. 430–430 об. (Святозерский погост), 339–459 об. (Сямозерский погост). Шимозерская выставка не стала отдельным погостом.

⁵⁸ РГАДА. Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв. Оп. 1. Д. 7753. Книга збору крепостных дел надсмотрщика Ивана Пономарева старых крепостей генваря с 1 числа 1715 году», 1717 г. Подлинные списки. Л. 17 об.–18.

⁵⁹ ПК 1707 г. Л. 430–431; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2374. «Книга Олонецкого уезду церковником и других чинов разночинцом, которые во 231 году не положень». 1722/23 г. [Далее – ПК 1722/23 г.]. Подлинник. Л. 20; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2384. «Книга переписная Новгородской губернии по городу Олонцу и его уезду имеющимся при соборной, приходских и ружных церквях, также и при монастырех действительным священно- и церковнослужителям и их детям, учиненная в 1749 году». Подлинник. Л. 12 об.

1248 прихожан, проживавших в 154-х дворах. При этом в уезде на приход приходилось в среднем 915 прихожан и 108 дворов: Святозерский приход оказался в 1,3–1,5 раза крупнее «среднестатистического».

Итак, проясняется история складывания этнической группы карелов-людиков на Святозере. Несмотря на два страшных опустошения в годы Первой и Второй шведских интервенций, Святозерская волость, а затем выставка-волостка Святозеро смогла быстро пополниться переселенцами на свои запустевшие земли и угодья. Одновременно действовали причины, характерные и для более раннего времени: еще не выбранный до конца потенциал освоения святозерских земель, наследственные права владения и брачные связи. С запада в волость приходили карелы, а с юга, по сквозной дороге с Верхних Важин к Важинской Пристани – и вепские (карелизовавшиеся) переселенцы из присвирских важинских волостей. Все вместе они вскоре в XVII–XVIII вв. превратились в святозерскую группу карелов-людиков, носителей южнолюдиковского диалекта людиковского языка, – сговором, схожим с южнолюдиковскими говорами важинского Присвирья.

Остальные деревни бассейна Святреки входили в Олонецкий погост. К сожалению, перепись 1563 г. по Олонецкому погосту сохранилась не полностью, и мы не знаем по данному источнику ни их состав, ни к какой именно боярщине они принадлежали. Правда, имеется существенная зацепка: в 1563 г., среди новых починков боярщины «Настасьинской Ивановы жены Григорьева» значатся не только вышеназванные починки на Кутижме, но и большой поч. *Мангинской* (4 дв., 6 кр.); в 1582 г. он указан как пустая дер. *Манга на Мангинском озере* с 11-ю м. дв.: дворы сожгли, жильцов убили шведы в рейд 1581 г. К 1615–1618 гг., по окончании Второй шведской интервенции, деревня возродилась: *Манга на горе на Манге*, 4 дв. кр., 1 дв. боб., но также и 1 дв. п., 5 м. дв. – жильцов убили, дворы сожгли «литовские люди» – черкасы. К названию имеется приписка о том, что в прежней переписи она названа «*на озере на Манге*»; наконец, сообщено, что от этой деревни приданы сенокосы в 14 коп. к дер. *Другие Пелдушам* (на оз. Пелдожском) и 9 коп. к

дер. *Другой Булмаевой* (Эссойла, Настасьинская боярщина на Сямозере)⁶⁰.

Последнее весьма примечательно. Во-первых, в этих олонецких деревнях население (в отличие от шуян) допускало перераспределение сенокосов писцом. Во-вторых, изучая ранее Сямозерье, мы выяснили, что перераспределение сена осуществлялось строго в пределах общин – бывших боярщин. Так, к дер. на восточном берегу Сямозера *Сямозерский погост* из Настасьинской общины приписали сенокосы бывших ее же деревень Инжунаволок (на западном берегу) и Руги (на северном)⁶¹. На примере Маньги обнаруживается связь олонецких деревень бассейна Святреки с олонецким Сямозерьем и определяется последний новгородский вотчинник – это Настасья, вдова боярина Ивана Григорьевича. Получается, что бассейн Святозера–Святреки контролировала не только славнинская Аксинья, но и Настасья из прусско-плотницкой группировки Великого Новгорода. Вновь мы видим весьма ревнивое отношение новгородского боярства к вотчинным успехам друг друга; собственно, и в целом политический паритет в вечевой республике базировался на равенстве экономического могущества представителей обеих группировок.

К сказанному добавим, что к востоку, в соседнем Шуйском погосте «славная и богатая Настасья» владела лососевым промыслом – боярщиной из деревень на оз. Лососинное с реками Лососинница и Нигиница (Лососинка и Неглинка), т. е. землями нынешнего Петрозаводска с округой, а к западу – многими деревнями Сямозерья: *Гал-(Гар-)наволок* (Сямозерский погост), *На Сямозере Безуныевых* и *На Сямо ж озере Бучмуевых* (Эссойла) и др.⁶² После конфискации Иваном III вотчинной собственности новгородской знати, между 1542 и 1551 гг. именно на землях Настасьинской общины на Сямозере встала Успенская церковь, следовательно, образовалась государева *Успенская Сямозерская волость*. О сямозерской Успенской церкви известно также по Жалованной грамоте новгородского

⁶⁰ ПК 1563 г. С. 64; ПК 1582 г. С. 48; ПК 1615–18 гг. Л. 69 об.

⁶¹ История и культура Сямозерья. С. 103–106 (Приложение 8).

⁶² ПК 1563 г. С. 119 (Лососинное); История и культура Сямозерья. С. 55–58 (состав деревень Настасьинской боярщины в Сямозерье).

архиепископа Александра от 25 апреля 1577 г. ее причту: храм был поставлен при владыке Феодосии II (возглавлял новгородскую кафедру с 18 июня 1542 г. по июнь 1551 г., когда был избран митрополитом «Московским и всея Руси»); во-вторых, церковь являлась *выставкой* от главной олонецкой церкви – «старые церкви Рождества святей Богородицы»⁶³. Возможно именно поэтому святорецкие потомки настасьинских крестьян не ставили собственную церковь: они могли быть и прихожанами Успенской церкви, и соседней святозерской Никольской. И данные обстоятельства долгое время препятствовали им объединиться в отдельный общий приход, а одной волостью они так и не стали.

Но пока восстановим состав настасьинских деревень, применив метод ретроспективного анализа материалов по Олонецкому погосту из двух переписей – 1582/83 и 1615–18 гг. В первой из них описание государевых земель не подразделялось на волости и бывшие боярщины. Зато в следующей переписи список святорецких деревень помещен под отдельным заголовком: «В том же Олонецком погосте отхожие деревни на Святе-озере, от Олонца 50 верст» [так в тексте. Видимо, Святозеро и Пелдожское воспринимались одним озером – А. Ж.]. Шесть из этих 10 поселений не идентифицируются с деревнями переписи 1582/83 г., являясь новыми, а четыре вполне определяются, – поэтому начнем с них.

Кроме проанализированных сведений о Маньге, обе переписи раскрывают судьбу Пелдожи, Пряжи и Киндасово. В 1582/83 г. дер. *Пелдожа на озере на Святе* стояла пустой: деревню сожгли (23 м. дв.!) и всех крестьян убили шведы; в 1615–18 гг. – это уже живущая дер. *Пелтушь на озере на Святе*: 3 дв. кр., 2 дв. боб. и 3 дв. п. (жильцы убиты шведами), ей придано 5 коп. сена из дер. «*Ватесалмы*» (она же – *В Ахтесалмы на речке Иве у озера у Вангоды*, ныне – это

⁶³ ПК 1563 г. С. 57; Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.: Сборник документов. Петрозаводск, 1941 [Далее – Материалы]. С. 252–253; История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М., 2006. С. 331.

Нижняя Салма на оз. Вагатозеро, разливе р. Шуи), – т. е. сенокос из деревни все той же Настасьинской сямозерской общины⁶⁴.

Деревня *На Пряже-озере* в 1582 г. имела 1 дв. кр., 1 дв. боб., 4 м. дв. (сожжены, людей убили шведы); в 1615–18 гг.: 3 дв. кр. (люди «охудали» от шведов, освобождены на два года от налогов) и 2 м. дв. (шведы), придано 9 коп. из дер. *Что была пустошь на реке на Шуге, а Киндасово тож*. Само Киндасово описывалось в составе Сямозерской волости, имело 1 дв. кр. и 4 м. дв. (сожжены, люди убиты «литовскими людьми»-черкасами)⁶⁵.

Наконец, в 1582 г. описана некая пуст. *Что была деревня Синда ж на реке на Шуге*: 3 м. дв. (сожжены, людей убили шведы); в 1615–18 гг. – это пуст. *Киндош на реке на Шуге*⁶⁶. Определение ее местоположения затруднено, видимо, она связана с Киндасово; переписью 1628–1631 гг. *Киндошь* отнесена к «пустошам, старым пустошам непаханным»⁶⁷.

До своего запустения Пелдожа предстает огромной для тех лет деревней. У нас нет сомнений, что основание ее относится, по крайней мере, к XV в., а значит, Пелдожа являлась *основным* поселением Настасьинской вотчины в бассейне Святреки. По сравнению с ней, Пряжа выглядит обычной деревней. Может быть, она возникла XVI в., может быть, и ранее – все это гадательно, – главное же заключается в том, что Пряжа располагалась в стороне от основной водной коммуникации, поэтому пока не развивалась так бурно.

Остальные местные деревни возникли на рубеже XVI–XVII вв. В их названиях значатся имена основателей поселений. Дер. *В Пелдушях Харитоново Посиденье на Святе-озере, Филипповская тож*: 2 дв. кр. (живут братья Харитоновы, следовательно, ее основал их отец Харитон), 2 м. дв. (сожжены, людей убили шведы); придано 2,5 коп. из сямозерской дер. *На Гал-наволоке Кирилловской*

⁶⁴ ПК 1582 г. С. 48; ПК 1615–18 гг. Л. 67–67об., 75.

⁶⁵ ПК 1615–18 гг. Л. 68–69.

⁶⁶ Там же. Л. 69; ПК 1582 г. С. 48.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 308. «Книги Новгородского уезда Заонежским дворцовым погостам, и монастырским вотчинным землям писма и меры Микиты Федоровича Панина да подьячего Семена Копылова 136 и 137 году». [1628–1631 гг.]. Подлинник [Далее – ПК 1630 г.]. Л. 109 об.

*Якушева, а Качина тож*⁶⁸. Такая приписка сена выглядит исключением, потому что дер. Кирилловская входила в общину Княщину, бывшую совместную вотчину Тимофея Матвеевича Малого Грузова из Славнинского конца Великого Новгорода и Якова, Василия и Спиридона Слизиных, представлявших союзный Славне Неревский конец столицы вечевой республики⁶⁹. Впрочем, дер. Харитоновская являлась новой, а земли дер. Кирилловской лежали смежно с настасьинским Сямозерским погостом, и может быть, именно поэтому возник данный казус.

Пуст. *Фомино Созоново Посиденье* получила 4 коп. из настасьинской дер. *В Картине-наволоке в Сяпсе* (полное правильное название: *На Сямозере в Варгине наволоке на Сяпсине, а Середняя Каргино тож* – район нынешнего Шап-наволока на Сямозере)⁷⁰. Дер. *Тимохи Харитоново Посиденье на озере на Святе* имела 1 дв. кр., 1 дв. п. и 1 м. дв. (сожгли, семью убили шведы), придано 2 коп. из дер. *Булмаево* (настасьинской Эссойлы)⁷¹. Видимо, Тимофей – также сын вышеназванного Харитона.

Следующее название выглядит странным: дер. *Другие Пелтуши у Свято-озера, починок Манглинской тож*, 3 дв. кр., 1 м. дв. (сожгли, семью убили шведы), – но это не Маньга, поскольку именно из дер. *Манга на озере на Манге* было придано 14 коп. сена к этим Другие Пелтуши⁷². Очевидно, смысл названия в том, что Другие Пелтуши были основаны выходцами из Маньги, являлись ее почином. И последняя новая дер. *Родионово Посиденье в Пелтушах у Свято-озера*, 2 дв. кр., 2 м. дв. (сожжены, люди убиты шведами)⁷³.

Сведения переписей доказывают тесную связь «отхожих деревень на Святозере» с настасьинскими деревнями Сямозерской волости. По-существу, мы описываем одну большую крестьянскую Настасьинскую общину, состоявшую из деревень северной окраины

⁶⁸ ПК 1615–18 гг. Л. 65 об.–66.

⁶⁹ История и культура Сямозерья. С. 49–53.

⁷⁰ ПК 1615–18 гг. Л. 66, 78.

⁷¹ Там же. Л. 66 об.–67.

⁷² Там же. Л. 67 об.

⁷³ Там же. Л. 68. Писец не указал сена, приданного или полученного от какой-либо деревни.

Олонецкого погоста. Жители общины жестоко пострадали в годы двух шведских интервенций. Как и в случае со Святозерской волостью, от полного запустения ее спасало подселение в ее деревни карелов, очевидно, по Мангинской коммуникации и, в меньшей степени, карелизовавшихся вепсов, отчасти – важинских (но их, прежде всего, «перехватывала» Святозерская община), отчасти – мегрегских. Последний маршрут требует обоснования.

Дело в том, что Настасьинская вотчина в Олонецком погосте не ограничивалась только северной окраиной. Она включала общины и в его центре (деревни на р. Олонке), и на западе (на Видлице и Энийоки), и, наконец, на востоке – на Мегреге с притоком Самбатукса. Последнее для нас весьма важно, поскольку раскрывает связь Мегреги с северной общиной. Хотя перепись 1563 г. не сохранила состав сямозерских деревень Настасьинской боярщины, но писец твердо (дважды!) именовал обобщенно ее жителей: «Настасьинской волостки мегръжаны» и «настасьинские мегръжаны»⁷⁴, тем самым утверждая, что ее сямозерцы являлись переселенцами из ее же боярщины на Мегреге.

Данные именованья никак не связаны с сямозерским мысом Мягр-наволок, поскольку все три его деревни, «предки» нынешней Курмойлы, относились к боярщине Княщина⁷⁵. Зато одна из деревень «настасьинских мегръжан» *Безсуеньевых* (1582 г.), она же *На Сямо-озере Безсуеньевых, а Есуевых тож* (1617 г.) [ныне – Эссойла] по родовому прозвищу в названии имеет прямую аналогию с пуст. *Заречье Текуевская, Езсуева тож на реке на Мегреге* (1617 г.). Эта мегрегская деревня запустела уже к 1582 г., возможно, ее жители переселились на Сямозеро. А вообще на Мегреге рядом стояли три Ти(е)куевские деревни, в первой из которых, *На Низу Тиккуевская на реке на Мегре*, проживал староста⁷⁶. По средневековой традиции, местное волостное самоуправление обычно возглавлял

⁷⁴ ПК 1563 г. С. 64. Другое обобщенное именование: «настасьинские сямозерцы» – по озеру (Там же. С. 58).

⁷⁵ История и культура Сямозерья. С. 87 (Таблица 1).

⁷⁶ ПК 1582 г. С. 39, 42 (Ти(е)куевские деревни), 43 (Безсуеньевых на Сямозере); ПК 1615–18 гг. Л. 75 об.

глава рода, житель «старшей» деревни. Можно предположить, что мегрегский Ти(е)куевский род выделил из своей среды семью Безсуньевых-Езсуевых для закрепления рода на северной окраине. Кстати, в одной из настасьинских же деревень на Видлице, в дер. *На Видлице-речке* в 1563 г. проживал Онтонко Иванов Телскуев с внуком Максимкой; в 1582 г. – это *Тилкуев наволоок на Видлицах же*⁷⁷. Может быть, перед нами пример широкого освоения одним родом пространств в рамках своей, такой же «распространенной» боярщины.

Продолжим аналогии. До 1563 г. возникли починки на северо-востоке Настасьинской общины *В Кутежме, В Нутежме ж, В Кутежме ж, В Кутежме ж* [ныне – Кутижма], а на Мегреге стояла новая дер. *Кутежна* (1617 г.). Через столетие, по переписи 1707 г. – это дер. *Куйтежна* Самбатукской волости [ныне – Куйтежа]⁷⁸. Возможно, святозерский поч. *На Сюрине горе* 1563 г. имеет аналогию с дер. *На Сюринской горе на реке Мегреге* (1582 г.)⁷⁹. Она не встречается в сохранившемся фрагменте описания боярщин Олонецкого погоста 1563 г.; методом исключения можно предположить, что деревня принадлежала Настасьинской боярщине на Мегреге, описание которой не сохранилось. Возможно, в данном случае мы также имеем дело с переселением с берегов Мегреги, но крестьяне выбрали место на Святозере с привычным им ландшафтом и условиями хозяйствования.

Север Олонецкого погоста осваивался не только карелами из Корельского уезда, но и с юга погоста, с олонецкими потомками вепских первопоселенцев. Возможно, для этого последние пользовались протекавшей рядом Важинкой. Во всяком случае, обследовавшие Важинско-Святозерско-Шуйскую коммуникационную трассу топонимисты реконструируют на ней целый ряд вепских топонимических моделей, причем относительно поздних, на уровне микротопонимии⁸⁰. А, например, перепись 1582 г. указала на той же

⁷⁷ ПК 1563 г. С. 57; ПК 1582 г. С. 47.

⁷⁸ ПК 1563 г. С. 64; ПК 1615–18 г. Л. 75 об.; ПК 1707 г. Л. 293–294.

⁷⁹ ПК 1563 г. С. 90; ПК 1582 г. С. 39.

⁸⁰ *Муллонен И. И.* Формирование диалектной карты карельского языка // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте

Мегреге единственного «Тараску корелянина» в дер. *Порзосово Ершово на реке Мегре*⁸¹; данное «этно-окрашенное» прозвище предполагает вепский состав остальных окрестных мегрегцев.

Наконец, уже прямые исторические доказательства «мегрегского следа» мы находим в волостном оформлении бассейна Святреки. *Впервые* ясно видимый след этот оставила Переписная книга карелов – «зарубежных выходцев» 1667 г. Конечно, источник указал не всех карелов-переселенцев. Но в нем *впервые* отражено внутреннее деление Олонецкого погоста на станы (объединения волостей), а последних – на волости. *Впервые же* указаны новые волости, в том числе все святорецкие. Столь важные сведения переписи мы оформили в *Таблицу 2* Приложения. В ней серым фоном отражены новые единицы внутреннего административного деления погоста, а *курсивом* выделены изучаемые волости и деревни. В таблице представлены все 7 третей погоста и Сямозерская выставка-волостка. Они объединяли старинные государевы и новоотписанные от митрополита в 1648 г. волости. Из первых – это Стародворцовая треть, 3 трети – бывшие деревни Конюшенного пути (Верховская Мегрегская треть, Середняя Мегрегская треть, Низовская Путиловская треть); вторые 3 трети объединяли волости бывшей Софийской вотчины (Новоотписанная Верховская треть, Мундинская треть и Новоотписанная Низовская треть). Всего в переписи 1667 г. представлено 36 волостей, в том числе 19 новых волостей; при этом 5 волостей были разделены между этими третями в силу чересполосного расположения волостных земель и деревень.

«Олонецкие отхожие деревни на Святозере», не будучи объединенными в одну волость, тем не менее с середины XVII в. составляли уже несколько местных крохотных волостей, которые входили в состав больших олонецких волостей и станов (объединения волостей). Так, деревни на притоке Мегреги р. Самбатуксы составляли *Самбатукскую («Самакукскую») волость*, входившую в состав

России. Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. Петрозаводск, 2014. С. 43.

⁸¹ ПК 1582 г. С. 40.

Верховской Мегрегской трети. Но из переписи 1667 г. выясняется, что тогда же и настасьинская дер. *Маньга* входила в эту Самбатукскую волость, так как о семье одного из карелов-переселенцев под Маньгой написано: «Поселились вновь: урочище на Курселги от Манги на 2 версты»⁸². Тогда же новые *Пряжская* (Пряжинская) и *Пелдожская волости* входили в *Среднюю Мегрегскую треть*⁸³. Для нас совершенно очевиден тот факт, что межобщинные связи «настасьинских мегръжан» долго сохранялись, и в XVII в. и даже в XVIII в. они отнюдь не забывались.

Так, перепись 1707 г. фиксировала местные олонечские деревни: в Самбатукскую волость Верховской Мегрегской трети входила дер. *Маньга*⁸⁴; в составе Средней Мегрегской трети: *Пряжезерская волость* из дер. Пахомова Гора, Средняя Пряжа, Павлова и Логинова Сельга; *Пелдожская волость* включала дер. Харитонова (пуста), Пахомово поселенье, Пелдожа, Мануйлова и Баенное озеро; новую *Киндасовскую волость* образовали дер. Киндасовская волость, На Святе-реке, Рига-селга, Нини-селга, Мая-селга⁸⁵. К окончанию же Северной войны со Швецией (до 1722 г.) все волости района Пелдожа–Пряжа–Маньга–Киндасово приписали к объединенной Георгиевской Самбатукской волости⁸⁶.

По переписи 1749 г. состав и подчиненность четырех волостей вновь изменились. Они вышли из Самбатукской волости. *Мангинская волость* Верховской Мегрегской трети состояла из дер. Мангинская волость, Афонасьева Сельга, Габанова, Никонова Сельга и Новая Заживка; остальные вернулись в Среднюю Мегрецкую треть: *Пряжезерская волость* (Пахомова, Средняя Пряжа, Павлово, Рига-селга, Баенное озеро, Мая-селга, Логинова Сельга и Нини-селга), *Киндасовская волость*, в которой осталась только одноименная деревня, и *Пелдожская волость* (Пахомово поселенье,

⁸² ПК 1667 г. Л. 58.

⁸³ Там же. Л. 64 об.–65.

⁸⁴ ПК 1707 г. Л. 296–297.

⁸⁵ Там же. Л. 304–312 об.

⁸⁶ ПК 1722/23 г. Л. 3–7 об.

Пелдожа, Мануйлова, Новая Заживка, Ребята, Остров, Иваново, Машуково, Каски-наволок, Кукойла, У Мельницы)⁸⁷.

Незавершенность внутренних административных преобразований бассейна Святреки отражало и приходское развитие. Только к концу XVIII в. здесь появился *Пряжинский приход*. Конечно, это свидетельствует о том, что *Пряжа* наконец-то выделилась среди местных поселений в *консолидирующий центр*. Но Пряжинский приход Петрозаводского уезда составляли всего 619 прихожан в 103 дворах. По «населенности» он далеко уступал не только Святозерскому приходу, но даже на треть – «среднестатистическому» в уезде. Остальные жители, следовательно, по-прежнему окормлялись в соседних приходах.

Итак, первоначально местности в бассейне Святреки (Пелдожа, Пряжа, Маньга) характеризовались их включенностью в обширные вотчинные владения Настасьинских боярщин, раскинувшихся протяженной полосой от Мегреги и Самбатуксы через бассейн Святреки к Сямозерью. И во времена Великого Новгорода, и в Московский период истории данная причина прямо приводила к усилению межобщинных связей внутри этой бывшей вотчины. Кроме того, Святорецкий район находился на разветвленной и оживленной водной коммуникации. Опустошения военного лихолетья ставили район в те же условия открытости к принятию переселенцев, что и соседнее Святозеро. Все эти факторы приводили к заселению деревень представителями отличающихся друг от друга этнических общностей, в различных пропорциях. Последнему способствовал и административно-территориальный фактор, являвшийся одновременно и причиной, и следствием отсутствия внутренней приходской и волостной консолидации. Лишь к концу XVIII в. среди местных селений начал выделяться такой центр – *Пряжа*, но только на уровне прихода. Эти весомые причины и привели в конечном итоге

⁸⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2378. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородской губернии Олонецкого уезду, приписанных к Петровским заводам государственным крестьяном, которые в прежнюю перепись писались государственными же крестьяны, учиненная в 749-м году», 1749 г. Л. 1–35 об.

к нынешнему чересполосному проживанию здесь и людиков, и ливвиков. Вместе с тем, те же факторы усиливали языковые процессы взаимодействия местных говоров друг с другом, равно как и взаимовлияния с соседними говорами. Данные ярко проявляющиеся этнокультурные особенности территории и поныне воспроизводят ситуацию *пограничности*, стыка двух карелоязычных групп.

Географически, с запада общий Святозерско-Святорецкий водный бассейн граничит с общим бассейном оз. Крошнозеро – р. Миккельская, а конкретно, с землями бывшей *Крошнозерской волости*. При этом, если на карелоязычном Святозере господствует карело-людиковский язык, а карелоязычные жители святорецких земель представлены и ливвиками, и людиками, то крошнозерцы являются носителями карело-ливвиковского языка. Их говор близок к говору соседей-ведлозерцев. Ведлозеро находится западнее Крошнозера и принадлежит к бассейну р. Видлицы. Во времена Великого Новгорода Видлица являлась «рубежной рекой» во внутриадминистративном делении воеводской республики: ее бассейн в целом отделял территорию Обонежского ряда от Корельской земли. В начале Московского периода истории практически ничего не изменилось: по-прежнему Видлица находилась на рубеже между Заонежскими погостами Новгородского уезда и Корельским уездом. Но затем, в 1580–1595 и с 1610 г. по 1710 г. (а официально по 1721 г. – год Ништадского русско-шведского мира) бассейн Видлицы стал северным участком границы России. Все зафиксированные выше «карельские выходцы» бежали из Кексгольмского лена (Корельского уезда) Швеции через земли именно Видлицкого бассейна. Следовательно, Крошнозерская волость подходила почти к самому русско-шведскому рубежу.

В комплексном исследовании об истории и культуре Сямозерья мы уже рассмотрели подробно и историю крошнозерских деревень в XV–XVII вв., и историю самой Крошнозерской волости⁸⁸. Остановимся кратко лишь на важных и основных моментах, непосредственно относящихся к теме данной статьи.

⁸⁸ История и культура Сямозерья. С. 59–66, 69–73, 95–99 (Таблицы 5 и 6).

По крайней мере, с XV в. до середины XVII в. земли бассейнов шуйского Крошнозера и ладожской Видлицы составляли владения Новгородской епархии – Дома св. Софии. Находясь под твердым управлением новгородского архиепископа (с 1589 г. – митрополита), все земли владыки на Олонце объединялись административно в Олонецкий стан с центром на Ильинском погосте на Олонце; практически они находились на правах вотчины. Иногда московские государи и новгородские владыки обменивались своими землями. Именно так произошло в 1648 г., когда для создания «полков нового строя» в Заонежских погостах царь Алексей Михайлович обменял свои земли, «село Королево да село Тесово з деревнями и с пустошми, с пашнею и со всеми угоды и з доходы» на весь Олонецкий стан митрополита Авфония⁸⁹. С тех пор церковно-вотчинные крошнозерцы и видличане стали государевыми; уже в середине XVII в. возникла Крошнозерская волость.

В переписи 1646–48 гг. волость еще отсутствовала. Ее первое упоминание находим в челобитье солдата Крошнозерской волости, который просил дать ему в распашку урочище у Перозера, за которую крошнозерцы платят в *Новоотписанной* (от митрополита) *Верховской трети* как с четверти веревки [доли в общинном «вервном» раскладе: община – это «вервь» – А. Ж.]⁹⁰. Источник не датирован, но его крайние даты определимы. Нижняя – после января 1654 г., так как челобитье написано на имя царя Алексея Михайловича «всея Великия, Малыя и Белья Росии самодержца», а данный титул заменил собой прежний «всея Руси» сразу после Переяславской Рады 9 января 1554 г. Верхняя дата – 1666 г., когда в уезде отменили солдатскую службу. Следовательно, Крошнозерская волость возникла в промежутке 1649–(1654)–1666 гг. Но своей церкви волость не имела и в XVIII в. Очевидно, крошнозерцы являлись прихожанами Никольской церкви Ведлозерской волости.

По всей видимости, приходское единство ливвиков Ведлозера и Крошнозера опиралось на главный путь пополнения населения

⁸⁹ Карелия в XVII в. Сборник документов. Петрозаводск, 1948 [Далее – Карелия в XVII в.], С. 71–72.

⁹⁰ Там же. С. 76.

Крошнозера «карельскими выходцами» – от границы через Тулмозера и Ведлозеро. Но вообще долговременный процесс становления ливвиков следует начинать с его *предыстории*. Ее освещают более ранние источники, прежде всего Писцовая книга Корельского уезда 1500 г. Анализ ее данных показывает, что со времени «старого письма» (первой переписи 1480-х гг.), и особенно в войну «за Выборг», почти на всей территории Корельского уезда (создан по «новому письму» в 1500 г.) наблюдалась убыль населения и количества единиц налогообложения (обжей, луков), – везде, кроме двух окраинных погостов: северного Ильинского Иломанского и самого восточного Воскресенского Соломенского (Салми). А именно, население выросло на 6 % на Иломанце и на 8,6 % в Салми; те же проценты дает рост луков. При этом количество деревень в обоих погостах выросло на треть: на 38 % в Иломанском и на 33 % в Соломенском; кроме того, в деревнях росло число дворов – на 3,2 % и целых 34 % соответственно⁹¹.

Проанализированные данные переписи 1500 г. открывают для нас два важных факта. Во-первых, к началу XVI в. в Соломенском и Иломанском погостах еще не завершился внешний процесс их экстенсивной колонизации (рост числа деревень), но уже тогда шел и внутренний процесс интенсивного освоения (увеличение «дворности» деревень): на Иломанце он только начался, а в Салми давно окреп. Во-вторых, наш анализ указывает на тот факт, что на севере и востоке Корельского уезда концентрировалось население, которое в скором будущем двинется дальше, на север к Белому морю и на восток на Олонец и Шую. Пример раннего переселения карелов дает нам история олонецкой Тулмозерской волости (ныне земли Тулмозера, как и Ведлозера и Крошнозера, входят в Пряжинский район).

Земли вокруг Тулмозера принадлежали софийскому Олонецкому стану, они граничили с Соломенским погостом. Почти все его земли в новгородское время также принадлежали Дому св. Софии, но не позднее 1500 г. великий князь Иван III их конфисковал. Соседний же Олонецкий стан остался «за владыкою». Фиксируя стан,

⁹¹ Полностью подсчеты см.: Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России. С. 414–415 (Таблица 1).

перепись Заонежских погостов 1563 г. отметила: «А се тое ж волости владычни деревни на Туле-озере Соломенского погоста, а тянут к Олонцу», – и далее, среди более чем трех десятков новых тулмозерских деревень записана: «Да была деревня *У часовни*, а ныне поставлена *церковь выставка Никола чудотворец* на архиепископля земле»⁹². Получается, что новгородские архиепископы не смирились с потерей салминских владений и стали переманивать бывших софийских салминцев, заселяя ими слабо освоенные и пустующие северные территории софийского Олонецкого стана. Но и карелы из Салми не остались аморфной массой: в одной из тулмозерских деревень они поставили часовню, став часовенным приходом. Затем, накопив известный достаток, вместо часовни они поставили и содержали за свой счет Никольскую церковь со священником и причтом, превратившись в церковный приход, а значит, приступили к самоорганизации в Тулмозерскую волость.

Архиепископ Александр признал статус волости за Тулмозером своей Жалованной грамотой олонецким церквам от 17 сентября 1580 г.: он указал выставочной церкви св. Николая *Тулмозерской волости* платить подати отдельно от становой (главной) Ильинской церкви на Олонце⁹³. Так к концу XVI в. завершился долгий, почти столетний путь становления *Никольской Тулмозерской волости* на когда-то пустовавших северных олонецких землях. Интересно и престольное посвящение данной церкви чудотворцу Николаю, покровителю всех находящихся в пути. Никольские церкви часто стояли в селениях на торговых путях (в Святозере на Важинско-Шуйском пути, например), также св. Николай почитался поморами, промышлявшими в море. Но тулмозерский пример указывает на то, что такие церкви ставили и в местах переселения, – по большому счету, типологически, имела место все та же ситуация «путешествования».

В доказательство приведем еще один пример из истории начала становления ливвиков на территории вотчинного Олонецкого стана

⁹² Переписная окладная книга по Новгороду 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы [Далее – ПК 1500 г.]. С. 180–188; ПК 1563 г. С. 71–73.

⁹³ Материалы, 1941. С. 272–273.

новгородского владыки. Когда во время еще Первой шведской интервенции поток карелов из захваченного шведами Корельского уезда хлынул на восток, прежде всего в Заонежские погосты и особенно в ближайший Олонецкий, то первой же поставленной в погосте церковью стала Никольская на Ведлозере – в дер. *На том же Ведлозере Кондуша Кондратовская Сергейка Кирилова з братьею, а Вохто-губа тож*. Так между 1584 и 1615 гг. возникла уже вторая на пути следования карелов на север Олонецкого погоста *Никольская Ведлозерская волость*⁹⁴. Очевидно, что беглецам-переселенцам было не до торговли, да и находились они на северо-западе Олонецкого погоста, вдалеке от торговых путей. Поэтому данные престольные никольские посвящения ни в коем случае нельзя считать попыткой обезопасить себя на торговых трассах, как на Святозере. Это реакция переселенцев на ситуацию нахождения в *чужой* доселе местности, вдали от родных мест, в которой веками жили предки и где имелаась системная защита с помощью «родных святынь». Теперь же, на новом месте безопасность возлагалась как бы «по специализации» на св. Николая, покровителя путников.

Отметим еще одно важное обстоятельство, связанное с общей этнической историей Салми, Видлицы и Крошнозера. Дело в том, что зоной формирования карелов-ливвиков являлся не только Олонецкий погост, но и Соломенский. Выше мы обратили внимание на наличие деревень Настасьинской вотчины на олонецкой р. Видлице и в верховье Эняйоки, а также на переселение сюда «мегрежан». Но эта обширная приладожская боярщина утвердилась и в соседней Корельской земле: в Соломенском погосте ей принадлежала дер. *Ряймола на реце на Яне* и некоторая доля в большом софийском селе *Яная Весь на реце на Яне* («вопче со владыкою»)⁹⁵. (Ныне – это Ряймяля на р. Эняйоки и южная окраина Салми в ее устье.) Несомненно, связи настасьинских салминцев внутри данной обширной

⁹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8551. «Список с писцовых книг Заонежских погостов митрополичьим, монастырским, поместным землям писма и меры князя Петра Воейкова да дьяка Ивана Лговского 124 и 125 году», 1615–1618 гг. Подлинник [Далее – ПК 1615–18 гг., вотчин.]. Л. 3–62 об.

⁹⁵ ПК 1500 г. С. 180, 182–183.

приладожской боярщины воплощались как в их контактах по линии запад-восток (Эняйоки–Мегрега), так и в северном направлении, через Тулмозеро, Ведлозеро и Крошнозеро с «настасьинскими мегрежанами» Сямозерья.

Но вернемся к истории собственно Крошнозерской волости. Крошнозеро пострадало в годы двух интервенций не менее сильно, чем бассейн Святозера–Святреки или соседнее Ведлозеро. Посуществу, полузаселенными стояли только районы Крошнозера и Ершнаволока (Лучково посиденье или Кижский наволок). Так же как и более восточный бассейн Святреки, Крошнозеро было открыто для заселения. И уже перепись 1582 г. отмечает две новые деревни: *Новоприбылых в Крошне-озере Васюка Люкьянова, что был починок* и *Новоприбылых в Крошне, что был починок, Васюка Кузмина* – в обоих по 2 м. дв. (дворы сожжены, жильцы убиты шведами). Следовательно, новопоселенцы-карелы прибыли сюда до 1581 г. Мы маркируем приход карельских переселенцев на Крошнозеро 1570-ми гг., началом кровавых шведских рейдов в Корельский уезд и массового бегства карелов оттуда⁹⁶. В 1610-х гг. положение улучшилось ненамного: в первой дер. *Новоприбылых в Крошно-озере Васюка Люкьянова, что был починок, у часовни* стоял 1 дв. кр. и 1 дв. боб., а дер. *Новоприбылых в Крошне, что был починок, Васюка Кузмина* стояла пустой⁹⁷. Из названия первого поселения следует, что между интервенциями «новоприбылые» карелы смогли постаить часовню. Эта дер. Василия Лукьянова с часовней и стала консолидирующим центром будущей Крошнозерской волости.

В 1630 г. данная дер. *Новоприбылых в Крошне-озере Васюка Лукьянова у часовни* была уже самой крупной и записана самой первой на Крошнозере: 4 дв. кр., 8 кр.; дер. *В Крошне-озере Лучково, и Кижской наволок тож* (Ершнаволок) имел 5 дв., и тоже 8 кр.; в дер. *Новоприбылых в Крошне Васюка Кузмина* стоял 1 дв. (2 кр.)⁹⁸. Впрочем, успехи в освоении Крошнозера в составе митрополичьей

⁹⁶ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 104, 136–137.

⁹⁷ ПК 1582 г. С. 71; ПК 1615–18 гг., вотчин. Л. 58 об.–59; История и культура Сямозерья. С. 95–96, 98.

⁹⁸ ПК 1630 г. Л. 656–657.

вотчины были незначительны, и к переписи 1646–48 гг. волость пришла с тем же составом деревень, при этом была приписана к новой, но отдаленной от Крошнозера «Туозерской» (Утозерской) волости в верховьях Олонки («реки Верхний Олонец»), имевшей Ильинскую церковь⁹⁹. Данное обстоятельство, думается, и объясняет факт нахождения уже Крошнозерской волости в Новоотписанной Верховской трети бывших владений Дома св. Софии на Олонце. Перепись 1707 г. оставила Крошнозеро в той же трети, тогда волость состояла всего из трех деревень (Спиридонов наволоок, Савин наволоок и Павой-гора, в которых стояло всего 6 дв.)¹⁰⁰.

Несомненно, в середине XVII – начале XVIII вв. наблюдалась стагнация динамики освоения берегов Крошнозера. С нашей точки зрения, причины кроются не только в непродуманной приписке волости к отдаленным и чужим им волостям верховий Олонки, но и в том, что Крошнозеро воспринималось переселенцами некоей «транзитной зоной», открывающей затем путь по рекам Миккильской и Маньге в более освоенные и богатые волости вдоль Шуи, включая, кстати, Сязозеро и Святреку. Начало с 1703 г. приписных работ на Петровских заводах также не способствовало хозяйственному росту Крошнозера.

После окончания Северной войны и приписки к заводам, в 1726 г. на волость распространили рекрутскую повинность: она состояла уже из 9 деревень (Спиридонов наволоок, Ершойла, Сосновая Ламба, Кочюра, Холмы, Мачозерская волость, Келлю-наволоок, Нини-селга, Сярги-лахта, Угмойла) и, главное, ее передали другой новоотписанной Мундинской трети¹⁰¹. Последнее решение оказалось более чем логичным: в данной трети собрались волости западного края бывшей софийской вотчины, в том числе Тулмозерская и Ведлозерская (см. *Таблицу 2*). Укрупнение Крошнозерской волости, ее заселенности,

⁹⁹ ПК 1646–48 гг. Л. 90 об.–93 об.

¹⁰⁰ ПК 1707 г. Л. 349–349 об.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 2369. 1726 г. «Книга именная в Высокий Сенат Олонцкого уезду о душах мужеска полу, которые расположены на полки». Подлинник. Л. 680 об.–688 об.

подтверждает правильность данного административного шага. Поэтому к 1748 г. и приписка не изменилась, и состав волости вновь расширился: Спиридонов наволок, Ершойла, Кочюра, Холмы, Сосновая Ламба, Пеллюв-навалок, Нини-селга, Сярги-лахта, Угмойла, Харитоновая Селга, Пихта-лахта, Парикова Селга, Кукозеро, Чикова, Герсюла, Савин-селга¹⁰².

К тому времени проблема переселения карелов из отбитого у Швеции Корельского уезда давно утратила актуальность и в дело вступили благоприятные факторы внутреннего развития без больших войн, с упорядоченным, прогнозируемым рекрутским набором и, видимо, сложившейся на основе сравнительного достатка внутренней миграции в составе трети. Отсутствие же в волости отдельного прихода даже к концу XVIII в. говорит о том, что Крошнозеро по-прежнему удерживалось в видлицко-ведлозерской орбите освоения.

Долговременные связи с Ведлозером и привели к тому, что в Крошнозерской волости сложилась группа карелов-ливвиков, чей говор наиболее близок к ведлозерскому.

Мы рассмотрели историю возникновения и начального развития приходов и волостей в местностях Святозеро–Пелдожа–Пряжа–Маньга–Крошнозеро, а отчасти, и Сямозерья (особенно дер. Киндасово), местности Каскес-наволок–Афанасьева Сельга, Ведлозерья и Тулмозера. Все вместе ныне они составили территорию Пряжинского района Республики Карелия. Выяснилось, что с точки зрения географии данные местности объединяются в два озерно-речных бассейна (системы): Святозерско-Святорецкий и Крошнозерско-Миккельский; своеобразным мостом между ними служила р. Маньга. Сообразно данной географии и шло заселение и освоение данного района южных притоков Шуи в ее среднем течении. В исследуемое время XV–XVIII вв. фиксируются три района освоения: Святозерский, Пряжинско-Пелдожский (с Маньгой) и Крошнозерский. Мы выделяем три маршрута прихода

¹⁰². РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2376. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородской губернии Олонецкого уезду ведения Олонецкой воеводской канцелярии государственным, монастырским и помещицким крестьяном», 1748 г. Подлинник. Л. 442–473.

сюда переселенцев из более южных вепских и западных карельских районов: по Важинке и водораздельному сухопутью осваивалось важинское Святозеро; бассейн олонецкой р. Мегреги стал в основном базой для заселения Святорецкой озерно-речной системы (включая Маньгу); Крошнозеро и та же Маньга с более южными деревнями ее притока осваивалась карелами со стороны Корельского уезда через Тулмозеро и Ведлозеро. Также карелы проходили и восточнее, к Святозеру, Пелдоже и Пряже. Конкретные выводы мы сделали в конце описания каждой из исследованных местностей. Но все эти «локальные истории» объединяет наиболее критичное для местного населения время Первой и Второй шведских интервенций. Именно тогда были заложены основы появления на территории Пряжинского района общностей *ливвиков* и *людиков*, складывания здесь *пограничной зоны* их межэтнического *контактирования*. На базе хозяйственно-географического районирования, путей и районов миграции, зарождения новой этнической картины и складывались здесь первые церковные приходы и отдельные небольшие волости: Никольская Святозерская, Пряжинская, Пелдожская, Киндасовская, Мангинская и Крошнозерская (с часовенным приходом). Из них святорецкие волости долго поддерживали приходские и волостные связи с мегрегскими волостями и приходами. Приходское отделение произошло к концу XVIII в., с выделением нового местного центра *Пряжа*.

Конечно же, по сравнению с оставшимся вепским юго-западным Прионежьем, ныне Пряжинский район является, безусловно, национально-карельским. Данному непреложному положению способствовала различная степень интенсивности двух процессов этнической миграции: маршрут карелов-переселенцев с запада оказался более весомым, нежели южное направление вепской миграции. Поэтому с точки зрения наших локальных исследований, Пряжинский район в целом предстает логично сформированным компактным административно-территориальным образованием из старинных вепских северных окраин Важинского и Олонецкого погостов времен Великого Новгорода, скрепленных в конце XVI–XVIII вв. преваляровавшим карельским этническим компонентом.

Приложение

Таблица 1

1496–1563 гг.	1582 г.	1610-е гг.	1646–48 гг.	1707 г. (и ныне)
Деревня На Свято-озере: церковь Никола Чюдотворец, выставка	На озере на Святе место церковное, что была церковь Николы Чюдотворца	Святозерский погост, церковь Николы Чюдотворца		Погоское поле (ныне: кар. Pogoste, с. Святозеро)
На Святе же озере (во дв. Родивонко Иванов) На Святе же озере (во дв. Якушко Нефедьев)	У погоста на озере Святе (м. дв. Родивонки Иванова, м. дв. Дея Яковлева)	На погосте в на Святе-озере		Воронова (ныне: кар. Vagoikuļā, часть с. Святозеро)
На Святе же озере в Каряндеси словоет Олешькин наволоок (во дв. Ивашко Ермолин, во дв. Сенка Яковлев, во дв. Микитка Иванов) Починок В Керендизнаволоке (во дв. Миккулко пасынок да Ивашко Малой)	Бородин наволоок на Святе (м. дв. Ивашки Ермолина, м. дв. Сенки Яковлева; «в тех же местех в Лубеникех»: м. дв. Ивашка Яковлева)	Бородин наволоок, а Бурдаево тож на Святе-озере	Пустая дер. Бородин наволоок, а Бурдаево тож у Свята-озера («после писца жильцов не бывало»)	Бородин наволоок (кар. Bardooiniemi; через залив напротив с. Святозеро, нежилое)
[см. выше: ... в Каряндеси... Микитка Иванов]	Керан-наволоок (м. дв. Тимошки Микитина)	Керен-наволоок		

<p>На Святе же озере на Круговой горе (во дв. Бориско <u>Самсонов</u>, во дв. Харитонко Иевлев, во дв. Федотко Сысоев)</p>	<p>На Святе же озере Васьяна Савостьянова на Курьевой горе (м. дв. Харитонка Иевлева)</p> <p>Остапа Савостьянова на Святе же (м. дв. Федки Сысоева)</p>	<p>На Святе же озере Вокья Савастьянова на Курьеве горе, к ней в папню приправлена дер. Остапа Савастьянова на Святе ж озере</p>	<p>Пустая дер. Что была пустошь На Святе-озере Вокья Савастьянова, на Курьеве горе тож («жилыцы померли»)</p>	<p>(Сравни: возвышенность <u>Samsuoimägi</u> у с. Святозеро)</p>
<p>Поч. На Святе-озере над Лысковскою горою к копцы <u>Самсоновской</u> – пуст</p>	<p>Пустошь <u>Самсонова</u> на Лысковой горе на Святе ж, жил Самсонко Васильев (умер в 1562/63 г.)</p>	<p>Пуст. Что была дер. Самсонова на <u>Лысковой</u> горе на Святе ж озере</p>	<p>Пустая дер. Что был починок на Святе же озере («после писца жильцов не бывало»)</p>	<p>(см. выше)</p>
<p>На Святе же озере в Петракове наволоке, ныне словет Кетроев наволоок (во дв. Иванко Ортем)</p>	<p><u>Пракой</u>-наволоок (м. дв. Иванка Ортемова)</p>	<p>Пуст. Что была дер. Прокой-наволоок</p>		<p>Проккоев наволоок (возможно, находилась рядом с дер. Бородин наволоок у залива <u>Präkinluht</u>)</p>
<p>На Свете же озере в Салме Грипкинская (во дв. Микитка Микитин, брат Онашко, во дв. Омелец Максимов) На том же озере в Наволоке (во дв. Онтонко Микитин)</p>	<p>На Салме (м. дв. Микитки Микитина, м. дв. Онанка Микитина, м. дв. Омельянка Максимова, м. дв. Юпка Онтонова)</p>	<p>Пуст. Что была деревня На Салме</p>	<p>Пустая дер. Что была пустошь На Салме («жилыцы померли»)</p>	<p>Салма (у с. Святозеро, рядом с дер. Бородин наволоок у пролива Salmi)</p>

Продолжение табл. 1

1496–1563 гг.	1582 г.	1610-е гг.	1646–48 гг.	1707 г. (и ныне)
				Чарнаволок (кар. Čarniemi, часть с. Святозеро у оз. Пелдозского и пролива из Святозера Čarniemiensalmi)
На том же озере в Салме (во дв. Якуш Ларивонов) На том же озере в Салме же Остапьевская (во дв. Данилко Ларивонов)	На Святе же Лахта Губа (м. дв. Микитки Ларивонова)	Пуст. Что была деревня на Святе ж озере Лахта Губа		Лахта (кар. Lahtenkylä, район с. Святозеро)
На том же озере словоет на наволоке (во дв. Алексийко Прокофьев)	Тарасков наволоок (м. дв. братьев Алексеевых, Ондрюшки Прокофьева)	Тарасков наволоок		Тарасов наволоок
На Святе ж озере в Кедровом наволоке (в 1496 г. – пуста, в 1563 г.: Матвейко Микулин, Микулка Федоров)	Корендин наволоок (во дв. Васюк Матвеев, во дв. Яков Матвеев, во дв. Иванко Микулин)	Коредин наволоок		Коренин наволоок (в 1726 г.: дер. Кореника, а Вашиков наволоок тож; ныне Вапаково)
На Святе ж озере в Кедровом наволоке (приписана к первой дер.)				Кара (ныне кар. Kuarankylä: Кара, часть дер. Вапаково)

Починок На Калмой-лахте (во дв. Гришка Яхнов, во дв. брат его Якуш)	Починок Колма-наволок, что жил Родивонко да Тимошко Яковлевы – пуст	Починок пустошь Колма-наволок, что жили Родивонко да Тимошко Яковлевы		
Починок На Пял-наволоке (во д. Иевко Терентьев)	Починок Палва [Павла] на Святе ж (м. дв. Савки Иевлева)	Что был починок Палва на Святе ж озере		Пал-губа (кар. Palvankylä)
Починок На Сиг-наволоке (во дв. Илейко Яковлев; во дв. Максимко Ондреев)	Починок Сигов наволок (во дв. Илейко Яковлев) Починок Сиговой наволок (во дв. Максимко Ондронов)	Что был починок Сиговой наволок да починок Другой Сиговой наволок	Пустая дер. Другой Сиговой наволок («после писца жильцов не бывало»)	Сиг-наволок (кар. Siidniemi)
Починок На Важенской дороге	Починок Важинская Пристань	Что был починок Важенская пристань		Важенская Пристань (кар. Simanisto)
Починок На Сюрине горе (во дв. Иванко Трофимов, во дв. Поташко Трофимов)	На Святе ж Корья губа (во дв. Поташка да Ивашка Трофимовы)	На Святе же Корья гора, а Сюрья тож		Сюрья (кар. Syrd'e, напротив с. Святозеро)
	Починок Захарьина Губа (м. дв. Микитки и Ефимки Захарьиных) – пуст			

Источники: ПК 1563 г. С. 89–90; ПК 1582 г. С. 105–107; ПК 1615–18 гг. Л. 906 об.–912 об.; ПК 1646–48 гг. Л. 558–558 об.; ПК 1707 г. Л. 430–438 об.

Таблица 2

Олонецкий погост по Переписной книге карелов – «зарубежных выходцев» 1667 г.

Треть	Волость	Деревни с дворами «выходцев»	Примечания
I. Новоприписная Верховская треть	На реке на Верхней [Верхний Олонец]	Гейтола; Керчелы; Чимилы (? Гимилы); Вангимал; Керолы; Тимолы; Ритчалы; Кожалы; Канелы; Вонгалы; Кичиницах, а Каменной наволоок тож; Иссониц	
	На Туксе речке	Юколы; Емчелы; Някколы; Теканчюлы; Стептулы, а Чапиткова; В концы Ладвы; Перхины; поселились ново: урочище в Засоже горе; у Вохтозера за пол-версты на селге; возле Мая озерка, а Бобровое озеро тож; урочище [на] Гольцевой горе; Микилицы; У Рочкова озера; Новая у Топозера на Верших на Верхней реке Олонце	см. также ниже
	Лялеская	Каменной наволоок; На Улялеской речке	
	Утозерская	Утозерская волость	
	Коткозерская	Лахты; Корбनावолок; Спиридонова; В Коносозере; В Саримагах	см. также ниже
	Обжанская	Федорова	см. также ниже
II. Верховская Мегрегская треть	Верховская Мегрегская треть	На Мегре реке Артулы; Нюралицы; Миккулская; Неккулы; Мартулы; На Сюрьи речке Федоров наволоок; В концы Сюрьи; На Сюрьи ж; На Мегреге реке Толвоева	
	Самакукская	Пипилилы; Черный угол; <i>Поселились вновь: урочище на Курселги от Манги на 2 версты</i>	

III. Средняя Мегрегская треть	<i>Средняя Мегрегская треть</i>	На Мегре-речке новопоселились на пустоше Емковой на Инеме; Кажен-наволоок; Другое Макуевское на реке на Мегреге; На Инеме речке; 1 кр. владеет пустошью Речковой; На Инеме-речке Теройлы; В концы Инемы-речки; Варлелицы; Стукколицы; Тергилицы; Юргелицы; <i>Новопоселились: урочище Нимселга; урочище на Лычне горе от Пряжские волости за две версты</i>	
	<i>Пряжская</i>	<i>Павлова</i>	
	<i>Пелдожская</i>	<i>Пелдожская волость</i>	
	Коткозерская	Виллалы	
IV. Мундольская треть	На Туксе-реке	Валайлы; Климшугева – папсут папшно в урочище на Тус-горе	см. также выше
	На Нижней реке [Олонке]	В Алексеницах; На Низу у Ильи пророка на погосте (папсут в урочище След пона Никона Елизарова); Пергалицы; Еройлы	
	<i>Кукшегорская</i>	Против деревни Чимилы у Петухова наволока возле Тайто-озера	см. также ниже
	<i>Кондуская</i>	Кондуская волость	
	<i>Каванская</i>	Каванская волость	
	Тулумозерская	В Палой-губе; Леписта; На погосте (1 дьячек церковный); Робогола; Березов наволоок в Кармолаге; На Мандере; Ивкилы; Игокалы; Колатсалма	
Ведлозерская	Лахта на погосте (1 кр. владеет пустошью Щучьим наволоком); Ржаной наволоок; На Усть-речки; Юргелицы; Корбнаволоок; В Панове наволоке; Салая		

Треть	Волость	Деревни с дворами «выходцев»	
	Нялмозерская	Хлев-наволоок; Пихтилахты	
	Гольсюльская	Сярг-губа	
	Обжанская	Карпича; Исаково; Иванова	см. также выше
	Саримягская	Саримягская волость	см. также ниже
V. Низовская треть	Низовская треть	Угловицы	
	В староцении Ондрюшки Годунова	Ругойлы; Михалевицы; Гомалы	
	Туловская	Еруловская против погоста; Кетчюла	
	Видлицкая	Радилова; Гаврилова; Лисицына; На погосте	см. также ниже
	Горская	Силтилы; Нижний конец; Кирилловская; Скинлахта; Верхий конец	
VI. Стародворцовая треть	Деревни на Нижней реке [Олонке]	Тахтасово; Рипупкелицы	
	На реке Верхней Седоксы	Байкова; На устье Верхней Седоксы; Чечпиева; В концы Верхние Седоксы; Ватчила; Большие Иммалицы; Меньшие Иммалицы; Заостровская; Гиттола; Капшела; На Мегреге-реке Верхнее Кавчелицы; Луйкелская; Ругольская пустошь; Нанкулицы	
	Саримягская	Новопоселились в урочище На Гаме-горе	см. также выше
VII. Низовская Путиловская треть	Низовская Путиловская треть	Татчалицы; Путилова; Гажавы; Боярщина; Нижняя Седокса; Моглоково; Котчилицы; Мойжевичи	
	В Кукше-горе	Тепойлы; Атчулы	см. также выше
	Видлицкая волость	Тилкулы	см. также выше

Сямозерская вы- ставка	Вепкалицкая	Урочище Остапковской след	С 1707 г. опи- сывалась как погост, отдель- но от Олонец- кого погоста
	Сямозеро	Вяргелахта; Угмоява; Ялгемлахта; Яссойлы; Ругилахта; новопо- селились: урочище Чалки-селги; Папнаволоок Ондрюшкинской след; Чакоселга; Кангасозеро; Кишколоы	

Источник: ПК 1667 г. Л. 45 об.–108.

ПРЯЖА, СВЯТОЗЕРО И КРОШНОЗЕРО В ЗЕРКАЛЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ¹

На примере поселений Пряжа, Святозеро и Крошнозеро авторы исследуют вопрос сохранения жителями памяти об истории своей малой родины и, в связи с этим, об их оценках ее настоящего и будущего. Сбор материала и его интерпретация проводились в соответствии с методами устной истории. Избранный для исследования метод полуструктурированного интервью широко распространен в социологии, но он подходит и для задач устной истории. В *Приложении* даны расшифровки наиболее информативных интервью.

Ключевые слова: устная история поселений, Карелия, Пряжинский район, воспоминания, полуструктурированное интервью.

Среди разнообразных исторических источников особое место занимают материалы по устной истории. Методика устной истории наиболее удобна в исследовании проблематики истории повседневности, а также личностных аспектов в изучении событий недавнего прошлого, отношения людей к настоящему и прогнозированию будущего. Субъективные знания интересны и тем, что позволяют судить о наиболее актуальных для людей сюжетах.

Статус научной дисциплины устная история приобрела лишь в середине XX в. Это произошло во многом благодаря деятельности профессора Колумбийского университета Аллана Невинса, который понимал под устной историей сбор и использование воспоминаний участников исторических событий. Однако термин вскоре распространился на различные виды устных свидетельств о прошлом и

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01212 «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии».

исследования, написанные на их основе². Значительный вклад в становление устной истории как научной дисциплины внесли историки П. Томпсон (Великобритания) и М. Фриш (США), литератор и историк А. Портелли (Италия), антрополог Я. Вансина (Бельгия) и др.

В нашей стране устойчивый интерес к устной истории проявился в конце 1980-х – начале 1990-х гг.³ Вместе с тем подходы, разрабатываемые данной научной дисциплиной, использовались сотрудниками ИСТПАРТа еще в 1920–1930-е гг.: тогда в основном записывались воспоминания участников трех российских революций, а также Первой мировой и Гражданской войн. Сбор воспоминаний был частью массового историко-культурного движения в нашей стране, получившего широкое распространение в 1920-е гг. Многие тысячи этих записей сохранили отечественные архивы, в том числе десятки их хранятся в Научном архиве КарНЦ РАН. В секторе истории ИЯЛИ КарНЦ РАН с записями устных свидетельств давно и успешно работает Е. Ю. Дубровская⁴.

Одним из направлений в рамках данной дисциплины является устная история поселений, которая получила наибольшее распространение в США, Великобритании и Северной Ирландии, Австралии⁵. Среди отечественных исследователей, внесших вклад

² Теория и методология истории [Электронный ресурс]. Волгоград, 2014. URL: <http://www.socionauki.ru/book/files/tmh/335-355.pdf> (дата обращения: 05.02.2015)

³ Среди отечественных специалистов следует отметить В. М. Виноградова, Т. М. Горяеву, В. Д. Дувакина, М. В. Лоскутова, М. Я. Рожанского, А. В. Рябова, Д. П. Урсу и др.

⁴ См., напр.: Дубровская Е. Ю. 1) Память о Первой мировой войне в фольклорных записях 1930-х годов, сделанных в Карелии // Россия в войнах: к 100-летию Первой мировой и 75-летию Второй мировой войн. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Стерлитамак: изд-во Башкирского гос. ун-та, 2014. С. 58–62; 2) «Во солдатунки военные, во матросунки победные...» (Первая мировая война в фольклорных источниках из Научного архива Карельского НЦ РАН) // Живая Старина. 2014. № 4. С. 17–21 и др.

⁵ В качестве примера можно привести сборник «Living Atlanta: An Oral History of the City, 1914–1948», объединивший около 200 интервью, посвященных различным аспектам повседневной жизни горожан Атланты в

в становление устной истории поселений, необходимо упомянуть А. Ю. Чистякова. Его исследовательский интерес связан с устной историей Санкт-Петербурга и Ленинградской области⁶. В Карелии по данной тематике вышла статья А. А. Савицкого, она посвящена устной истории с. Шелтозеро⁷.

Сбор сведений по методу полуструктурированного интервью осуществлялся в поселке Пряжа – районном центре, а также крупных старинных селах Святозеро и Крошнозеро. Уникальная этническая история и культура, связанная с пограничным положением исследуемого региона, являются своего рода его визитной карточкой. Нас же, прежде всего, интересовал вопрос о сохранении сельскими жителями памяти об истории своей малой родины, знании событий отдаленного и недавнего прошлого, персоналий, рожденных в этих краях или внесших вклад в его развитие.

За период экспедиции (08.09.2014–12.09.2014) нами опрошено методом полуструктурированного интервью 16 уроженцев Пряжинского района разного возраста (1938–1990 г.р.), из них пятеро проживали в Пряже, четверо в Крошнозере и трое в Святозере. Почти все они временно переезжали в Петрозаводск для обучения в вузах или учреждениях среднего профессионального образования. Четыре информанта родились в Пряжинском районе, но постоянно проживают в Петрозаводске. Часть опрошенных работает в образовательных и дошкольных заведениях, учреждениях культуры.

период между I и II мировых войн (См.: *Living Atlanta: An Oral History of the City, 1914–1948* / С. М. Kuhn, Н. Е. Joye, Е. В. West. University of Georgia Press, 2005. 432 с.).

⁶ Чистяков А. Ю. 1) Устная история г. Новая Ладога и его окрестностей // Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Петрозаводск, 2008. Вып. 4. С. 52–56; 2) Современные проблемы этнографического изучения Северо-Запада России // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации: Материалы научно-методической конференции (21–23 ноября 2007 г.). Петрозаводск, 2007. Ч. 2. С. 176–178.

⁷ Савицкий А. А. Устная история села Шелтозеро [Электронный ресурс] // Кижский вестник. № 12. Петрозаводск, 2009. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-12/1073.html> (дата обращения: 15.02.2015)

Большинство респондентов участвуют в общественно-политической и культурной жизни родных мест.

Разговор о прошлом мы чаще всего начинали с просьбы рассказать о «возрасте» населенного пункта, кем и когда он был основан, деятельность каких исторических личностей была с ним связана, а далее просили охарактеризовать текущую социально-экономическую обстановку.

Пряжа – старинное карельское село, расположенное на берегу оз. Пряжинского в 44 км к юго-западу от Петрозаводска. В письменных источниках дер. На Пряже-озере Олонецкого погоста (района) впервые зафиксирована в переписи Писцовой книги 1582–1583 гг.⁸ Этимология топонима до сих пор не ясна. Наиболее правдоподобной выглядит версия, в соответствии с которой свое название Пряжа получила по фамилии одного из ее первых жителей – Васко Иванова Прягаева⁹. Жители поселка в своих рассказах чаще всего упоминают другую версию, в соответствии с которой Пряжа получила свое название благодаря Петру: «Я помню почему Пряжа называется Пряжей. Потому что там Петр Первый когда-то (*улыбается*). Ну, он везде же ездил, как Вы понимаете, и всему давал свои наименования. Значит, что Пряжа очень длинный поселок, как пряжа, как нитки пряжи» (респондентка 1982 г.р., г. Петрозаводск). Участники опроса, впрочем, единодушно отмечают *легендарный* характер данной версии и все же неизменно ее упоминают. Сомнения жителей в правдивости своей версии более чем оправданы, ведь царь Петр I Алексеевич занял российский престол лишь в 1689 г., а его поездки в Карелию на Петровские заводы (ныне – Петрозаводск) состоялись еще позднее. В то же время, маршрут поездок царя пролегал по пряжинским и святозерским местам. Совершенно очевид-

⁸ Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500– ja 1600–luvulta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1993. III. С. 48.

⁹ См. подр.: *Керт Г. М., Мамонтова Н. Н.* Загадки Карельской топонимии. Петрозаводск, 1982. С. 75.

но, что для них представления о связи истории малой родины с фигурой первого российского императора представляют определенную культурно-историческую ценность, даже без твердого основания в прошедшей действительности. Поэтому данное высказывание представляется сложным комплексом из народного истолкования (этимологии) названия *Пряжа* и исторического факта посещения этих мест, хотя бы проездом, реальным историческим персонажем, царем Петром. Кстати, почти по всему Европейскому Северу России в преданиях устной истории царь Петр I выступает в роли некоего «демиурга» или «культурного героя» – начинателя всякого крупного дела¹⁰. Следовательно, приведенное мнение является *типичным* для жителей Севера; ниже его подтверждает и пример из Святозера.

Правление Петра I трудно назвать благодатным периодом для российских крестьян, в частности, жителей Пряжинской волости. Ряд дополнительных повинностей, особенно крепостническая приписка к заводским работам, за счет которых обеспечивались нужды технической модернизации государства и расходы военного времени, легли на плечи сельских жителей. Смена чисто деревенского уклада жизни на деревенско-заводской явилась сильным потрясением для жителей волости¹¹. Кроме того, Петр I – единственный правитель российского государства, с кем местное население могло общаться лично. Общение с Петром, участие в его проектах и замыслах равнозначно включению этих мест в «боль-

¹⁰ См. об этом: *Живов В. М.*: 1) Государственный миф в эпоху просвещения // Из истории русской культуры. Т. IV. М., 1996. С. 657–681; 2) Культурные реформы в системе преобразования Петра I // Там же. Т. III. М., 1996. С. 528–583; *Жуков К. С.* Петр Великий – культурный герой Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 2. С. 136–145; *Теребихин Н. М.* Петр I – культурный герой и ономаст Русского Севера // Живое слово Русского Севера: Сб. ст. Архангельск, 1998. С. 20–31; *Тувльчинский Г. Л.* Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития // Семиотика культуры: антропологический поворот. СПб., 2011. С. 119–122.

¹¹ *Балагуров Я. А.* Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962. С. 121.

шую» историю государства, поэтому данные события не могут не представлять особой культурно-исторической ценности даже для современных жителей, по прошествии трех веков.

Между тем, конкретных исторических сюжетов, связанных с деятельностью царя и его сподвижников в Карелии, в исторической памяти нынешних жителей Пряжи нами не выявлено. В рассказах информантов отсутствуют описания поиска мест для пушечных заводов, основания новых производств, привлечения местных жителей к тяжелым работам в ущерб нуждам сельскохозяйственного производства и рыбного промысла. Однако фигура императора присутствует в топонимических преданиях о Пряже, которые содержат набор мифологических и фольклорных мотивов. Кроме того, значительное влияние на историческую память жителей Пряжи оказывают современные средства массовой информации, склонные приписывать многие значительные события личности Петра I. Она является одной из наиболее известных карельским краеведам и журналистам исторических фигур.

Святозеро и Крошнозеро – села далеко не новые. Деревни на Крошне-озере Олонецкого погоста и на Свято-озере Важинского погоста впервые упоминаются в Писцовой книге 1563 г.¹² Вопрос о происхождении этих названий вызывает не меньше дискуссий, чем в случае с Пряжей, при этом бытуют взгляды о причастности к истории сел первого российского императора. Так, распространено мнение, что именно Петр I назвал оз. Святым, а дер. Святозером. Беседы с жителями показали их знакомство с этой «святой» версией: «1582–1583 год воспоминания идут. А так уже разные идут. Что Петр I проезжал по нашим местам. Попросил воды, ему дали. Зачерпнули воды, он ковшик взял и не видит, такая чистая вода была... Потом говорят, что на одном из островов он рубил и попала щепка, поранил руку, опустил руку в озеро – вылечил.

¹² Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. С. 66, 74, 89. Об этимологии названий Святозеро и Крошнозеро см. статью *Е. Захаровой* и *Д. Кузьмина* настоящего издания.

В общем, разные сказания есть» (респондентка 55–60 лет¹³, с. Святозеро; интервью 7 *Приложения*). Примечательно, что в отличие от Пряжи, на Святозере всплывают обрывки преданий о конкретных случаях во время пребывания царя в селе. Таким образом, здесь миф о Петре-демиурге снабжен «доказательствами из жизни» – о былом присутствии царя в Святозере.

В Святозере и Крошнозере временные рамки основания сел, названные респондентами, приближены к принятым в исторической науке¹⁴. Это, на наш взгляд, объясняется в первую очередь тем, что среди наших собеседников в Крошнозере были знатоки истории края, а в Святозере работники сферы образования и общественные деятели. Те же из респондентов, чья профессиональная деятельность или научный интерес не связаны с историей и культурой родного поселка или села, чаще всего признавались в незнании ими подобных исторических фактов.

Послепетровский период в рассказах наших респондентов совершенно не упоминается. Очевидно, новая приписка, уже к Александровскому заводу при Екатерине II не являлась для жителей Онежско-Ладожского Межозерья чем-то принципиально новым: крестьянско-заводской уклад жизни приписных крестьян в целом воспроизводил прежние порядки времен Петра I.

Вопросы о традиционном укладе жизни в поселке (села), занятиях его жителей увязывались респондентами с советской эпохой. Наиболее близкая к настоящему времени действительность XX в. предстает в виде описания конкретных сюжетов, при этом меняется тон наших собеседников, они становятся *более серьезны и сдержанны*.

¹³ Год рождения не был назван. Здесь и далее: возраст указан со слов интервьюера.

¹⁴ Совпадение «по веку» создания источников, хотя на самом деле Святозеро и Крошнозеро упоминаются в тех частях переписи, где речь идет о селениях, существовавших еще в предыдущую перепись 1496 г. Таким образом, строго научно мы должны отнести возникновение поселений на Святозере и Крошнозере, по крайней мере, к XV в. (см. статью А. Жукова в настоящем издании).

В целом, сама эпоха трактуется как тревожное время. Для этого есть основания в истории самого района. В 1937–1938 гг. аресту подверглась часть работников Пряжинского лесопромышленного хозяйства, в том числе директор В. С. Бауэр. Оперативные и следственные мероприятия проводились сотрудниками НКВД в рамках дела о «контрреволюционной деятельности» бывших членов ВКП(б) в области лесной промышленности¹⁵. В те же годы расследовалось дело шпионско-диверсионной организации на Сямозерской тракторной базе Пряжинского района. Среди причин возбуждения дел фигурировало распространение идей о силе финляндской армии, слабой подготовке и недостаточной оснащенности советских вооруженных сил¹⁶.

Репрессии коснулись семей некоторых информантов. Одна из них делилась воспоминаниями: «Мама работала у меня в связи, и отец у меня был сначала в связи, он был начальником почты. Потом уже, когда войну прошел, как сказать, период (*вздыхает*) года примерно... в 43 году Николай, тогда получается после Николая у нас дед попал под репрессии. Так... раз... после войны, после войны... попали под сталинские репрессии и Николай, то есть сын. Сын и отец, мой дед» (респондентка 50–55 лет, г. Петрозаводск; интервью 5 *Приложения*).

Одно из центральных мест в истории нашей страны занимает Великая Отечественная война. Память о ней, наличие достоверных знаний о событиях тех лет и интерес к ним во многом характеризуют как менталитет отдельно взятого человека, так и состояние исторической памяти общества в целом.

Пряжинский район в 1941 г. после тяжелых боев подвергся оккупации финляндскими войсками. Пряжа была переименована в Теру, и около трех лет она носила это название. Население Пряжинского района по-разному переживало тяготы военного времени. Часть жителей была эвакуирована, многие в Архангельскую область. Сторожилы поселка, детьми побывавшие в эвакуации, делились отрывочными воспоминаниями: «Дак с Петрозаводска на баржах

¹⁵ Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941: Сборник документов и материалов / Сост.: В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск, 2005. С. 303–304.

¹⁶ Советская лесная экономика... С. 303–304.

потом уехали. Мать говорила... В Архангельской области были. <...> Только помню, что мать поваром там работала. В военной столовой. Ну, она военнообязанна, как считали. Она там работала. А мамина сестра, это тетя, работала на лесопилке. Вот опилки принесет, блины делаем... Нечего было кушать. У всех же горе было. <...> Ну, а я-то маленькая была, три года было, дак» (респондентка 1938 г.р., пос. Пряжа; интервью 1 *Приложения*).

Часть населения оставалась на оккупированной территории. Долгое время советские граждане, проживавшие в годы войны на оккупированной территории, старались не обсуждать данные страницы своей биографии. Исходя из полученных нами сведений, это верно для тех случаев, когда кто-либо из членов семьи занимал административную должность. Тогда на данную тему мог быть наложен запрет: «Это вообще. Мои родственники они постоянно: молчать! Не разговаривать, не говорить лишнего ничего. Это было уже заведено... У меня отец все-таки начальник почты был» (респондентка 50–55 лет, г. Петрозаводск; интервью 5 *Приложения*). В целом, ограничения на обсуждение периода оккупации не существовало, но вспоминали о нем неохотно: «Так у нас, кто? Дедушка, да бабушка. А чего, это вот... запрет делать? Если вся деревня знала, что мы... вся деревня была в оккупации!» (респондентка 1940 г.р., с. Святозеро).

Информантами отмечалось терпимое отношение финнов к карельскому населению: «А как финны относились к местному населению, которое не в лагере было?» «Нет, к карелам относились нормально». «Лояльно?» «Да, нормально относились к карелам. Но... (улыбнулся) среди карелов тоже было всякого» (респондент 1954 г.р., с. Крошнозеро; интервью 9 *Приложения*). В одном из рассказов подчеркивалось негативное отношение к населению, остававшемуся на оккупированной территории со стороны местных жителей: «Зато кто был в эвакуации, все время меня дразнил, вы – оккупанты, вы под финнами жили. Так а что? Если полгода было мне, да брату два с половиною, дак... Все равно, видишь, “оккупанты”» (респондентка 1940 г.р., с. Святозеро).

Знания о военном периоде у респондентов, рожденных в конце 1970-х – начале 1980 гг., оказались менее полными, подчас данная

тема была для них не знакома или малоинтересна: «Бои-то были, по-моему, в районе Пряжи. До Петрозаводска практически финны дошли. А таких определенных мест не знаю... Вот сейчас говорите, мне что-то стыдно становится, что я не знаю. Такие вещи. Надо все же найти время и почитать» (респондент 1978 г.р., г. Петрозаводск; интервью 6 *Приложения*); «Я честно просто говорю, что мне это неинтересно. И у нас никогда в семье такого не было, ой, бабушка, расскажи, как вы в войну там... О, мы там, внученька...» (респондентка 1982 г.р., г. Петрозаводск; интервью 8 *Приложения*).

Отметим, что учителя и некоторые деятели культуры в силу профессиональной специфики обсуждают данную тему более открыто. Часть респондентов разного возраста признались, что не слышали об оккупации поселка или путались при ответе на вопрос о том, под властью германских или финляндских войск находилась территория Пряжинского района. Вместе с тем такие случаи следует признать исключительными.

Упоминания заслуживает сюжет, связанный с сохранением памяти о М. В. Мелентьевой. Увековечивание памяти героев военного времени являлось стандартной и эффективной коммеморативной практикой в советский период истории. Мария Владимировна Мелентьева, уроженка Пряжи, 25 сентября 1943 г. за проявленное мужество была посмертно удостоена звания Героя Советского Союза, награждена орденом Ленина, орденом Красной звезды. Ее именем названы Пряжинская средняя школа, улицы в Пряже и Петрозаводске, буксирный пароход¹⁷. Дом, в котором она проживала, сохранен в качестве музея. Подвиг М. В. Мелентьевой в советское время широко обсуждался на школьных уроках. Нашел он отражение и в литературе. Не случайно поэтому М. В. Мелентьева упоминается почти всеми опрошенными жителями Пряжи, в ответ на просьбу назвать известных и выдающихся людей, живших в селе. В редких случаях информанты оказались не в состоянии рассказать хоть что-нибудь о ней и ее вкладе в победу.

В качестве положительных моментов советской эпохи респонденты называли наличие местных производств, обеспечивавших население рабочими местами. Особого упоминания в этом ключе,

¹⁷ Имена героев на карте Петрозаводска. СПб., 2013. С. 22.

как правило, заслуживает активная деятельность звероводческого совхоза «Святозерский», промышленного комбината, занимавшегося изготовлением лодок-пряжинок. Данные воспоминания часто переплетаются с оценкой текущей социально-экономической ситуации. При этом зачастую советскому времени отдается явное предпочтение.

Одна из тем интервью была связана с обсуждением культурной и религиозной жизни в поселке в советское время. По данным наших собеседников, последняя никогда полностью не останавливалась, отсутствовали и преследования верующих. Люди старшего возраста, особенно женщины, являлись более активными в соблюдении религиозных обрядов. Жители Пряжи, Святозера и Крошнозера вспомнили следующие религиозные праздники: Рождество (7 января¹⁸); Сретение Господне (15 февраля); Масленицу; Вход Господень в Иерусалим или Вербное воскресенье; Воскресение Христово или Пасха; День Святой Троицы; Покров Пресвятой Богородицы (14 октября), престольные праздники: «А народ посещал церковь, открыто это делали? Или это не поощрялось?» «Так пожилые которые ходили, так и ходили. Старушки вот говорят, а что, говорят, нам сделают?» (респондентка 1940 г.р., с. Святозеро); «Terunkylä, Suavankylä, Keskikylä. Это по-карельски. А как Suavankylä это как будет, не знаю даже сказать. <...> А середина Пряжи – это Oinaspyhäpäivä, это значитя Oinas – это Андрей¹⁹. Андреев день. Так надо сказать вот. Вот делилось раньше так. Праздники справляли в середине, в одном конце и в другом конце²⁰. Разные дни были» (респондентка 1938 г.р., пос. Пряжа); «Ходили в церковь. До сих пор ходят. А чего? Ну, может быть, когда-то там, еще меня не было в живых, в эти года, когда там начались церковь ликвидировать – тогда, конечно. А потом же уже в наше время, после войны, там все же это начало налаживаться» (респондент 1954 г.р., с. Крошнозеро; интервью 9 *Приложения*).

¹⁸ Все даты приведены по григорианскому календарю; даты переходящих церковных праздников не указаны.

¹⁹ Oinas (кар.) – баран. Oinaspyhäpäivä – Баранье воскресенье.

²⁰ Имеются в виду разные части пос. Пряжа.

В семьях, принадлежащих к партийной номенклатуре, возникали конфликты на религиозной почве, особенно между поколениями: «А в нашей семье этого не было, потому что папа партийный был, чтобы ни иконы, ничего не было. Мы не знаем. Папа, может быть, и крещеный был, бабушка ничего не говорила» (респондентка 55–60 лет, с. Святозеро; интервью 7 *Приложения*).

Светские праздники: День защитника Отечества (23 февраля), Международный женский день (8 марта), Праздник весны и труда (1 мая), День победы (9 мая) отмечаются в семьях практически всех информантов.

Однородным в рассказах информантов предстает послевоенный период советской истории. Никто из наших собеседников не останавливался на периоде руководства страной Н. С. Хрущевым, Л. И. Брежневым, и даже эпоха реформ 1985–1991 гг. не занимает в воспоминаниях значительного места.

Схожим образом обстоит дело и с повествованиями, посвященными постсоветскому времени. 1990-е гг. стали периодом ухудшения социально-экономической ситуации в Пряжинском районе. Кризисные явления в экономике района нашли свое отражение в закрытии предприятий. Результатом этого стало сокращение рабочих мест и ухудшение благосостояния населения. В этот период переезд в Петрозаводск в поисках работы становится для жителей Пряжинского района частью новой реальности.

Остановимся на причинах, побудивших информантов переехать на постоянное жительство в Петрозаводск. Эти мотивы демонстрируют типичную для постсоветского пространства модель миграционного поведения. Кроме того, новоявленные горожане имеют особый взгляд на жизнь родного поселка или села.

Как показывают многочисленные исследования, проводимые в России, основной причиной миграции по-прежнему остается поиск наиболее выгодных экономических условий, таких как занятость на рынке труда, более высокая заработная плата, возможность получить новую профессию, повысить квалификацию. В основном, центрами притяжения мигрантов выступают большие и крупные города. В эти города мигрирует население малых и средних городов, а также из

сельской местности²¹. В Карелии таким центром притяжения является Петрозаводск.

Территориальная близость города, наличие в нем заведений среднего и высшего профессионального образования, более широкие, по сравнению с поселком, возможности для профессиональной реализации являлись определяющими причинами для переезда некоторых респондентов в Петрозаводск. Кроме того, они подчеркивали более высокий уровень жизни в столице: «Да, большинство в Петрозаводск, в Санкт-Петербург уезжают... Какие, может, бездари остались (*улыбнулася*). Ну не бездари... Те, может, кто хочет больше себя реализовать, Пряжа, она не дает тех, того... Потенциала там нет, нет там такой работы, нет там таких, допустим, институтов каких-то, организаций. Наверное, так. Хотя предполагаю, что там должны быть какие-то предприятия, на которых можно и работать, и зарабатывать, и себя реализовывать» (респондент 1978 г.р., проживает в Петрозаводске; интервью 6 *Приложения*); «Ну, насколько вот я понимаю, то что может дать городская жизнь человеку, это какое-то благоустройство там в квартире, это всё и в поселках есть теперь, в деревнях. Что касается зарабатывания денег... Например, я, закончив университет, с трудом представляла, что я могла бы делать в... Святозере (респондентка 1982 г.р., проживает в Петрозаводске с 2000 г.; интервью 8 *Приложения*).

Можно констатировать убежденность большинства респондентов, переехавших в город, в отсутствии рабочих мест в родных селах, возможностей для культурного отдыха, низком качестве жизни населения: «Я думаю, что там (в Пряже – Ю. Л.) делать нечего. Там скучно (*улыбнулася*), даже я не езжу. С теми людьми, с которыми в детстве я дружила, начинает уже молодежь... Дискотек у нас нету, а есть местный бар. Два даже теперь. Что делать? Только пить» (респондентка 1990 г.р., проживает в Петрозаводске). Один

²¹ Глазкова Л. А., Реш О. В. Социологический анализ миграционных процессов большого города [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-analiz-migratsionnyh-protsessov-bolshogo-goroda> (дата обращения: 03.02.2015)

из наших собеседников, проживающий в городе несколько лет, объяснял свое желание переехать в Петрозаводск более высоким уровнем и качеством жизни в городе: «В Пряже потому что как-то культурная жизнь мне не нравилась, хотя не многим она отличалась от Петрозаводска (*улыбнулся*), но в Петрозаводск как-то больше тянуло» (респондент 1978 г.р., проживает в Петрозаводске; интервью 7 *Приложения*).

Не все информанты проявили себя сторонниками городской жизни с присущим для нее ритмом социальных процессов. Старожилка пос. Пряжа подчеркнула различия в ритме жизни города и деревни: «Городские более как-то... дерзкие (*смеется*). Или как правильно сказать?.. Ну, город есть город. Везде надо успеть, везде надо торопиться. Бегут, бегут, бегут. Не знаю, куда торопятся. А мы тут размеренной жизнью такой живем. А теперь так вообще, на старости уже» (респондентка 1938 г.р., пос. Пряжа; интервью 1 *Приложения*).

Среди тех, кто предпочел городу жизнь в поселке или селе, оказалось немало молодежи. Они рассказывали: «Так я и работала в Петрозаводске. И жила в Петрозаводске. А толку-то? Городская жизнь как-то не по мне. Я почти всю жизнь жила в деревне... Городская жизнь, я шесть лет в городе прожила, и поняла, что это невозможно больше такое (*улыбнулась*)» (респондентка около 30 лет, пос. Пряжа; интервью 4 *Приложения*); «Я жила в городе. Но это буквально, наверное, было год, полгода. И как-то все равно тянет обратно (*улыбнулась*) <...> Города, где вот ритм жизни, там бешеный ритм жизни. Там нужно везде успевать, везде где-то себя проталкивать постоянно как-то вот. А тут как-то поспокойнее» (респондентка 25–30 лет, пос. Пряжа). Среди преимуществ сельской жизни указывались близость к природе, возможность возделывания земли и занятия рыбным промыслом; подчеркивалось и положительное влияние самой окружающей обстановки, неспешного течения деревенской жизни. В большей степени это свойственно нашим собеседникам из сел Святозеро и Крошнозеро. «Здесь красиво! И здесь воздух чище, как говорится. И вообще... и народ такой более-менее нормальный народ такой. Это в другое место уехать, там, черт его знает, его, народа, не знаешь. А здесь я всех

знаю: меня знают все, и я всех знаю» (респондент 1954 г.р., с. Крошнозеро; интервью 9 *Приложения*).

За словами о близости информантам более размеренного ритма и образа жизни могли стоять иные мотивы, послужившие причиной возвращения в родной поселок или село. Для молодежи они были связаны со сложностью трудоустройства в городе и, как следствие, материальными трудностями: «Своего жилья нет, и работу нормальную сложно найти, и не хватает постоянно. Ну, проблемы были в общем, безденежье одно. И как бы думаю вот, чем платить там дяде-тете каким-то за съём, поеду-ка я в свой дом бесплатно жить. А уж какая-нибудь работа-то найдется» (респондентка около 30 лет, пос. Пряжа; интервью 4 *Приложения*).

Можно предположить, что в большинстве случаев ключевое значение при выборе места жительства имели не только стечение обстоятельств и материальные трудности, но и склад характера самого человека, его жизненные устремления, определяющие во многом его способность обосноваться в городе или сохранить приверженность именно к сельскому укладу.

Итак, материалы исследования дают представление об *иерархии комплекса знаний* местным населением о наиболее актуальных сюжетах исторического прошлого родного края. Но в целом эти сюжеты выборочны и фрагментарны. Наряду с достоверной информацией интервью изобилуют утвердившимися в массовом сознании образами и «штампами». Исследованные устные свидетельства говорят о том, что наиболее актуальными для жителей до сих пор являются судьбоносные, одновременно – трагичные этапы в жизни страны: петровское время, период репрессий 30-х гг. XX в., Великой Отечественной войны. Сюжеты эти приобрели черты культурно-исторической самооценности, причем для рассказов о «раннем времени» – почти вне связи с прошедшей действительностью.

Повествование о дореволюционном времени представляется однородным по восприятию респондентов периодом, почти всегда приобретаая ясно осознаваемые ими мифологические черты. По факту – это народная этимология названий своих селений и обрывки

ранее бытовавших в полной форме преданий об основании деревень и деятельности главного «культурного героя» царя Петра I. Они типологически едины для жителей всего Европейского Севера. В них первый российский император предстает реформатором, творцом Новой эпохи, основателем городов и поселков. В этом смысле петровская эпоха является фундаментальной парадигмой русской исторической мифологии.

Лучше дело обстоит с информированностью о реалиях XX в. Оперирование конкретными историческими фактами данного периода связано с тем, что трагичные события 1930-х гг., период Великой Отечественной войны являются частью семейной биографии респондентов, а не только потому, что данные страницы истории относятся к недавнему прошлому.

В целом, избранные респондентами сюжеты по устной истории края свидетельствуют о феномене избирательности исторической памяти, что требует дальнейшего, более глубокого исследования, прежде всего за счет расширения эмпирической базы.

Приложение

Расшифровки интервью с жителями Пряжи, Святозера и Крошнозера по устной истории поселения

I. Респондентка 1938 г.р.,
уроженка пос. Пряжа,
пос. Пряжа. ФА 3762²².

– А известно ли Вам что-то о жизни своей семьи в годы Великой Отечественной войны?

В Пряже оккупированной дак мы не были. Мы были в эвакуации.
– А кто оккупировал: финны, немцы?

²² Здесь и далее – место проведения интервью; номер записи, хранящейся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Вот уж этого не знаю, кто... Не знаю. Велели уехать. Дак с Петрозаводска на баржах потом уехали. Мать говорила.

– *А куда уехали?*

В Архангельской области были.

– *А Вы помните немножко этот период жизни?*

Нет. Только помню, что мать поваром там работала. В военной столовой. Ну, она военнообязанна, как считали. Она там работала. А мамина сестра, это тетя, работала на лесопилке. Вот опилки принесет, блины делаем. <...> Нечего было кушать. У всех же горе было. <...> Ну, а я-то маленькая была, три года было, дак. <...>

– *А Вы в каком году вернулись в Пряжу, в 44-м, получается?*

А не знаю, в каком вернулась. <...> Не знаю. Я еще там в Медвежьегорске была в санатории, рахитом заболела. После санатория потом мы домой поехали. И через Эссойлу приехали на поезде или как там, я не знаю даже. А нужно ехать, в этот... с Эссойлы в Киндасово приехали. А потом через Нисельгу сюда. Я еще всё говорила, где ваша Карелия? <...>

– *А у Вас был в жизни, может быть, такой момент, что Вас приглашали по работе или возможность была переехать в город или другой населенный пункт?*

Нет, я не хотела никуда. <...> На технолога предлагали учиться, когда в пекарне работала. И то, как-то по работе не могла уехать, и так и осталась. Конечно, училась бы дальше... так, может, работала бы где-нибудь не тут. <...>

– *А в Петрозаводск ездите?*

Так в Петрозаводск ездим. Конечно, рядом тут, дак.

– *А там как себя чувствуете? Безопасно или, может быть,...*

Нет! Там боюсь. Там, если я приеду, дак. Куда надо иду, да и всё, до свидания. Обратнo, домой (*смеется*). Обратнo домой. <...>

– *Люди отличаются в городе и Пряже, на Ваши взгляд?*

Так а! Конечно, отличаются. (*Задумалась*) Более как-то... Городские более как-то... дерзкие (*смеется*) Или как правильно сказать? <...> Ну, город есть город. Везде надо успеть, везде надо торопиться. Бегут, бегут, бегут. Не знаю, куда торопятся? А мы тут размеренной жизнью такой живем. А теперь так вообще, на старости уже.

П. Респондентка 1939 г.р.,
уроженка дер. Маньга, пос. Пряжа.
ФА 3764.

– *А вот такой вопрос. В Пряже Вы с какого времени живете?*

Ну живу давно. Я уже здесь живу... с какого года... с 58 года. Так можно сказать. Я здесь училась, в интернате тут жила. Потом я здесь на работу устроилась. На работу, да замуж вышла в Пряже. Так я в деревне жила <...>

– *А что здесь за интернат был?*

Школа-интернат. В школе учились, а жили здесь в интернате. <...> Детей я не знаю сколько там было. Школ-то не было в деревнях, только было первых четыре класса, и то в одной хатке четыре класса в одном помещении было – первый, второй, третий, четвертый. У одного пение, у второго – рисование, у третьего – чистописание и... Пение и всё один учитель. А потом пятый класс – уже сюда²³ переводили.

– *Преподавание на каком, на русском языке велось?*

Ну, первые четыре класса на финском языке.

– *А у Вас были какие-то трудности с переходом на русский язык, например?*

Ну, особых трудностей не было. Молодые были, так быстро запоминали. Да и в смешанных деревнях там тоже встречались русские еще так.

– *То есть Вы русским языком уже владели на тот момент?*

Ну да, да, понимали. Потому что мы во время войны на Урале были в Молотовской области²⁴, там же тоже русские были. Мы эвакуированные были. Я-то в 39 году родилась, а война-то финская уже началась в 40 что ли году. Так всю войну там были. А потом война закончилась, приехали сюда обратно в свои дома. Поэтому там уже русские были, так мы немножко, наверное, впетрили, хоть маленькие были. Что-то схватывали.

– *А кем была Пряжа оккупирована – финнами, немцами?*

²³ В пос. Пряжа.

²⁴ Пермская область, 1940–1957 гг. Молотовская область.

Ну 39 год²⁵, наверное, финны <...>

– *Вы вернулись после войны в свой дом? Он не был сожжен или разрушен оккупантами там?*

Он был разрушен. Снаряд попал в угол дома и этот... развалюха там была. Жить было негде, мы в этой развалюхе жили. Угол был развален. Холод. Ремонтировать нечего, отца-то уже нету, мужчин там мало. Кое-как что-то там. Финны приехали откуда-то немно... Или приехали, или оставшись были (*задумалась*). Несколько финнов-мужиков. Так они мне помогали немножко латать этот дом, так в этом доме и жили.

– *А что за мужики-финны, которые переехали? Военнопленные что ли?*

Нет, они с Ленинградской области. Ингерманландцы.

– *Так они как политические ссыльные были?*

А не знаю, не могу сказать. Они тут жили-работали вместе со всеми. Несколько семей тут было.

– *Можно сказать, что рыба была подспорьем в послевоенный период и позднее?*

Ну конечно, на чем еще жить? Рыба да картошка. <...>

– *А что еще сажали, наряду с картошкой?*

Овощи: морковь, репу, турнепс. Эту... что сами не ели, так скота держали. Корову, у каждого старались корову иметь. Дети на этом и жили.

– *А у Вас была корова?*

Была корова.

– *Одна?*

Одна корова. Дай Бог одну... маленькие дети были, так делали сено корове, так сложно было (*пауза*) женщинам стоговать, да косить, дак всё. Одними силами. <...> В хозяйстве всегда в этих домах были. Что-нибудь было. У нас, например, как я сюда пришла, замуж вышла, так у них всегда были свинья. Помню, и коза была. <...>

– *А в настоящий момент традиция держать животных уже утрачивается, я вижу.*

²⁵ Пряжа была оккупирована в 1941–1944 гг.

Ну, сейчас нигде ничего не посётся, люди разленились, ничего не надо, деньги получают более или менее хорошие и за счет этого живут, покупают в магазинах. Раньше денег не было, и люди мучились от недостатков всяких и старались сами для себя наживать что-то. И сено, и садить, и всё-всё-всё. И скотинку, если заимеют, тоже, и скотинку как-то содержат. А теперь ничего не надо. <...> Всё заросло травой, бурьяном трава. Всё заброшено. Как в совхозе, так и частных нет никого. Вот такие еще содержат, восьмидесятилетние старухи, втянувшись с детства. Так вот и ходим тут на поля... Так бы мне, что там, мне на жрачку тоже. Пенсию получаю, так хватило было. Но просто как-то жалко. Земля пустует: что-то покидаешь, что-то вырастишь. Что не себе, так внучке. <...> У меня у самой внучка есть. Я говорю, вот бабушки не будет, так сходи вон картошечки, вон в поле хорошая. Бабушка! Забудь про это ты про всё. Что нам надо, мы купим. Она так говорит, – мы купим. Но ей 29 лет, тоже врачом работает. Мы купим. И ты ничего не сади, бабушка. Так я себе не хочу, сидеть у окна ждать, когда меня смерть возьмет. Копошишься, быстро время летит и с людьми встретишься, и... А так, в четырех стенах пробуй-ка целые дни сидеть (*улыбнулась*). В магазин, да сиди. Разжиреешь, потом двигаться не сможешь. Движение – есть жизнь.

– А вот вы помните какие-нибудь праздники, памятные даты, которые отмечались? Ну, с детства и до сегодняшнего дня.

Ну, религиозных праздников я не помню. А вот эти... такие... Первый май, да День победы – вот эти праздники, которые... майские, да. <...> Ну, религиозных праздников тут особо и не заметишь, что отмечают. Пекут там что могут, пироги, да кто другое там. <...> Отмечали, в которые религиозные, якобы нельзя там трудиться, больше отдыхать, да печь, да кушать. Да вот это всё. Да не знаю больше ничего такого.

– А на Новый год елку ставили?

На Новый год? Ну, когда мы дети уже школьного возраста, то, конечно, ставили. Мы домой приносили елочки кое-какие. Правда игрушек-то не было таких, так домашние такие: из газеты, да из чего-то там... игрушки навешивали, лепили лодочки разные, да что попало там навешаешь. Это было, да.

III. Респондентка, г.р. не указала, 25–30 лет.
Уроженка пос. Пряжа, пос. Пряжа.
ФА 3761.

– А не могли бы Вы назвать нескольких известных жителей Пряжи?

Из современников я бы назвала Савельева Александра Яковлевича, который является... Ну, он вообще работал в органах очень долгое время. Он, по-моему, подполковник, если я не ошибаюсь сейчас. Но при этом он автор гимна Пряжинского района. И он сам карел, такой очень сам по себе интересный человек, на мой взгляд. А потом <...> Светлана Ивановна Меркочева. Она не карелка, но она такая очень волевая женщина. Она долгое время была заместителем главы администрации <...>. Из исторических личностей, прям из исторических... Помимо всем известных, героя Советского союза Марии Мелентьевой, например, да? Из купечества тоже с территории нашей. Но это давно <...> Мирон Смирнов, который очень большой вклад внес в развитие Сямозера, деревни. Он был очень предприимчивым человеком. Он первый сделал первую лесопилку, в Финляндии построил. То есть он начал налаживать торговые отношения. И он образовал библиотеку в Сямозере, то есть такой, способствовал народному просвещению. <...> Это конец XIX – начало XX века. Потом из исторических еще личностей... Я даже вот так затруднюсь сказать Вам еще кого-то из истории. Из современников, кто... кого я считаю лично такими интересными личностями, это Алиса Петровна Губарева, но она из деревни Колатсельга. Она потрясающий человек, вообще, на мой взгляд, просто уникальный. У нее свой небольшой музей семьи, в Колатсельге в доме родительском. Из деревни Сергилахта есть бабушка прекрасная, Анна Васильевна Кобру. Она такая, вечный двигатель, она собирает историю края Сямозерского <...> Валерий Яковлевич Кононов – спортсмен, тренер многолетний <...> Еще я бы назвала Столярова Николая Дмитриевича, который держит питомник собак в Кудаме. Потому что очень такой социальный предприниматель. У него свой гостевой дом «Тихое озеро». В Кудаме. Они с семьей прямо этим занимаются. И он очень поддерживает сам поселок, он много сделал для

инфраструктуры поселка. Ну, то есть элементарные вопросы света, воды, электричества. Ну, то есть такие вопросы. <...> Есть еще интересный человек. Ну, как бы разные интересные истории людей. В Ведлозере живет семья Макаровых. И вот у Макарова самого 14 детей. И они занимаются боксом. Он тренер по боксу <...>. Волков Александр Лукич – поэт, переводчик. Он уже тоже в годах совсем. <...> Он перевел порядка 75 поэтов, именно русских поэтов, на карельский язык и это очень, очень большая работа, на самом деле. Он сам пишет стихи и переводит еще классику на карельский язык. Меньше знаю, наверно, промышленников. Ну вот тех, кто занимается в такой области деятельности.

– А вот какие в Пряже на данный момент распространены занятия, промыслы, профессии? Чем люди занимаются? Чем себя обеспечивают?

В Пряже есть зверофабрика <...>. На самом деле, это один из немногих зверосовхозов, которым удалось пережить лихие 90-е и вот потом тяжелые 2000-е <...>. Еще есть, конечно, ряд совхозов: Эссойльский совхоз, ну, комбинат, и Ведлозерский молочный комбинат. <...> Ведлозеро работает со «Славмо». <...> Но на не очень выгодных для себя условиях, конечно. То есть они могли бы... Ну, сейчас такая конкуренция, на самом деле, что не могли бы. Потому что, если рынок уже освоен одной компанией очень серьезно. Потом, значит, конечно, это сфера услуг, которая очень сильно получается, да, то есть. Это и образовательная сфера, ну, муниципальных учреждений сеть. Это культура, образование, дополнительное образование. Плюс сфера услуг, конкретно, магазины. Магазинов больше стало гораздо. <...>

– А у Вас в семье был скот какой-то домашний?

Да, у нас держали мы, с папой, с мамой, держали хрюшек. Курочки у нас долго, у нас последние, наверное, года два или три нету курочек только. <...> Корову мы не держали никогда. <...> Потому что мы жили в квартире, то есть у нас не свой дом был, поэтому это было неудобно. А вот со стороны мужа, они держали и коров, и поросят, и кур и кого они только не держали <...>.

– А вообще в Пряже держат коров, овец?

Сейчас вообще я даже не знаю. Сейчас, мне кажется, и нету практически <...>.

– *А с чем это связано?*

Я думаю, что это связано с тем, что поменялся образ жизни определенным образом. Если... если как бы женщина оставалась дома и следила за хозяйством, то, понятное дело, она могла содержать и скотину, кормить ее, ну, в нужный момент ухаживать за ней <...>. Хотя многие вот работали и держали скотину, и были пастбища и за ними следили. А сейчас куда вывести корову, вот здесь в Пряже <...>.

– *Какие отмечаете праздники, памятные даты?*

Не знаю, в нашей семье, это так принято, что у нас вот, у нас Новый год, Рождество. У меня в семье 8 марта, но это как бы так. Ну, как бы, просто все знают, что 8 марта. Также и 23 февраля. <...> Это дань, это дань такая. То есть нету там стола какого-то, собрания семейного. <...> А в мае... 9 мая, сейчас уже меньше. Потому что, когда бабушка еще была живая, мы ходили на парад обязательно всегда. И вот это все посещали. А сейчас как бы, ну...

– *То есть это больше для ветеранов делается?*

Я думаю, что да. На самом деле, я вот считаю, что это такой праздник. Я вот его очень сильно чувствую. Я знаю, что это праздник. Я, например, кого... Ну, всех своих я поздравляю. Но, прежде всего, это в семье. Это как бы история каждого человека в отдельности, несмотря на то, что это история всей страны. И сейчас... то есть, еще просто мы находимся в такой ситуации, ну, в такой рабочей, когда мы, например, должны там присутствовать. И я считаю, что это может только изменить как бы к худшему, потому что дети, например. У нас очень сильное патриотическое воспитание. Это я по себе знаю, и не только, а вообще по школьникам. То есть как бы и по школе, и по школьной программе, например. То есть они идут и идут как бы осознанно, что это 9 мая, что это праздник прямо. Но у нас²⁶ вот прямо, то есть чтобы... Мы вспоминаем обязательно всех там своих, свою родню, кто погиб в войне. Но вот так, чтобы это праздник был, у нас нет <...>.

²⁶ Респондентка имеет в виду свое детство.

– *А Вам известно, как Ваша семья была затронута в годы Великой Отечественной войны?* <...>

Бабушка моя была в финском плену. Она была вот в лагере в Пятом поселке.

– *В Петрозаводске?*

Угу. Бабушка да. Дедушка у меня моложе бабушки, он поэтому как бы не застал войну вообще. Ааа, и всё, больше с моей стороны семья никак. Ну, то есть вся семья была в тылу. И все пахали. Вот бабушка, и ее мама, получается, прабабушка Катя, они вот находились в лагере. И ее сестра Татьяна. Ну, получается, моя бабушка двоюродная.

– *А как-то Вам доводилось обсуждать с бабушкой это событие из ее жизни?*

Да, приходилось. Еще когда я в школе училась, я просто жила в Северодвинске, и я с бабушкой переписывалась письмами. И я вот ее спрашивала, и она писала мне письма о том, как это было, вообще рассказывала мне... Бабушка не очень любила об этом говорить, на самом деле. Но это было просто как бы труд. Много труда. Обычная работа, но только со статусом того, что ты в лагере. Больше ничего. Ну, она вот тоже всякие стишки писала, которые они исполняли, частушки. Вот такого плана рассказывала. Рассказывала, как она пошла на работу первый раз. То есть она стала работать, когда ей... Ну, они подделали документы на два года получается, чтобы она стала старше, чтобы она могла работать и зарабатывать.

– *Это было после войны уже?*

Это было во время... Да! Это было после войны сразу же. <...> Потом она устроилась на лесозаготовки, там очень много работала. Потом в кочегарку, и, короче, там она очень много работала. А школу она не закончила, хотя училась на отлично, но пришлось уйти просто работать. <...>

– *У Вас в селе есть церковь. Вы или члены Вашей семьи посещаете церковь?*

Нет. Ни моя семья, ни Лешина семья²⁷. <...>

²⁷ Семья супруга респондентки.

– А вообще как-то среди односельчан чувствуется, например, рост религиозных настроений?

Нет, нет. Здесь всё нормально в этом плане вообще, я считаю. Потому что как бы. Здесь такой батюшка. Он с одной стороны, странный, с другой стороны – и странный, и хороший менеджер. Он очень хорошо организовал приход, у него много прихожан. Повысилось значительно, конечно, количество. Много проектов стали реализовывать, именно с православной тематикой, в том числе. Не с каким-то давлением, а вот просто вот. Это же нормально абсолютно. Люди, каждый привлекает к себе людей по интересам по схожим. И поэтому они приходят, им там комфортно, уютно и хорошо. Пусть. Почему нет, если людям там хорошо? Я, например, не против. Но да, есть такое, рост есть. Сам приход развивается. Во-первых, они благоустраивают территорию поселка, что немаловажно. Они стали разбираться с вопросами вообще вот этих памятников, вот, которые часовни, и забирать в собственность церкви, и приводить их в порядок, потому что государство не может себе позволить это сейчас сделать. То есть, я считаю, что в этом есть вклад в сохранении истории, прежде всего. Ну мы с батюшкой поддерживаем хорошие отношения. И мероприятия, которые мы проводим²⁸, связанные, ну, то есть связанные по темам, мы обязательно его зовем, зовем прихожан <...>.

IV. Респондентка, г.р. не указала, около 30 лет,
родилась в Прибалтике, пос. Пряжа.
ФА 3763.

– А какие есть профессии в Пряже? Чем люди занимаются? Как на жизнь зарабатывают?

Профессии? В Пряже? Да, как и везде, одна торговля! Ну, конечно же, есть и культура: куда без нее. Вот. (Пауза). Есть водители-перевозчики, без них никуда. <...> Есть медицина. Пожарные. Работники всяких учреждений банка. Через которых там платежи переводятся. Бухгалтера, которые нам зарплату переводят. Тоже без них

²⁸ Респондентка работает в Этнокультурном центре «Elāmā» в пос. Пряжа.

никуда. Учителя, педагоги. Педагоги дополнительного образования. Которые не только там математике учат, но и творчески развивают детей. Это очень важно. *(Пауза)*. Ну, так по мелочи остальное.

– А фермеры, крестьянство?

А! Фермеры... Ну, фермеры у нас, частных фермеров-то у нас мало как бы. А ЗАО «Пряжинское» вот есть, тоже оно очень расширенное, большое. Там и молочные изделия – коров содержат, и пушнину, ну, и песцы, лисы, норки. Они еще хлеб, хлебобулочные изделия делают. То есть три таких больших направления. По-моему, три. В общем, да, они хорошо развиваются. У них свои трудности, конечно <...>

– А вообще много людей покупают дома, которые раньше жили не в Пряже, а начинают жить в Пряже?

Я думаю, да! Год прожив в Пряже, я поняла, что здесь яблоку негде упасть. И весь берег уже застраивается. И если думать в дальнейшем о строительстве собственного дома, то... только если он летающий будет *(смеется)*. <...> Но весь центр точно. Видно, что одни стройки, стройки, стройки. Особенно вот если проехать в конец Пряжи, по правой стороне по линии берега там застраивается очень активно. <...> Ну, у нас 50 на 50. У нас дом и в этом доме квартира и почти нет соседей. Дом деревянный и мы довольны своим жильем.

– А приусадебный участок у вас есть?

Есть, небольшой. Но надо руки на это вкладывать.

– А как Вы думаете, когда была Пряжа основана? Или с какого времени она упоминается, существует? Может, не надо точную дату, просто век можно <...>

Нет, не думаю. Это надо у знающих людей или в архиве посмотреть, когда была основана. <...> Я должна была помнить эту дату, поскольку праздновали и День рождения района Пряжинского и День рождения Пряжи был. А сколько вот лет ей... Вот всегда эти даты у меня в одно ухо влетит, в другое вылетит. <...> Мне кажется, лет... Ну, триста не может быть, нет. Знаю, что Крошнозеру четыреста с чем-то. Это я хорошо помню. А Пряже не помню. Честно. Еще слишком мало живу, чтоб запомнить *(улыбается)*.

– А вот почему такое название – Пряжа?

Вот это интересный вопрос. Я слышала много версий. Одна интересней другой. В общем, сначала рассказывали, что будто Пряжа, сама деревня, как... ну, как пряжа вьется. <...> Затем... еще какая-то версия была, вот я ее не помню. А третья – она более правдоподобная. *(Вспоминает)* Что Петр Первый здесь запрягал лошадей, коней, когда ездил из Петрозаводска в Питер что ли или куда-то вот. И вот запрягал, ну потому что вот была упряжка, запряжка, и вот поэтому и называли Пряжа. Ну, мне эта версия больше нравится *(улыбается)*. <...>

– А у Вас в жизни наверняка был такой период, когда Вы, скажем, учились, и у Вас была возможность остаться в Петрозаводске?

Так я и работала в Петрозаводске. И жила в Петрозаводске. А толку-то. Городская жизнь как-то не по мне. Я почти всю жизнь жила в деревне <...> И с детства заложились вот эта свобода, свежий воздух, природа... Там... Деревенская жизнь. Городская жизнь. Я шесть лет в городе прожила, и поняла, что это невозможно больше такое *(улыбается)*. Своего жилья нет, и работу нормальную сложно найти, и не хватает постоянно. Ну, проблемы были в общем, безденежье одно. И как бы думаю вот, чем платить там дяде-тете каким-то за съём, поеду-ка я в свой дом бесплатно жить. А уж какая-нибудь работа-то найдется.

– Нашлась?

Да, работа нашлась чудесным образом. В принципе, я жизнью довольна, что это уехала с города. Так-то всё слава Богу *(улыбнулась)*.

– А вообще можно так сказать, что из Пряжи молодежь уезжает в Петрозаводск или в крупные города другие?

Ну... тут... Молодежь уезжает, чтобы получить образование. Здесь же только школа, одиннадцать классов. И, естественно, все выпускники уезжают, чтобы получить там среднее, высшее образование. Вот. А там уже, конечно, зависит от того, какие цели поставлены у молодых и... Ну, или дело случая, наверно. Что на кого он выучится. Выучится он на педагога, а ему тут, в Пряже, хорошее место предложат, да дома живи. Ну, может,... Ну, как бы, я считаю, что лучше согласиться, чем где-то в городе непонятно где жить, там, в незнакомых местах, каких-то детей там городских избалованных учить *(смеется)*. Ну вот. Как-то так... Если у человека есть цель, каким-то супер-инженером стать, и он, только, там, в Москву хочу, всё! Ну,... он пусть добивается.

Молодец. Чем сидеть в деревне. Некоторые говорят, вот там, что в деревне делать. В деревне жизнь как бы поспокойнее, но все равно хватает своей суеты на любой работе. В культуре так вообще.

V. Респондентка, г.р. не указала, 50–55 лет.

Уроженка пос. Пряжа, г. Петрозаводск.

ФА 3754.

– Не могли бы Вы немного рассказать, где работали Ваши родители, мама, например?

Я не про маму, я по деду лучше скажу. У меня дед был председателем колхоза «Красная Пряжа». <...> Просто период в жизни был очень сложный, поэтому, как сказать... всё в жизни шло немножко закрыто. Сталинский период. Естественно, репрессии, и он попал под репрессии. На него, точнее мне бабушка рассказывала, что на него наговорил в общем... ну... такой мужч... даже знали, кто донес. Они знали, кто донес. И забрали, что забрали? Сарай забрали с сеном... Просто семья была большая, держали много скота. Работали очень много. И... как бы вот... вот это... как сказать... У трудолюбивых всё было. Выкарабкивались. <...> И вот они достойно держались и что-то там на него наговорили. Сначала на брата маминого, то есть его сына. Сын попал под репрессии, дед попал под репрессии. Мужское поколение. И в итоге увезли его, даже ма... это, бабушка моя искала его, где он похоронен? Где он пропал? Она не нашла. <...> Пришло, что он умер и всё.

– И получается бабушка с мамой с Вашей там продолжали жить?

Ну, еще была война. Во время войны был финский штаб в нашем доме. <...> Дом занимал большую площадь. Вот сейчас на месте этого дома... Дом разваливаться стал. Я еще детей своих вырастила в этом доме. Там нас жили три семьи в этом доме. Представь, три семьи в этом доме. Так там еще был сарай, там и скот держали. Еще я тоже скот держала. Я держала свиней, курей <...>. Скот-то и сейчас держат, вот и коз держат люди. Крупный рогатый не держат. <...> Там стоят два дома на этом месте, дома моих дочерей.

Ну, в принципе, у бабушки я была любимицей. Бабушка у меня карелка была такая. Умела гада... умела колдовать, говорят. Умела, заговоры знала, она очень много всего знала такого, что вот из традиций. <...> И то, что я пишу загадки сейчас, как я отношусь к Киндасову, к киндосовским сказкам, которые кто как только не называет. Это сказки. Мама мне рассказывала сказки, самые настоящие сказки, просто их надо понимать. <...> Еще маленькие мы говорили по-карельски, большие, когда уже выросли, перестали. Я вот, считай, в 15 лет, если я уехала из дома в Рос[сию],... туда, учиться в среднюю полосу, в Россию и всё. Я стала язык забывать. Я приезжала и слушала, я понимала уже не всё. А когда язык изучала, засыпашь так ночью и снится. И снится речь карельская. <...>

– У Вас есть какие-то предположения, откуда такое название – *Пряжа*?

Пряжа? Так пряжа – это... На сайт войдите, там очень хорошо всё написано. Три деревни было. <...> Говорят, что Петр ехал, сказал, какая пряжа! Но. Назвал Пряжей. Но точной версии же нету все равно. <...> Потому что три деревни подряд шли. <...> Одной деревни по второй, там они носили имена, по-моему,... мужичков, которые, видимо, там первые дома построили²⁹. А по одной деревни не смогли... ничего никто не может сказать. <...> Мамина сестра у меня жила в третьей... вернее как, мама жила в последней деревни, через деревню, <...> и мама частенько говорила, что там мне нужно было молоко носить, когда корова тельная была, сходи в Savinkylä, Savinkylä³⁰ – эта деревня, то вот отнеси тетке молоко (*смеется*). <...>

– *А мама где работала, когда в Пряжу приехали?*

Так, мама работала у меня в связи, и отец у меня был сначала связи, он был начальником почты. Потом уже, когда войну прошел, как сказать, период (*вздыхает*) года примерно... <...> в 43 году Николай, тогда получается после Николая у нас дед попал под репрессии. Так... раз... после войны, после войны... попали под сталинские репрессии и Николай, то есть сын. Сын и отец, мой дед. <...>

²⁹ Имеются в виду деревни Павлово и Пахомово, зафиксированные в Писцовой книге XVII в.

³⁰ Правильно: Soavonkylä.

Мои были в эвакуации, а дом был занят под штаб финнов. Расстреливали. Даже вот это место я... как раз вот... там сейчас у нас ничего даже, ничего на этом месте у нас нет, там только камни у нас лежат. Вот. На том месте расстреливали людей, и потом уже, это, даже закапывали. И потом уже раскапывали и, это, в братской могиле. Вот такое место. Но, с другой стороны, мои-то знают³¹. Мои-то все знают, все, что там было.

– А кого расстреливали? Партизан или, может, местных жителей?

Красноармейцев. Финны-то на местных, в принципе, не наезжали. В деревнях нет, потому что им же жить надо было, кормиться. А кто их кормить будет, если не жители? <...>

– А, может, Вам доводилось слышать какие-то разговоры односельчан о жизни в оккупации? Обычно эта тема умалчивается, неохотно говорят.

Конечно! Это вообще, мои родственники они постоянно, молчать! Не разговаривать, не говорить лишнего ничего. Это было уже заведено. Даже эти, совдеповские все вот речи, у меня отец был все-таки начальник почты был, он себя считал таким продвинутым. Приезжий. И были постоянно скандалы с бабушкой. Потому что он антирелигиозную пропаганду, а у меня бабушка верующая была, икона висела, она молилась. Бабушка у меня периодически уходила к другой дочери, в другую деревню. <...>

– А религиозные праздники, там, Вербное воскресенье, Пасха отмечались? Насколько широко?

Раньше все праздники, всё религиозное чтилось. И почему как бы вот. Да и были только религиозные праздники. Другие... Советских праздников, я, например, не помню. Бабушка отмечала только религиозные. И традиции были определенные. <...>

– Как вообще складывались отношения с приезжими людьми, которые приезжали работать, там на лесозаготовки или по управленческой линии?

³¹ Респондентка имеет в виду своих детей, которые продолжают жить в родовом доме в Пряже.

У нас в Пряже же не было лесозаготовок. Лесозаготовки шли в Чалне. <...> А в Пряже было заведено так. <...> Брали жильцов, вот был наш, свой дом и там специально была комната, куда пускали вот этих людей, которые приезжали в Пряжу, и чтобы они могли жить. Я прекрасно даже помню двух, две семьи, которые жили там у нас. <...> Если кто-то что-то имел, он всегда делился (*улыбается*). Характер все равно карелов, хоть и говорят, они такие закрытые, они не жадные, они просто осторожные очень. Они осторожные.

– *А общественная жизнь как развивалась?* <...>

Вот общественная жизнь, мне кажется, началась с того времени, вот когда... открылся сейчас Этнокультурный центр, а люди не имеют общественной жизни. Понимаете? Вот проблема. <...> Вот разговаривала с одной (сотрудницей этнокультурного центра – Ю. Л.) <...> Она и говорит, как-то людей притянуть надо, чтобы они хотели чего-то. <...> Я говорю, очень закрытый народ, как-то живут в своем мире, очень тяжело вытаскивать. <...>

– *А вот как Вы считаете, приезжая в Пряжу, какие места в самой Пряже надо посетить в первую очередь?*

Озеро! Озеро! И нужны лодки, чтобы людей возить по озеру. Чтобы они понимали, насколько оно у нас... драгоценное.

VI. Респондент 1978 г.р.,
уроженец пос. Пряжа, г. Петрозаводск.
ФА 3753.

– *А часто Вы бываете сейчас в Пряже?*

По-разному. Летом почаще, наверное. Зимой, за зиму, может, один-два раза <...> Вообще, основная масса людей, которые там... как сказать даже... не знаю, как их охарактеризовать. Да, большинство в Петрозаводск, в Санкт-Петербург уезжают. Вот один (друг респондента – Ю. Л.), кто еще остался. Какие, может, бездари остались (*улыбнулся*). Ну не бездари <...>. Те, может, кто хочет больше себя реализовать, Пряжа, она не дает тех, того... Потенциала там нет, нет там такой работы, нет там таких, допустим, институтов каких-то, организаций. Наверное, так. Хотя предполагаю, что там

должны быть какие-то предприятия, на которых можно и работать, и зарабатывать, и себя реализовывать. <...>

– А, может, что-нибудь знаете об истории села вашего? Скажем, в период Великой Отечественной войны.

(Задумался). Бои-то были, по-моему, в районе Пряжы. До Петрозаводска практически финны дошли. А таких определенных мест не знаю. <...> Вот сейчас говорите, мне что-то стыдно становится, что я не знаю. Такие вещи. Надо все же найти время и почитать. <...> То есть как, я там больше (в Пряже – Ю. Л.) не проживаю. Может, ближе к пенсии вернуться, как пенсия будет. Если она будет (смеется).

– В принципе идея есть такая?

Ну, вообще, хотелось бы. Мне деревня ближе, чем город. Поэтому и здесь живу в Сулажгоре, на окраине, ближе к лесу. Так и выбирали... Точнее, как выбирали. Я настаивал на этом (смеется). Чем на Древлянке или на Кукковке.

<...> Как закончил строительный техникум, вернулся в Пряжу. После первого рабочего дня в ЖКХ понял, это не дело, надо что-то двигаться как-то вперед. И поступил в университет. Так как строительный техникум у меня был, то есть, поступил на ПГС³². <...> Первый день, когда я поработал там, пришел в ЖКХ, меня отправили, мастер говорит, там забор, причем это была весна, май или как-то так. Забор, говорит. Там сугробы по пояс. Говорит, вот там есть бревна. Их надо оттуда выковырять, потому что завтра приезжает покупатель. На эти бревна. Меня поставили туда с таким алкашом, с перегара дикого такого <...>. Мы выковыривали эти бревна из-под снега. И вот я как сейчас помню, сидим, перекур. То есть я курю, он с такой беломоринной, плюется, матерится и хает руководство всех и всё подряд. Я смотрю на него и думаю, представил себя на его месте через десять лет. Мне эта перспектива не понравилась (смеется). Я пошел сразу же собрал документы, и в этот же год я подал на ПГС учиться. <...> Подал документы на ПГС, уже поступил.

³² Специальность «Промышленное и гражданское строительство» на строительном факультете ПетрГУ (с 1.09.2014 г. – Институт лесных, инженерных и строительных наук ПетрГУ).

Мне предложили в банк работать <...> типа дополнительного офиса Национального банка. <...> Закончил ПГС, поступил на экономический, так как планировал работать дальше в банковской сфере. <...> Ну вот не знаю, сколько там проучился. Может, год-полтора. Познакомился с девушкой здесь в Петрозаводске, так как я часто сюда приезжал, в Петрозаводск, к друзьям, которые остались со строительного техникума. В Пряже потому что как-то культурная жизнь мне не нравилась, хотя немногим она отличалась от Петрозаводска (*улыбается*), но в Петрозаводск как-то больше тянуло. <...> Пару лет, наверное, поездил туда в Пряжу, потом нашел здесь вот работу, в Петрозаводске.

VII. Респондентка, г.р. не указала, 55–60 лет,
уроженка с. Ведлозеро, с. Святозеро.
ФА 3767.

– *Можете назвать каких-либо известных, выдающихся жителей Святозера?*

Так вот Чеснакова, сказительница, говорим, да? А, кто там еще известный у нас... Вот у меня список сказителей Святозерского края, тут даже моя бабушка <...> Терентьева Наталья Васильевна. <...> Филиппова Анна, а Чеснаковы обе – Анна и Анастасия. <...> Константин Гордеев, Хякки Гордиев – это прадедушка мой, сказитель. Наталья-то бабушка моя, Терентьева. А это ее отец. Он в 42 г. погиб, умер в Архангельской области, в эвакуации были.

– *А сколько ему лет было на тот момент?*

Так он с [18]87 г. 42-й. Так считайте сами.

– 55.

Папа тоже умер у меня в 64 года. Молодой. Поэтому я говорю, что, как бы... Бабушка у меня жила со мной. Когда дети у меня были, она помогала мне детей поднимать. И так... Если брать советское время, вот у нас... А, я отдала в Музей. Там, значит, все наши работники победители соц[иалистических] соревнований, всё, значит. Валентина Ивановна – депутат была Верховного Совета, Савельева. Раиса Митрофанова, Раиса Сергеевна – депутат... Ой... де-

легат XXVI, по-моему, съезда была. <...> Людмила Михайловна... ой... Фадеева, тоже знаменита. В общем, наши такие победоносцы села в то время, советского еще, социалистического труда считалось. Отдала, у меня был большой, как его... как бы совхоза почетная, книга почета. Всё разгромили у нас там, совхоз-то. И как бы мне в руки попала книга, я говорю, дайте мне в Музей. <...>

– *А какие праздники отмечались?*

Ну, я не скажу, что в то время мы отмечали. Мы даже Пасху не знали. Ну как. Красили яйца. Я помню, на моей памяти. А больше ничего. Я помню только еще мамина мама, они жили отдельно, в домике. Она всё крестилась и молитвы сидит там читает. А в нашей семье этого не было, потому что папа партийный был, чтобы ни иконы, ничего не было. Мы не знаем. Папа, может быть, и крещеный был, бабушка ничего не говорила. Но в то время, сами знаете, что этого ничего не говорили. А что? Наши советские праздники все отмечали. А вот Пасху, только яйцо [красили]. А как вот раньше было. Вот начищали эти дома, как все чистили. Почитали по-старинному. В нашей семье этого не было.

– *А на Новый год елку ставили?*

На Новый год елку обязательно ставили. <...> На Новый год, на 9 мая, на 1 мая. Демонстрации. <...> На ноябрьские тоже праздники. Это мы всегда выступали, у нас концерты были в клубе. <...> А это я в Петрозаводске, здесь-то не было демонстраций, это когда в Петрозаводске училась. <...> А как помню, на каждый праздник наряды шили, женщины (*смеется*). Теперь уже не надо шить ничего. Мы-то всегда, о, шить да. Чтоб сшить на праздники и идти на, не дискотека ведь тогда говорили, а танцы. <...>

– *А Вы знаете, когда Святозеро было основано? Хотя бы примерно в каком веке.*

Ой, дак тысяча пятьсот... дак у меня тут есть. И Любовь Александровна³³ говорит там разные, это... толкования. Вот, у меня тут целая страничка по толкованию по Святозеро есть. <...> Видите, вот, 1582 году, 83 год воспоминания идут. Там разные идут, как, что

³³ Любовь Александровна Пелевина – учитель истории святозерской школы.

Петр Первый проезжал по нашим местам. Значит, увидел, что... А! Попросил воды, ему дали, зачерпнули воды. Он ковшик взял и не видит, такая чистая вода была, что дна. Ну, как? Не видно было, что там вода. Потом, значит, идет, что там остров. <...> На том озере вот там есть наш святой остров. Что он... рубил, у него щепка попала, значит, тоже в озеро опустил руку, вылечил. В общем, разные идут. А! Да как вот у меня сказания. Я, наверное, и достала «Святозеро в легендах и преданиях». Это школьники у нас были, описания. <...> Школьники тоже собирали.

VIII. Респондентка 1982 г.р.,
уроженка с. Святозеро, г. Петрозаводск.
ФА 3755.

– А бабушка с дедушкой рассказывали что-то про годы Второй мировой войны?

Нет, вот этого. На счет войны – *tabula rasa*. <...> Мне всегда так немножко стыдно за то, что... как... не стыдно. Я честно просто говорю, что мне это неинтересно. И у нас никогда в семье такого не было, ой, бабушка, расскажи, как вы в войну там... «О, мы там, внученька...»

– А в школе, наверняка, на уроках что-то рассказывали?

Я скажу совершенно честно, я совершенно не помню, чем в школе вообще... занимаются люди, в принципе. Я, более того, в университете не знаю, не помню. И мне сложно отвечать на такие вопросы, там, чему меня учили. Я могу говорить, например, о том, чему меня обучали в музыкальной школе. Вот это, если вас более послевоенный период все-таки интересует, то у нас музыкальная школа функционирует по сей день. И, в частности, я проучилась в ней десять лет, но я понимаю, что речь не обо мне. Семилетнее там образование. <...>

– А общественная жизнь в селе есть?

Сейчас, мне кажется, там нет общественной жизни. Хотя, хотя нет. На самом деле, насколько я могу судить по каким-то репликам своей мамы, там вот наоборот происходит какое-то возрождение

теперь вот, но не скажем села Святозера, ну вообще вот какой-то такой карельской культуры, которая в Святозере тоже, в частности, есть. Какие-то мероприятия там проводятся, празднуют Масленицу, еще что-то. <...> Государственные праздники и там, соответственно, все люди, владеющие какими-то навыками, выступали, и хор там, опять же, и музыкальная школа всегда это было в порядке обязательном... что-то там изобразить, сыграть. <...> Хор по сей день у нас функционирует. Хор такой модный, всегда принимает участие в (неразборчиво – Ю. Л.) всяких, вот тоже в мероприятиях.

– *Какие песни хор исполняет?*

Карельские.

– *На карельском языке?*

Да, на карельском языке.

– *А кто руководитель? <...>*

Любовь Федоровна Кондратюк, это преподаватель сольфеджио мой, в свое время была и сейчас тоже.

– *Вы говорите, часть девушек, как я поняла, которые с Вами учились, они остались преподавать в музыкальной школе?*

Да, моя подруга детства, так скажем, она преподает на сегодняшний день в музыкальной школе в Святозере? <...> Еще какие-то девочки, кто-то младше, тоже там остались.

– *То есть молодежь остается в Святозере, можно так сказать?*

Ну да. Ну, понимаете, Святозеро очень маленький такой поселочек и, если там даже два человека осталось, то можно сказать, что молодежь остается. <...> Если брать в комплексе, например, людей, с которыми я училась, то, разумеется, не обязательно в одном классе, да,... Вот так, вокруг так, которых я помню, то большинство, конечно, уехало.

– *А куда уезжают?*

Некоторые не далее, чем Пряжа, кто-то в Петрозаводск.

– *А с чем это связано? С возможностью получить образование, найти работу или, может, просто стремление к городской жизни?*

Ну, мне кажется, из перечисленных Вами аспектов стремление к городской жизни непосредственно, оно должно быть на

последнем месте. <...> Ну, насколько вот я понимаю, то что может дать городская жизнь человеку, это какое-то благоустройство там в квартире, это всё и в поселках есть теперь, в деревнях. Что касается зарабатывания денег,... Да... Например, я, закончив университет³⁴, с трудом представляла, что я могла бы делать в... Святозере. Хотя на сегодняшний день, я так понимаю, если бы я работала в Святозере, а не в ПетрГУ, у меня зарплата была бы даже больше, поскольку учителя в школах там как-то оплачиваются лучше, чем учителя в вузах, преподаватели в вузах, у нас. Мне кажется, в основном люди едут за работой. И плюс поселок,... ну, то что называется... Не знаю, насколько уместен этот термин... но умирает. Все-таки раньше там как-то больше жизнь кипела и тот же клуб, там как-то всё вот это... очень грустно выглядит. Магазины открываются, закрываются. <...> Но что касается культурной жизни, да... <...>

– *Вы не рассматриваете возможность возвращения в Святозеро?*

Я?! <...> Нет, разумеется, нет. Я беру на себя смелость сказать, что, если бы я хотела верн... ну, если бы я имела такую возможность, поскольку преподаватель иностранных языков в школе... в Святозере там, были бы не против они. В моем случае не стоит говорить о том, предпочла ли бы я Святозеро или Петрозаводск, поскольку я бы не предпочла бы эту страну вообще и... я дальше смотрю, в другие страны.

– *А чем сейчас живет... где работает молодежь или старшее поколение, те, кто остаются в поселке?*

Насколько я могу судить, если кто-то работает где-то, то эти люди работают исключительно в рамках торговли, то есть в магазине продавцом.

– *А деньги откуда, чтобы покупать? Пенсии и зарплата бюджетникам получается?*

Ну, это вот признаться я должна, должна сейчас при вас немножко подумать, поскольку, где они могут работать люди, если у нас нет никаких предприятий...

³⁴ Петрозаводский государственный университет.

– Только школа? Здравпункт, наверное, какой-то...

Да, здравпункт есть. <...> Ну, в здравпункте работает, наверное, всю жизнь один-два человека. <...> Ну, то есть в здании школы, в здании садика, простите. Там в одну из дверей зайдя, можно обнаружить то, что называется амбулаторией. Ну там, два человека. Значит, школа, садик, да, в садике тоже какое-то количество людей работает. Ну вот, музыкальная школа... И, мне кажется, магазины, и всё. <...> Раньше еще было... Когда был зверосовхоз... А! У нас еще было раньше то, что называется ателье. И вот там очень многие люди работали. Которые, в итоге, когда всё закрылось, они остались без работы. И вот эти люди, видимо, и на сегодняшний день, подрабатывают тем... не видимо, а я знаю таких людей, подрабатывают тем, что им можно заказать там что-то сшить, подшить, перешить.

IX. Респондент 1954 г.р.,
уроженец дер. Проккойла, с. Крошнозеро.
ФА 3757.

– А еще такой вопрос. Вы помните, какие в Вашей семье, когда Вы еще школьником были, может быть, или даже младше отмечались праздники, памятные даты?

Ой! Это стабильно – Пасха. Троица. Ну, эти советские праздники – 1 мая тогда же отмечали очень так, демонстрации тут. 9 мая тут. А 9 мая мы сейчас отмечаем. Собираемся, там памятник в поселке, погибшим воинам. Люди все идут туда. Вот все. Народу! Вообще полно. Ну вот, 9 мая тепло, и люди все там – поздравляют. Но ветеранов там осталось немного, конечно. Есть еще ветераны – один или два всего. А так мало осталось ветеранов <...>.

– Религиозные праздники открыто праздновались, спокойно?

Без проблем. Без проблем. Троица, Пасха там. Івананрăиву³⁵. Потом еще какие-то там... Имена там есть <...> Покров. Тоже отмечают Покров хорошо. Так, еще какие тут религиозные... Да почти все, пока еще старые жители живы. Вот в деревнях там. Вот, приглашают. Ой, приезжай там у нас в Гонгоналице или Котчуре, или

³⁵ Иванов день.

в Ершнаволоке праздник. В Крошнозере, вот в самом вот Крошнозере чуть попозже. Там пораньше <...>

– *А народ открыто в церковь ходил, не таясь?*

А чего?

– *В советские времена.*

Не, не, не, не было! Ходили в церковь. До сих пор ходят. А чего? Ну, может быть, когда-то там, еще меня не было в живых, в эти года, когда там начались церковь ликвидировать – тогда, конечно. А потом же уже в наше время, после войны там все же это начало налаживаться.

– *А вот известно ли Вам, какие события были в Крошнозере в период Великой Отечественной войны? Было ли Крошнозеро оккупировано?*

Да! Oli, oli moine³⁶. Финский лагерь был вон там, как полуостров. Там были эти, ну, наши, карельские военнопленные. Но финны относились хорошо к карелам. Вот многие говорят. И там осталось сейчас, вон там в конце, там как полуостров в озере идет, с одной стороны, значит, поставлен дом, а тут кладбище. Старое финское кладбище... еще черт знает... И вот в том месте дом не строят, а построил вот тут именно, на этой стороне. ... Я вот по рассказам старых людей, вот они рассказывали. Мы еще тогда в школе, в 58-ом... 59-ом году <...> И нам рассказывали, что здесь была финская территория: колючая проволока и лагерь стоял, вот этот финский. А тут, пол, кладбище вот это финское. <...>

– *А как финны относились к местному населению, которое не в лагере было?*

Нет, к карелам относились нормально.

– *Лояльно?*

Да, нормально относились к карелам. Но... (улыбнулся) среди карелов тоже было всякого.

– *А эта тема спокойно обсуждалась?*

Да конечно! Тут же ж, елки. Сейчас же ж, как. Приезжает у меня сестра, в Финляндии живет. Приезжает. Скажешь там, Яккола – это

³⁶ Было, было такое.

фин, муж, фин. Так приезжает ... где финский, где карельский. Уже понимаешь его. <...>

– *Что повлияло на такое Ваше решение, что Вы категорично придерживаетесь верности своему селу?*

Здесь красиво! И здесь воздух чище, как говорится. И вообще... и народ, такой, более-менее нормальный народ такой. Это в другое место уехать, там, черт его знает, его, народа, не знаешь. А здесь я всех знаю. Меня знают все, и я всех знаю. Кто как чем дышит, кто как... относятся все. Там, можете, у любого спросить, хвалиться не буду (*улыбается*) относятся ко мне очень хорошо. Очень хорошо <...> Мне здесь нравится очень. Приехал сюда с Проккойлы в 58 году и вот до сих пор здесь.

<...> Тут раньше молокозавод был. Молокопункт. Я помню, когда начал, еще до армии в совхозе здесь работать на тракторе. Здесь скотный двор и вот молоко, куда вести? А там родник этот идет, вот на повороте вот здесь. Магазин стоит, а раньше молокопункт. Туда бетона привезешь, там специальная эта... накапливалась родники, вода холодная, очень холодная. И молоко ставили туда, бетонами. Вот. И потом уже оттуда брал, приезжали из города молоко... этот... ну, машина, и она забирала это молоко. Я сам возил туда и складывал туда и ничего, нормально. Молоко было хорошее. И сливки получались и всё. А потом всё. Начали возить прямо со скотного. Там чаны молоко... машина молочная приезжает, выкачивает оттуда и в городе. <...> У вас много интересного в Крошнозере. Конечно, не везде еще найдено то, что интересно. Особенно в топозерской стороне там вообще интересно. Елки!.. <...> там был завод Петра Первого. Это какой год? Это первый поставил завод, в котором железо выплавляли, уголь там. Мы находили все это. В поход специально ходили в Топозеро туда. Находили вот это, место, где именно эти печки были... Показывали, где липа Петра Первого посажена, на острове. Но... а военное там это всё... что война там была. Да, действительно, там была война с финнами. Вообще, минометы и снаряды, патроны. Чего только не находили дети тогда. Придешь, нашли миномет эта... На тарелке и... две ножки. Так, кидаешь туда снаряд и вылетает. Вот та-

кую нашли. Но это все потом отобрали у нас. Не знаю, куда ли сдали потом? Или черт знает.

– *А кто отнял у Вас?*

Да, тогда еще в те времена лю... старики тогда уже были эти старики, уж давно нет в живых. Мы еще тогда молодые были <...> Потому что начали взрываться на этих снарядах дети, вот найдут снаряды. Вот в Лоймоле я был когда, а там же финские хутора. Жил там немножко у дядьки в Лоймоле. Вот там детишки взорвались, пять человек. Авиабомба. Начали долбить и ничего не нашли. Вот только определили как что, кого не хватает в поселке самом, из чьих семей детей не хватает <...> И вот потом началось, эти снаряды у нас отбирали всё-всё-всё, патроны всё-всё-всё, винтовки находили со штык-ножами, просто находили всякие искатели. Тогда после войны же, в 59-ом, в этих годах, там очень много оставалось всяких и об окопах и всё-всё-всё. Дорогу делали туда, в Топозеро, лес начали когда делать, вот они какой-нибудь пень сдвинут, дерево спилят, пень этот сдвинут, там ящики с патронами. Или могилу найдут ... И хоронили их тут. Здесь у нас вот похоронены, вот где центр. Там. И в этом, в Щеккиле. Не в Щеккилах... в Кутчезере стоит два памятных, находили там тоже. Это давно уже.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПОГРАНИЧНЫХ ЛИВВИКОВСКИХ И ЛЮДИКОВСКИХ КАРЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ¹

В статье представлен анализ фонетических систем ведлозерских говоров ливвиковского наречия и южнолюдиковских говоров карельского языка, развивающихся на протяжении нескольких столетий в условиях активного контактирования. Статья предваряет публикацию выборочных образцов карельской речи, записанных автором 8–12.09.2014 г. в Крошнозерском и Святозерском сельских поселениях Пряжинского района в ходе работы экспедиции «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии».

Ключевые слова: карельский язык, ливвиковское наречие, людиковское наречие, фонетика, фонология, образцы речи.

Становление фонетических систем карельских диалектов неразрывно связано с историей их формирования. Современные карельские наречия являются наследниками языка субэтноса корела, образовавшегося на Карельском перешейке в начале второго тысячелетия н. э. из восточного и северного диалектов прибалтийско-финского языка-основы². В результате военного противостояния России и Швеции поток карелов с исторической родины хлынул на территорию современной Республики Карелия, а также на новгородские и тверские земли³. Исследовав документальные источники,

¹ Статья с приложениями в виде образцов карельской речи написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01212 «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии» и проект № 14-34-01204 (2014–2015, рук. И. П. Новак) «Фонетические и грамматические маркеры карельской диалектной речи».

² См.: *Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä. 1983. 87. S. 349–353.*

³ См.: *Кочуркина С. И. Древние карелы. Петрозаводск, 1987. С. 66–67.*

историк А. С. Жербин пришел к выводу, что вызванное нападениями со стороны Швеции систематическое переселение карелов с территории Корельского уезда на древние вепсские территории Олонецкого перешейка началось уже в XIII в., однако, оно не имело массового характера⁴. Военные действия XIV–XVIII вв. привели уже к организованному оттоку карельского населения с исторической родины. Переселение на Олонецкий перешеек усилилось, где в итоге вепско-карельского контактирования завершилось формирование ливвиковского и людиковского наречий карельского языка.

Очевидно, в связи с особенностями территориального положения, при формировании ливвиковского наречия преобладающим оказался карельский компонент, вепсский отражен в нем в качестве субстрата⁵. Людиковское же наречие одни исследователи относят к прямым наследникам северного диалекта древневепсского языка, другие называют последователем древнекарельского языка, ощутившим на себе достаточно сильное вепское влияние⁶. Согласно Т. Итконену людиковское наречие является переходной языковой формой, образовавшейся в результате смешения древнекарельского и древневепсского языков⁷. Конечно, условия многовекового соседства пограничных ливвиковских и людиковских диалектов не могли не сказаться на языке тех и других. А. Турунен отмечает, что средне- и южнолюдиковские диалекты ощутили на себе значительное влияние соседних ливвиковских диалектов⁸. Анализ фонетической системы обследуемых говоров (говор дер. Маньга и крошнозерские говоры, относящиеся к ведлозерскому диалекту ливвиковского наречия, а также святозерские и пряжинские говоры, представляющие южнолюдиковский диалект), а также их сравнение с фонетическими системами остальных ливвиковских и

⁴ Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. С. 38.

⁵ См.: *Itkonen T.* Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // *Virittäjä*. 1971. 75. S. 179.

⁶ См.: *Kettunen L.* Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet. Helsinki, 1960. S. 1.

⁷ См.: *Itkonen T.* Ibid. S. 179.

⁸ См.: *Turunen A.* Lyydin asema vepsän ja karjala-aunuksen välimurteistona // *Virittäjä*. 1947. 51. S. 4–12.

людиковских диалектов, может помочь определить степень подобного взаимовлияния на данной конкретной территории.

Фиксация языка карелов-ливвиков и карелов-людиков была начата силами финляндских исследователей во второй половине XIX в. Первым образцы карельской речи интересующего нас региона записал финляндский фольклорист Д. Европеус. В последующие годы сбором образцов карельского устного народного творчества занимался А. Борениус. Начало научного исследования карельского языка связано с именем языковеда А. Генетца. По результатам своих полевых исследований 1871 и 1972 гг. он опубликовал работу «*Tutkimus Aunuksen kielestä*» (1885), описывающую фонетическую и морфологическую системы ливвиковских диалектов, и «*Vepsän pohjoiset etujoukot*» (1972), посвященную анализу языка карелов-людиков. Собранный Ю. Куёла в начале XX в. материал вошел в основу словаря людиковского наречия «*Luuydiläismurteiden sanakirja*» (1944). В последующие годы сбором языкового материала на территории проживания карелов-людиков и карелов-ливвиков занимались Х. Оянсуу, Я. Калима, Л. Кеттунен. Итогом работы Х. Оянсуу стало издание исследования «*Karjala-Aunuksen äännehistoria*» (1918). Фонетика людиковских говоров была детально описана А. Туруненым в работе «*Luuydiläismurteiden äännehistoria, I, II*» (1946, 1950).

Отечественные лингвисты обратились к исследованию языка карелов в первой половине XX в. Огромное значение в изучении карельских диалектов сыграла работа по сбору материала для диалектологического атласа карельского языка под руководством Д. В. Бубриха⁹, начало которой было положено в 1930-е гг. Работа позволила получить достаточно полное представление о фонетической, грамматической и лексической системах диалектов карельского языка. В атласе отражены следующие интересующие нас населенные пункты: Щеккила (23), Габозеро (24), Важинская Пристань (37), Святозеро (38), Пелдожа (39), Пряжа (40), Маньга (42), Ламбисельга (43), Салменица (41).

⁹ Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997 [Далее – ДАКЯ].

Диалектные материалы, в том числе ведлозерского и южнолюдиковского диалектов, анализируются в исследованиях российских языковедов: П. М. Зайкова «Диалектология карельского языка» (1987), «Глагольное словоизменение в карельском языке» (2000), Л. Ф. Маркиановой «Глагольное словообразование в карельском языке» и др., а также диссертационных работах и многочисленных научных статьях. В 1975 г. выходит в свет работа А. П. Баранцева «Фонологические средства людиковской речи», посвященная описанию фонетической системы святозерского идиолекта, в приложении приводятся людиковские тексты.

Образцы речи интересующих нас диалектов опубликованы в сборниках: «Karjalan kielen näytteitä» (1934), «Lyydiläisiä kielennäytteitä» (1934), «Образцы карельской речи: Говоры ливвиковского диалекта карельского языка» (1969), «Näytteitä karjalan kielestä» (1994) и др. Богатый ливвиковский диалектный материал отражен в шеститомном словаре карельского языка (1968–2005). В Научном архиве КарНЦ РАН хранятся записи диалектных текстов, записанных в Котчуре, Крошнозере, Пелдоже, Святозере и др. соседних населенных пунктах в середине прошлого века¹⁰. В Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН представлены аудиозаписи карельской речи (1960–2014 гг.) информантов – уроженцев населенных пунктов: Крошнозеро, Ёршнаволок, Котчуря, Миккелица, Афанасьева Сельга, Каскеснаволок, Коккойла, Ефимова Сельга, Топозеро (Крошнозерское сельское поселение); Святозеро, Верхние Важины, Важинская Пристань, Кашканы, Пелдожа, Лижма, Вашаково, Сигнаволок (Святозерское сельское поселение).

На основе имеющихся исследований (А. Turunen «Lyydiläismurteiden äännehistoria, I, II», Т. Itkonen «Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty», А. П. Баранцев «Фонологические средства людиковской речи»), данных «Диалектологического атласа карельского языка»¹¹, примеров,

¹⁰ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 38. Оп. 43.

¹¹ Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria I. Helsinki, 1946; Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971. 75. S. 153–185; Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи. Л., 1975; ДАКЯ.

собранных из образцов карельской речи, а также непосредственно в ходе полевой работы попытаемся определить основные фонетические отличия, маркирующие интересующие нас соседствующие диалекты, а также степень их взаимовлияния.

Итак, инвентарь кратких гласных фонем описываемых говоров не обнаруживает существенных диалектных отличий. На интересующей нас территории южнолюдиковского диалекта представительство исторически долгих гласных двояко. Дифтонгизацию долгих гласных *иц*, *уу*, *йй* исследователи возводят к вепсскому языку, в то время как их сохранение объясняется влиянием соседних ливвиковских диалектов¹².

Ведлозерские и южнолюдиковские говоры отличаются представительством восходящих дифтонгов. Древние прибалтийско-финские долгие гласные **аа*, **ää* на большей территории распространения людиковских диалектов передаются через дифтонги *иа* (*миа* ‘земля’), *йä* (*риä* ‘голова’), в то время как на территории распространения северных ливвиковских диалектов (ведлозерского и сямозерского) встречаем в большинстве пунктов дифтонг *оа* (*моа*), *еä* (*реä*). Исключением является говор дер. Маньга и некоторые восточные сямозерские говоры, находящиеся на границе двух карельских наречий, здесь встречаем дифтонги *иа*, *йä*, как и в южнолюдиковском диалекте. Напр., **влз.**¹³: *моамо* ‘мать’, *остоа* ‘покупать’, *роадо* ‘работа’, *тоатто* ‘отец’, *веäгу* ‘кривой’; **но** *андуа* ‘давать’, *хуаба* ‘осина’, *лаукку* ‘лук’, *п’уакку* ‘галка’, *п’уаву* ‘лишайник’, *т’йähти* ‘звезда’ (Маньга); **юлд.**¹⁴: *хуабе*, *куадайд* ‘кальсоны’, *миамо*, *руадо*, *суалеһен* ‘добыча’ ген. ед., *туатто*, *киändäу* ‘он поворачивает’, *виärä*. Исследователи исторической фонетики прибалтийско-финских языков сходятся во мнении, что путь от долгого гласного к дифтонгу выглядел следующим

¹² См.: *Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Helsinki, 1950. S. 28, 30.*

¹³ Ведлозерский диалект ливвиковского наречия карельского языка – крошнозерские говоры, говор д. Маньга.

¹⁴ Южнолюдиковский диалект людиковского наречия карельского языка – святозерские и пражинские говоры.

образом *aa > oa > ua, *ää > eä > iä¹⁵. Таким образом, в части диалектов закрепился дифтонг oa, в то время как в других он продолжил свое развитие.

Остальные восходящие и нисходящие дифтонги, в большинстве своем, представлены в описываемых говорах единообразно. Исключением, однако, являются нисходящие дифтонги на *i*, выступающие в определенных позициях (на конце слова, в формах имперфекта индикатива односложных глаголов, формах множественного числа косвенных падежей односложных имен). В ливвиковском наречии в этом случае повсеместно выступают дифтонги (*reboi* ‘лиса’), что, очевидно, повлияло и на пряжинские говоры, в остальных южнолюдиловских пунктах они развились в трифтонги с начальными компонентами *u*, *y*, *i* (*rebuoi*), причиной чему Турунен называет контаминацию диалектных форм (*anduo* + *andoi* = *anduo*)¹⁶. Напр., влз.: *andoi* ‘он дал’, *kukoi* ‘петух’, *taloi* ‘дом’, *söi* ‘он ел’, *täi* ‘вошь’; юлд.: *anduo*in ‘я дал’, *čaguoi* ‘мизинец’, *kukuoi*, *tuamuo* ‘мать’, *tučuo* ‘невеста’, *must’uo* ‘черника’, *lötyöi* ‘лягушка’, *taluo*, *vaguoi* ‘малина’, *syöi*, *t’iäi*, но *reboi*, *kukoi* (Пряжа).

Существенные диалектные отличия обнаруживает конечная огласовка форм номинатива единственного числа слов с двусложной основой на *a*, *ä*, в которых первый слог является / являлся долгим, трехсложных и многосложных имен, в которых предпоследний слог исторически был долгим, а также форм партитива и эссива. Для всех ливвиковских диалектов характерно наличие в данной позиции гласных *u*, *y* (*adru* ‘соха’, *silmy* ‘глаз’), в то время как в южно- и среднелюдиловских диалектах представлен гласный *e* (*adre*, *silme*). Пряжинский говор является исключением, здесь встречаем гласные *u*, *y*, очевидно, возникшие в результате ливвиковского влияния¹⁷. Напр., влз.: *akku* ‘жена’, *emändy* ‘хозяйка’, *harakku* ‘сорока’, *ižändy* ‘хозяин’, *keyhy* ‘бедный’, *lašku* ‘ленивый’, *linnu* ‘город’, *randu* ‘берег’, *sildu* ‘мост’, *selgy* ‘спина’; юлд.: *akke*, *emände*, *harakke*, *hukke* ‘волк’, *ižände*, *keyhe*, *laške*, *pedre* ‘олень’, *rande*,

¹⁵ Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. S. 18, 32.

¹⁶ Ibid. S. 44, 188; ДАКЯ. Карта 41.

¹⁷ ДАКЯ. Карта 27.

vihme ‘дождь’, но *harakku, lidnu* (Пряжа). Исследователи объясняют существенные диалектные отличия в людиковском наречии влиянием соседних ливвиковских и южнокарельских диалектов, в результате чего на место исчезнувших в ходе вепсского влияния гласных *a, ä* восстановились (или не восстановились) гласные *a, ä* (под влиянием южных диалектов собственно-карельского наречия), *u, y* (под влиянием ливвиковских диалектов) или *e* (ошибочное восстановление гласного)¹⁸. К результатам ливвиковского влияния относят и сохранение остальных кратких гласных, выступающих в конце слова, в том числе в южнолюдиковском диалекте, в сравнении, например, с севернолюдиковским представителем явления¹⁹.

Сравнение консонантных систем анализируемых говоров дает следующее представление об основных фонетических маркерах, выделяющих соседние ведлозерский и южнолюдиковский диалекты, а также о взаимовлиянии этих диалектов друг на друга. Если на большей территории распространения людиковского наречия фиксируется *d'* в положении перед гласными (*d'uuri* ‘корень’, *d'ogi* ‘река’, *d'alga* ‘нога’), то в ливвиковском наречии явление представлено довольно пестро. В описываемых говорах, согласно «Атласу», повсеместно представлен мягкий смычно-взрывной согласный, в то время как вокруг встречаем среднеязычный согласный *j* (*juuri, jogi, jalga*)²⁰. Напр., влз.: *d'agoin* ‘я разделил’, *d'orši* ‘ерш’, *d'uablokka* ‘яблоко’, *dyvä* ‘зерно’, *kard'u* ‘стадо’, *tid'd'ät* ‘ты знаешь’; юлд.: *d'orši, d'ouhet* ‘щетина’, *dyru* ‘гроза’, *dyvä, dänöi* ‘заяц’, *kard'e*. Столь пестрое представительство палатализованного дентального согласного на месте полугласного *j* в южных карельских наречиях, а также северных диалектах вепсского языка, согласно Туруне-ну, является свидетельством былых тесных контактов среди населения данного региона²¹.

Отличия обнаруживает и употребление долгих / кратких смычно-взрывных, выступающих в открытом слоге в положении после

¹⁸ См.: Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. S. 158.

¹⁹ Ibid. S. 163.

²⁰ ДАКЯ. Карта 42.

²¹ Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria I. S. 318.

согласных *r*, *l*, *n*: в южнолюдиковских говорах в данной позиции повсеместно встречаем геминату (*čirkku* ‘воробей’, *čirppi* ‘серп’, *pertti* ‘изба’, *tylččy* ‘тупой’), в ведлозерском же диалекте ситуация от говора к говору меняется²². Х. Оянсуу объясняет такое представительство явления тем, что на данной территории довольно сложно уловить разницу между геминатой и одиночным согласным²³.

Существенное фонетическое отличие консонантных систем описываемых диалектов обнаруживает дистрибуция свистящих и шипящих согласных, выступающих / выступавших в определенных позициях. Так, представительство согласных *s*, *š*, *z*, *ž*, находящихся в положении перед переднерядными гласными в южнолюдиковском диалекте (*sidoda* ‘завязать’, *syvä* ‘глубокий’, *käzi* ‘рука’), значительно отличается от севернее расположенных диалектов людиковского наречия (*šidoda*, *šyvä*, *käži*)²⁴, однако, совпадает с ливвиковской картиной явления. В позиции же после гласного *i* дело обстоит следующим образом: если в людиковских диалектах, за исключением пряжинских говоров, ощутивших на себе значительное ливвиковское влияние, здесь повсеместно встречаем шипящий *š* (*ištuu* ‘он сидит’), то на большей территории распространения ливвиковского наречия, в том числе в ведлозерских говорах, обнаруживаем свистящий *s* (*istuu*)²⁵. Напр., влз.: *kaunistua* ‘украшать’, *puistua* ‘вытряхивать’, *mustau* ‘он помнит’, *pystäy* ‘колет’, *kolmetostu* ‘тринадцать’, *kuldastu* ‘золотой’ парт. ед., *myöhästy* ‘поздний’ парт. ед.; юлд.: *muštau*, *pyštäy*, *kolmetošte*, *kuldašte*, *myöhäšte*; но *kuldastu*, *myöhästy* (Пряжа). Дистрибуция согласных *z* и *ž*, находящихся в положении после гласного *i*, происходит аналогичным образом (см. напр., Атлас: к. 82, 84, 98), напр.: влз.: *andazin* ‘я бы дал’, *eläzin* ‘я бы жил’, *tulizin* ‘я бы пришел’, *endizet* ‘прежние’, *kuldaizet* ‘золотые’, *möyhäizet* ‘поздние’, *toizet* ‘другие’, *pagizou* ‘он говорит’, *pyzuu* ‘он держится’, *seizou* ‘он стоит’, *viizi* ‘пять’; юлд.: *andaizin*, *eläizin*,

²² ДАКЯ. Карта 54–57.

²³ Ojansuu H. Karjala-anuksen äännehistoria. Helsinki, 1918. S. 14.

²⁴ См.: Баранцев А. П. Указ. соч. С. 71.

²⁵ ДАКЯ. Карта 80.

tuliižin, endižet, kuldaižet, myöhäižet, toižet, pagižou, pyžyу, seižou, viiži, но andazin, endizet, kuldazet, myöhäizet, toizet, viizi (Пряжа).

Критерий твердости и мягкости согласных в отдельных случаях также маркирует анализируемые диалекты. Согласно А. П. Баранцеву, палатализация согласных в святозерской группе говоров значительно менее распространена, чем на остальной территории людиковского наречия и охватывает только дентальные согласные²⁶. Так карта Атласа № 102 четко показывает разницу между описываемыми диалектами. Карта рассматривает представительство смычно-взрывного *t* в начале слова в положении перед гласным *e*, когда в ливвиковском наречии выступает твердый (*tedri* ‘тетерев’), а в людиковском мягкий согласный (*t’edri*)²⁷. В позиции перед гласным *i* ситуация аналогичная, однако, отдельные ливвиковские говоры, в том числе и говор дер. Маньга, обнаруживают мягкий согласный (*t’ie* ‘дорога’)²⁸. Напр., влз.: *teähti* ‘звезда’, *tiedäy* ‘он знает’, *pidi* ‘он держал’, *vedi* ‘он возил’, *annettih* ‘они дали’, *elettih* ‘они жили’; юлд.: *t’iähti, t’iedäy, pid’i, ved’i, andet’ih, elet’ih, но pidi, vedi, andettih, elettih* (Пряжа).

Одним из основных фонологических отличий ливвиковского и людиковского карельских наречий является представительство консонантной альтернации, т. е. чередования ступеней согласных, заключающегося в выпадении или замене смычно-взрывных согласных компонентов слова другими согласными²⁹. В данном случае граница между наречиями и, соответственно, описываемыми диалектами проходит четко. Количественное чередование, распространяющееся на смычно-взрывные геминаты и заключающееся в их сокращении до одиночного согласного, представлено в обеих группах говоров одинаково. Напр., влз.: *loukku* : *loukud* ‘льномялка : льномялки’, *l’ettu* : *l’etut* ‘блин : блины’, *rippuo* : *ripun* ‘висеть : я вишу’, *očči* : *očas*; юлд.: *n’okke* : *n’okaz* ‘край : в краю’, *vuottada* :

²⁶ Баранцев А. П. Указ. соч. С. 21.

²⁷ ДАКЯ. Карта 102.

²⁸ Там же. Карта 103.

²⁹ Там же. Карта 58–68.

vuotat ‘ждать : ты ждешь’, *čurpu* : *čiprus* ‘угол : в углу’, *päčči* : *päčis* ‘печь : в печи’.

Качественное чередование в ливвиковском наречии затрагивает одиночные смычно-взрывные согласные *g*, *d*, *b* и сочетания согласных, содержащие их в качестве второго компонента, напр., влз.: *regi* : *riet* ‘сани’ ном. ед. : ном. мн., *maido* : *majjos* ‘молоко : в молоке’, *vedo* : *vevot* ‘вывозка : вывозки’, *huabu* : *huavat* ‘осина : осины’, *särgi* : *särril* ‘плотва : у плотвы’, *valdu* : *vallal* ‘воля : на воле’, *rindu* : *rinna* ‘грудь : на груди’, *temboan* : *temmata* ‘я схвачу : схватить’. Выдающейся особенностью людиковских диалектов, в сравнении с ливвиковскими, является отсутствие в них качественной альтернации, напр., юлд.: *vedo* : *vedod* ‘тяга : тяги’, *huob* : *huobad* ‘осина : осины’, *dälgi* : *dälged* ‘след : следы’, *kulde* : *kuldas* ‘золото : в золоте’, *rand* : *randas* ‘берег : на берегу’. Утрата качественной альтернации людиковским наречием объясняется влиянием вепского языка³⁰.

Описание основных маркирующих признаков карельских говоров, располагающихся на столь близком расстоянии друг от друга, но относящихся к разным наречиям карельского языка, подтверждает уникальность выбранной для исследования территории. Анализ показал, что непрерывные контакты между ливвиковским и людиковским населением описываемой территории, однако, не существенно сказались на особенностях их фонетических систем. Исключением являются ливвиковский говор дер. Маньга, сохранивший незначительное количество следов людиковского влияния, а также пряжинские говоры, обнаруживающие существенное влияние ливвиковских говоров как в вокалической, так и консонантной системах, что и стало основанием для правомерного выделения А. Туруненным особого пряжинского диалекта людиковского наречия (*Saavan Prääsä*), а также пряжинской подгруппы (*Tegun Prääsä*), отличной от святозерской в описываемом диалекте³¹. Основным фонологическим маркером, не позволяющим, однако,

³⁰ См. подробнее: *Новак И. П.* Становление альтернативной системы согласных карельской диалектной речи. Петрозаводск, 2014. С. 102–129.

³¹ См.: *Turunen A.* *Lyudiläismurteiden äännehistoria* I. S. 28–29. Согласно классификации Турунена, описываемая группа говоров относится к среднелюдиковскому диалекту людиковского наречия карельского языка.

относить пряжинские говоры к ливвиковскому наречию, является представительством в них консонантной альтернации.

Приложение³²

Расшифровки экспедиционных материалов³³

Карелка 1940 г. р., ур. дер. Плоскозеро (Hedocišto),
дер. Святозеро (Pyhäarvi)³⁴
ФА³⁵ 3737, 3738

– *Olettoگو Työ karjalaine?*

Да.

– *I Teijän vahnemat karjalazetgo oldih?*

³² Для приложения к статье выбраны наиболее показательные и интересные с языковой точки зрения образцы речи: первые два интервью записаны от наиболее старших из опрошенных информантов, коренных жителей с. Святозеро (людиковское наречие) и с. Крошнозеро (ливвиковское наречие). Третье записано от носительницы ливвиковского наречия, проживающей на протяжении нескольких десятилетий в людиковской деревне, в результате чего ее идиолект представляет смешение двух наречий карельского языка. Четвертое из предложенных интервью отражает речь одного из самых молодых из числа опрошенных в ходе экспедиции карелов.

³³ Расшифровки подготовлены И. П. Новак и Н. В. Мичуровой.

³⁴ В тексте расшифровок используется упрощенная финно-угорская транскрипция, отражающая все перечисленные в статье фонетические особенности описываемых говоров. Палатализация переднеязычных согласных в фонетически обусловленной позиции дополнительно не отмечается, поскольку не обнаруживает существенных отличий на уровне анализируемых диалектов. Исключением является первый из приведенных образцов карельской речи, записанный от носительницы южнолюдиковского диалекта карельского языка, выделяющийся на фоне остальных представленных текстов обилием мягких дентальных согласных, выступающих в положении перед гласными *i*, *e*. Поэтому было принято решение отразить эту особенность в расшифровке.

³⁵ Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук.

Kai karjalaižet oli: buabot, d'iedot, muamot, tuatot. A tuattod minä en t'iedä. Puoli vuotte oli kui voine zavod'iheze, ga sid sinne hävii.

– *A oligo Teil sizärdy, vellie?*

Velli oli. Yksi velli oli. Velli kuoli jo seiččie vuotte tomu nazad. Nygy d'iaän minä yksinä, no plemännikät täs, vellen lapset. Brihačču eläy täs kyläs, ka sid harvah kävytäh t'iedustamah.

– *A miehele kunne Työ menittö?*

Miehele minä... Myö elimme jälges Hedočištod Ližmil. Sigä minä i miehele menin. Sid sigä oli polevodčeskoï brigada. Se salvat't'ih. Sid tänne tulimme elämäh. Sid zverofermal minä dostalin igän ruadoin penziessua.

– *A Teijän mužikku?*

Stroit'el'.

– *A ongo häi karjalaine?*

Korennoi karjalaine.

– *Pagizettogo työ karjalakse?*

Karjalakse pagizimme, a nygy ei. Jo seiččie vuotte eulo ukkod.

– *Äjygo lastu teil on?*

Kaksi... Tämä tytär nuorembi i poige. Poigal viižikymmen nel' l' vuotte rod'ii, a tyttärel viižikymmen yksi rod'iheze. Poige eläy täs kyläs, a tytär eläy Belomorskoi rajonas.

– *Paistahgo lapset karjalakse?*

Ga ei jo pagiže Lida. Poige pagizou. Neveske pagizou. Hyö, kačo, kazvet't'ih. Vellel oli akke beloruska i ukon vellel oli akke belorusska. Sigä Ližmil konze elimme, lapset pagišt'ih heid'en ven'akse i meid'en sid.

– *Ongo pojjal lastu?*

Bunukke yksi on, poige on. Häi jo eläy Leningradas. Kaksikymmen viiži vuotte on. Sigä en t'iedä, mittumas zavodas häi. Ruadoh ustrojiheze sigä. Naizis on, a eulo vie laste.

– *A vumukku pagizougo vai ellendäygo?*

Ei jo. Elgendäy, možet, elgendäy, ga ei pagiže.

– *A konzu Työ olitto lapsennu, saigo kois paista karjalakse?*

Myö emme maltannu ven'akse ni az, ni glaz, pi pomilui nas. Dälges voinad tuli sevoitar, minun igäine oli. Häi oli voinan aigah muamahke Puudožskoi rajonas, a myö olimme okupacies, sanot't'ihhäi. Svirispäi, kui

mama aivin saneli, što Svirissua menimme, sid Sviris finnat jo zaimit`t`ih. Meid`e työt`t`ih dārilleh, tänne tulimme. Tuli se neičykke, Val`a sevoitar. Häi pagizou ven`akse, minä karjalakse. Minä hänte vedän mandžoit syömäh, häi ei lähte. D`eduška perevod`i. Minule sanou: «Älä koske hänte. Häi iče tulou». Minä sanon: «Ei tule!». A sid dälgrimäi kuni häi eli meid`enke, sigä Hedočištos buaboin da d`iedoinke, ei t`iedäny, uskot, ven`akse nimi-dä. A sid, kačo, tänne tuli, muamoh miehele meni, tože učit`el`ale, a sid häi enämbäiže ven`akse kul`turnoimbi pagiži kui minä. Minä enämbälleh karjalakse. Meid`e opastet`t`ih suomekse, kai old`ih predmietät suomekse. A sid šestoisgo kluusas liennöy azut`t`ih kai predmietät ven`akse. Sid vmesto ven`an и:n panet suomen u:n i kakkone. Istu kakkone!

– *Konzu ven`an kieli tuli školah, oligo jygei opastuo?*

Dak ven`akse... kačo, meil hot` kai predmietät old`ih suomekse, ga ven`akse oli lit`eratura da pis`mennoi oli, ga muga maltoimme ved` pagišta. A kirjuttada... sidä, konečno, panet finskoin bukvaižen keskučče da sid ošibočka.

– *Nygöi täs kyläs kenenke Työ pagizetto karjalakse?*

Nu vot, minun vozrastas... vaste ei ammui oli täs minun kyläspäi Val`animelline inehmine. Hänenke da sid kedä on täs, ked ollah karjalaižet.

– *Kusbo karjalan kielder suau kulta: pihal, laukas, kus?*

Ka laukas oldah prodavcat nuoret, sigä kai ven`akse pagištah. Heil oldah muamot da tuatot karjalaižet, ga hyö ven`akse. Sid laukas ven`akse pidäy. Enne kävyimme laukkah konze, oli aige, tulet, karjalakse pagižet. Ette malta ven`akse – štob ette pagižiš. Olihäi yksi aige, što zapret`it`t`ih karjalakse pagišta. Vot sid semmoižet d`ielot meile oldah.

– *A midä mielder Työ oletto, rubieugo karjalan kieli elämäh ielleh?*

En jo t`iedä, rubedaugo elämäh vai ei rubeda.

– *Pidäygo, gu karjalan kieli olis?*

Ka minule nygy, vahnat vs`o rovno on. Ka vot nuorile, bunukoile da ked oldah täs... Ka lapset, naverno, kai pagištah ven`akse. Minä en kuule, štob lapset pagištaš karjalakse.

– *Kusbo Työ ruavoitto?*

Zverofermal. Ezmäi ruadoin mie polevodstvas, kartofel` da sid midä sigä pid`i, zernovoit kazvatet`t`ih da, heinät niit`imme da kai, a täs, zverofermal. Zvierid oli. Zverosouhoze. Sigä norkat syöttäi pid`i,

juottai. Ubiraita heid'en sigä kletkat da kai. A sid sygyzel zaboi i škurkat pušninan, nečen, en t'iedä Leningradas kus myöd'ih. Sid uud'istada ištutetah sinne.

– *Middbo tiä peldoloil kazvatettih?*

Rugište kazvatet't'ih. Minä zavod'iin ruadon... sid vaike oli rugište. A dälgrimäi, no midä, kagre neče siilosikse hermenhenke segai kuivetai. No sid kazvatet't'ih kai nenit korneplodit, turnepsat, ogurcat parnikois kazvatet't'ih, i nenit, saharnoit cvetat kormovoit, zvieril tänne vedet't'ih, kartoškat.

– *A pelvastu kazvatettihgo?*

Pelvaste ei kazvatettu. Pelvaste kazvatet't'ih vie oli kolhozat, sid vai kazvatet't'ih oma iče. Vot, meil oli pandu pala pelvaste, sid oli liinat, omah iččeh niškoi. Sid net ruat't'ih, nečis, kod'is, ezmäi kuivat't'ih, sid čikutat nenga, savakol sil, sid mama hard'adau i zdait't'ih, i kudot't'ih ičele kázipaikkad sid da kai. ... A liinat se oli, ga sid d'eduška iče net obrativaiči, iče kežräži sid, kuduoi verkuoid. Iče d'eduška net liinat kai azui langakse. Sid verkod kuduoi. D'engad eulo verkod ostai, sid iče azui kai.

– *Oligo teil žiivattua?*

Lehme oli mamal dai meile. Minä, konze, neče, azut't'ih fat'ieru, otd'el'no läht'imme, konze muatuškaspäi eronimme, sid lehme oli, sid enzivuoden oli poččihizet da sid lambaste oli da, kanat...

– *A lehmiä mil syotettih?*

Ka kartofeit... sih niškoi päččih padan panet kartoškat, sid net juomižeh, kombikormat ostelimme da heinät ližäkse.

– *Heiniä ičego niittitö?*

Iče, konečno, kenbo niit't'i? Iče myö niit'imme, a lapset babuškuidenke kuivat't'ih, haravoidenke. Kaikil oli ruadod.

– *A sanokkua, midd enne syödih, keittetih, pastettih?*

Ka paštet't'ih kod'is, ende mama, naprimer, minä ei leibäd paštan, a mama paštoi silloi vie, leibäd iče kod'is taiginas segoitet't'ih, a muite piirait da pyöröit. ... Mama, muiten hyö osetet't'ih kagran krupat i vie net päčis pariu padas, sid kuivada prot'ivoil. Sid net pidäy d'auhoda. Niilöis azut't'ih taukunat. Pačkuis olda ei semmoit, no kod'is on parembaižed. Vot niilöid pid'i vie d'auhoda kivel. Sid vie azut't'ih nečis jäčmenäs. Jäčmenät kazvatet't'ih iče, se vot jäčmennöit taukunoid

i niilõis tože. Huondeksel, konze aigembi pidäy mamale, sid keittäy kuaššaižen taukunal, sid syömme da ruadoh, kedä kunnegi. Ruadottah ei suanu ištuda. Meil, kačo, tuattod ei olnu, ga sid d`iedonke. Sid minul pid`i aivin olda d`iedonke. I halgod pilidä i d`iedo parkid kiškou, minä lehtekset kerädän kod`ih lambahile. Sid vedän net kod`ih, kyläh, sid kuivadan parkid, i tädä, oli sel`pos prijomnoi punkte, sinne zdaijiin prijomnoih punktah. Sid aivin pid`i olda mečas. A nygy kačot d`evuškät da brihat vai piippu suus käveltäh. Eule midä ruata, vot. Et midä azu. Aige menöy...

– *Midäbo Työ pastatto päčis?*

Minä nygy nimidä. Toiči, konze lämmitän enämbän, ga piiraid, tahtahaste piiraid, valgeda. A nastojaššoid piiraid harvah. Keit`ipiiraid, konečno, azuttelen, a nenid kartoškapiiraid ammui jo en. Tuldah, sid heidän aigah vie azun. A muite... Yksin olen, ga midä minule pidäy.

– *Sanokkua minul, kui keitinpiirait luadie? Hyvät ollah, a iče en malta...*

Ka tahtaste etgo malta azuda?

– *Kui? Pidäygo drožžit panna?*

Drožžit, ei pidäs niilõih. Ken kui azuu. Ken azuu, što voit ostau pačakaižen, voit, sid jäičät i sih tahtahan azuu, a minä maidonke segoitan. Sid panen peskut, siemenvoit sinne, suolad. Sit toiči jäičän panen, a toiči muga. Sid tahtahan obiknovenno kui sinule pidäy azut. Kuoret midä hoikembat, sidä parembi.

– *I peskuugo sinne pannah?*

Peskud libo riisud keittädä, libo pšenat. Sid rieht`iläle, voit siemenvoil, da sid piiraid otat rieht`iläle. Sid toižed čurad.

– *A nenne kartohkupiirait?*

Kartohkapiiraid, minä tože azun konzegi kui tahtahan. Konzegi azun maidoh, konzegi on vähäine ga kandateste panen.

– *Jauhuo mittustu pidäy ottua?*

Rugehiste.

– *Kai rugehizet... Pidäygo valgedu panna?*

Ken kui panou. Ken segoittau stolal, sid vähäižen vout panda, što olis parembi ajelda. Minä ende en pannu, a täs nygöi rugehen vähäižen panen, sidhäi parembi pyžytäh kuoret.

– *A jäiččia?*

Jäiččäd en minä pane rugehižeh kuoreh. ... Voit peskud panna vähäižen, štob oliš parembaine.

– *Midä kartouhkanke pidäy ruadua?*

Kartohkad kui pidäy, kuorittada da sid pyren azut, survot. Keität da survot da.

– *Pidäygo maiduo da voidu panna?*

Ka pyre kuibo azut? Maidod pannah libo void sinne enämbäine. Sid piiraile piäle konze panet, kuorele piäle, sid vie kandateste, kandatekseh jäičče libo prosto muga, ei kuorele, a kartohkale piäle. Sid päččih, prot’ivole. A sid päčispäi otat, sid voidat sulatul voil.

– *Passibo!*

Ei ni mil!

– *Вы карелка?*

Да.

– *И Ваши родители были карелами?*

Все карелы: бабушки, дедушки, мамы, папы. Папу я не знала. Полгода было, когда началась война, так там пропал.

– *А были ли у Вас братья, сестры?*

Брат был. Один брат был. Брат умер уже семь лет тому назад. Теперь осталась я одна, но племянники здесь, дети брата. Племянник живет в этой деревне, но редко приходят навещать.

– *А замуж Вы где вышли?*

Замуж я... Мы после Плоскозера жили в Лижме. Там я и замуж вышла. Потом там была полеводческая бригада. Ее закрыли. Потом сюда переехали жить. Здесь я всю жизнь проработала на звероферме до пенсии.

– *А Ваш муж?*

Строитель.

– *А он карел?*

Коренной карел.

– *А Вы разговариваете на карельском?*

На карельском разговаривали, а сейчас нет. Уже семь лет как нет мужа.

– *Сколько у Вас детей?*

Двое... Дочка младшая и сын. Сыну исполнится пятьдесят четыре года, а дочке пятьдесят один. Сын живет в этой деревне, а дочка в Беломорском районе.

– *Говорят ли дети по-карельски?*

Да Лида не говорит. Сын говорит. Невестка говорит. Они, смотри, росли. У брата была жена белоруска, и у мужа брата жена была белоруска. Там в Лижме когда жили, их дети разговаривали по-русски и наши тоже.

– *У сына есть дети?*

Один внук есть, сын. Он уже живет в Ленинграде. Двадцать пять лет ему. Там не знаю, на каком заводе. На работу устроился туда. Женат, а детей еще нет.

– *А внук говорит по-карельски или понимает?*

Да нет. Понимать, может, понимает, но не говорит.

– *А когда Вы были ребенком, разрешалось ли дома разговаривать по-карельски?*

Мы не умели по-русски ни аз, ни глаз, ни помилуй нас. После войны приехала сестра двоюродная, моего возраста была. Она во время войны была с мамой в Пудожском районе, а мы жили в оккупации, говорили ведь. Из Свири, как мама всегда рассказывала, что до Свири дошли, там финны уже Свирь заняли. Нас отправили обратно, сюда вернулись. Приехала та девушка, Валя, двоюродная сестра. Она говорит по-русски, я по-карельски. Я ее веду клубнику есть, она не идет. Дедушка переводил. Мне говорит: «Не трогай ее. Она сама придет». Я говорю: «Не придет!». А потом пока она жила с нами, там в Плоскозере с бабушкой и дедушкой, веришь, ничего не знала по-русски. А потом, смотри, сюда приехала, ее мама замуж вышла, тоже за учителя, а потом она больше по-русски говорила, покультурнее. Я больше по-карельски. Нас учили и по-фински, все предметы на финском языке. А потом, кажется, в шестом классе, сделали все предметы на русском. Потом вместо русской «и» напишешь финскую «и» и двойка. Садись, двойка!

– *Когда русский язык пришел в школу, было ли трудно учиться?*

Так по-русски... Смотри, у нас хоть все предметы были на финском, но на русском языке была литература и письмо, но так умели ведь разговаривать. Писать... это, конечно,... напишешь финскую букву в серединку и ошибочка.

– *Теперь в этой деревне Вы с кем разговариваете по-карельски?*

Ну вот, в моем возрасте... Совсем недавно была здесь из моей деревни женщина по имени Валя. С ней говорю и потом кто здесь есть, кто карелы.

– *А где карельский язык можно услышать, на улице, в магазине, где?*

Ну, в магазине продавцы все молодые, там все на русском разговаривают. У них мамы и папы карелы, а они по-русски. Там в магазине на русском надо. Раньше ходили в магазин когда, было время, придешь, по-карельски разговариваешь. Не умеете, по-русски – чтоб не разговаривали. Вот такие дела у нас.

– *А как Вы считаете, будет ли жить карельский язык дальше?*

Ну, не знаю, будет ли жить или нет.

– *Нужно ли, чтобы карельский язык был?*

Но мне теперь на старости лет все равно. Но вот молодым, внукам и кто здесь есть... Но дети, наверно, все говорят по-русски. Я не слышу, чтоб дети разговаривали по-карельски.

– *Где Вы работали?*

На звероферме. Сначала работа я в полеводстве, картофель и что там еще надо было, зерновые выращивали и сено косили и все, а тут, на звероферме. Звери были. Зверосовхоз. Там норок кормить нужно было, поить. Убирать их клетки и все. А потом осенью забой и шкурки пушнины, этой, не знаю, в Ленинград, где продавали. Потом опять туда сажали.

– *А что здесь на полях выращивали?*

Рожь выращивали. Я начала работать... тогда только рожь была. А потом, ну что, овес этот на силос вперемешку с горохом сушат. Но потом выращивали все эти корнеплоды, турнепс, огурцы в парниках выращивали, и эти, сахарные цветы кормовые, для зверей сюда привозили картошку.

– *А лен выращивали?*

Лен не выращивали. Лен выращивали, еще колхозы были, потом выращивали для себя. Вот у нас был посажен участок льна, потом была конопля посажена для себя. Потом их обрабатывали здесь, дома вначале сушили, потом мяли так, палкой этой, потом мама вычесывает, и сдавали, ткали для себя полотенца здесь и все.

– *Была ли у Вас скотина?*

Корова была у мамы и у нас. Я когда, это, квартиру дали, отдельно пошли жить, когда от матушки отделились, тогда корова была, затем в первый год были поросята и потом овцы были и куры...

– *А корову чем кормили?*

Ну, картошкой... для этого в печку горшок с картошкой положишь, затем это в питье, комбикорм покупали и сено вдобавок.

– *Сено сами заготавливали?*

Сами, конечно, кто же еще? Мы косили, а дети с бабушками сушили, с граблями. У всех была работа.

– *А скажите, что раньше ели, варили, пекли?*

Так пекли дома, раньше мама, например, я хлеб не пекла, а мама пекла тогда еще, хлеб сами дома из теста замешивали, а так пироги и ватрушки... Мама, а так они покупали овсяную крупу и еще ее в печке в горшке парит, затем сушит на противнях. Затем ее нужно помолоть. Из этого делали толокно. В пачках не такие, но дома лучше. Вот их нужно было еще на жерновах помолоть. Затем еще делали из ячменя. Ячмень выращивали сами, это вот ячменное толокно, из него тоже. Утром, когда маме нужно было пораньше, тогда варит кашу на толокне, потом поедим и на работу кто куда. Без работы нельзя было сидеть. У нас, смотри, отца не было, мы с дедом. Тогда все время приходилось быть с бабушкой. И дрова пилить, и бабушка ивовое корье сдирает, а я ветки домой для овец собираю. Потом отношу домой, в деревню, затем сушу ивовое корье и это, был в сельпо приемный пункт, туда сдавали в приемный пункт. Здесь всегда приходилось ходить в лес. Теперь смотришь, девушки и парни с сигаретой во рту ходят. Нечего делать, вот. Нет работы, вот. Ничего не поделаешь. Время идет...

– *А что Вы в печи печете?*

Я теперь ничего. Иногда когда растоплю посильнее, то пироги из дрожжевого теста, белого. А настоящие пироги редко. Пироги для зятя, конечно, готовлю, а эти пироги с картошкой уже давно не пекла. Приезжают, тогда для них пеку. А так... Одна я, что мне надо?

– *Расскажите мне, как пироги для зятя готовить? Вкусные они, а сама не умею...*

Тесто не умеешь что ли делать?

– *Как? Нужно ли дрожжи добавлять?*

Дрожжи, не нужно бы. Кто как делает. Кто делает, что масла покупает пачку, масло, потом яйцо и из этого тесто делает, а я с молоком замешиваю. Затем кладу сахар, подсолнечное масло туда, соль. Иногда яйцо кладу, а иногда так. Потом тесто обыкновенное как тебе нужно делаешь. Корочки чем тоньше, тем лучше.

– *И сахар кладут туда?*

Сахар или рис сварить, или пшено. Затем на сковородку, можно на растительном масле. Затем пироги на сковородку. Затем другую сторону.

– *А эти пироги с картошкой?*

Картофельные калитки я тоже готовлю, когда как тесто делаю. Когда замешиваю в молоко, когда есть немного сметану кладу.

– *А муку какую нужно использовать?*

Ржаную.

– *Вся ржаная... нужно ли белую добавлять?*

Кто как кладет. Кто замешивает на столе, тогда можно немножко добавить, чтоб корки лучше катать. Я раньше не клала, а теперь, вот, ржаную немножечко кладу, поэтому корки лучше, плотнее.

– *А яйцо?*

Яйцо я не кладу в ржаные корки.

– *А что нужно с картошкой делать?*

Картошку как надо, почистить и потом пюре сделать, намнешь. Сваришь и намнешь.

– *Нужно ли молоко и масло добавлять?*

А пюре как ты сделаешь? Молоко наливают или масла туда побольше. Потом когда сверху на пирог положишь, на корку, затем

еще сметану, в сметану яйцо или просто так, не на корку, а сверху на картошку. Потом в печь на противне. А когда из печи вынимаешь, смазываешь растопленным маслом.

– *Спасибо!*

Не за что!

Карелка 1929 г.р., ур. дер. Спиридон-наволок (Pirdoiniemi),
с. Крошнозеро (Nuožjärvi)
ФА 3734

– *Olettogo Työ rodivunnuh täs kyläs?*

Täs kyläs mami kai lapset sai, seiččeitostu lastu. Frontal oli kaksi. Minä četire kluassua tiä lopiin, nelli kluassua, a sit, kačo, voinu zavodih. Sit jälles enbo voinnuh uččiekseh, ei suannuh, evakuacii oli Arhangel'skoin oblastih, Plesetskii rajon, v derevne Ščykozero olimmo myö sie evakuacies. Sit neče, stanciele puutuimmo, sit pakiččemah kävyimmö. Vojennoi ešelon ajauhäi Vologdas da nečis ajau sit, net ollah nälghähizet. A vot, ku nečis Kirovaspäi tulou pojezdu, vojennoit sit, toinah annettih meile leibiä. A minul oli velli, nuorembi minuu, sit toinah sai. Sit meile oli hyvä eliä. Sie, kačo, normuhäi annettih. Myö olimmo pienet. Mamil vie kaksi lastu rodih – pikkaraizet brihaččuizet. Net sinne kuoltih. Seiččeitostu lastu sai.

– *Ongo Teijän mužikku täs kyläspäi?*

Minun mužikku ammui jo on kuolluh.

– *Oligo häi täs kyläspäi?*

Ei, ei. Häi Vedlozerskois oli. Häi tiä dorožnois ruadoi, dai minä ruavoin dorožnois. Sit poznamomilis, a sit yhtyimmö.

– *A kus Teijän lapset eletäh?*

Lapset eletäh... Tytär eläy Kostomukšas, a poigu linnas.

– *Olettogo Työ karjalaine?*

Minä karjalaine olen.

– *A Teijän vahnembat oldihgo karjalazet?*

Kai karjalazet.

– *Kenenke täs kyläs Työ pagizetto karjalakse?*

Sosiedkalluo kävyn. Sie pagizemmo myö karjalakse.

– *Ainosgo?*

Ainos karjalakse. Ven`an sanua da nimittumua sanua emmo pane. Oma kieli mejän on karjalaine. Karjalan sanua emmo unohta ni yhty. Elaigua ainos pagizemmo.

– *Kusbo Työ ruavoitto voinan jälles?*

Minä tel`atnicannu täs kyläs. Tel`atn`u jo on otettu. Kolmekymmen viizi vuotta, enämbän ruavoin, en ruohtinuh ottua ni yhty. Vazoi po kilogrammu privesi davala, rabotala. Ruaduo lyybiin. Minä lyybiin, kai mami čakkuau, midä nenga hätken. Viehäi vaza zaboleičči toiči, a sit hot` kui. A vot, kačo, midä ruattih. ...

– *Konzu Työ olitto lapsennu, saigo paista karjalakse?*

Kuib en. Nygöihäi karjalakse pagizen.

– *Paistahgo Teijän lapset karjalakse?*

Kui ei. Nygöi suovattan tulou poigu dai tytär tulou. Hyö karjalakse paistah minun kel.

– *Ongo Teil bunukkua?*

Bunukkua minul on, vuota, tyttärel on kaksi poigua da tytär, a poijal on kaksi – tytär da poigu. Linnas eletäh. A tämä Kostomukšas eläy, tytär.

– *Paistahgo bunukat karjalakse?*

Bunukat ei, a tytär da poigu karjalakse paistah. Bunukat vähäizel, naverno, ellendetäh. Hyö ollah ven`alaizet.

– *A midä mielä oletto, ruvetahgo ielleh pagizemah karjalakse?*

A en tiijä. Nygöi podružkal nečis on kodi. Hänellyö ainos karjalakse, ainos pagizemmo libo kus, ga karjalakse.

– *A nuoret ruvetahgo pagizemah?*

Meijän poigu hyvin pagizou dai tytär, a lapset ei. Neče oli, Van`a, tämä poijan, vunukku. Minä sanon: «Van`a, davai opastan karjalakse!» «Čto eto takoje?» – sit gu olis ven`akse sanuo, ven`alaine gu on.

– *Konzubo oli parembi eliä, enne vai nygöi?*

Nygöi on parembi, minä duumaičen. Enne kačo vai, nečis oldih kai pellt nenet, kai pandih vil`l`ua enne voinua, sit hernehty. Sit kai kävyimmö hernehty sinne ottamah, lapsinnu olimmo...

– *Midäbo karjalazet syödih enne, midä pastettih?*

Oi, karjalazet pastettih, raukku... Pyhäpäivy tulou, ga sit ku piirai, sit ku pyöröi, sit ku sulčinat, libo hapoit.

– *Kuibo sulččinoi pastetah?*

Pastetah neče kuori. Sit kuaššua azutah da sit sinne pannah.

– *Kuibo taiginua luajittih?*

Taigin? Taigin sevoitetah illal. Ennehäi meile, kačo, kolhoz oli, ga ainos pastua pidi mamil. Sevoitetah illal, sit taigin nouzou, sit sih ližatäh jauhuo. Sit pyöröit pastetah nengomat i kartouhkua pannan libo mittumuatahto krupua nenii. Oi, enne pastettih, raukku, dai sul’činat, dai... Pyhinpäivin ga sul’činat dai piirait dai...

– *Midäbo päčis keitetih?*

Päčis sie pastettih enne, da sit pandih suoppu sinne kiehumah, liha. Dai siehän kiehuu dai jo syvvä. Murginua syömmö.

– *Kedä žiivattoi enne piettih?*

Enne piettih lehmii, lammastu, poččii. A lammastu äijin piettih. Myö tože.

– *Milbo niilöi syötettih?*

Pannah konzu vahäine hot’ otrubii libo heiniä. Minä mamin kel kežräin. Mami opasti. Sit kežräin mittumua langua, ga... Vie nuori olin. Dai kuvoin paidua dai alaizii dai noskii dai kai.

– *A kuibo kuvotah?*

Viijel nieglal. Nelli panet, pujoitat nenit, a sit viijendel vai kuvo. Kuvoin, velli, noskua, alastu, kouffat, kai kuvoin. Minuu mami opasti kai.

– *Maltattogo kirjoindua?*

Minä en malta, a kuvoin, nečida, nenii, kui sanotah, pieluksii nenga. Sit sen puutammo da vie, nečidä, sydämeh panethäi sit dai nenga tože azuimmo niegloil. A sit net puutammo. Oi, hyvä oli ylen.

– *A sanokkua, midäbo enne ogorodas kazvatettih?*

Myö ogorodas kazvatimmo morkoufkua, laukkua. Ijän kaiken kartouhku, minul netuamba oli peldo suuri, a nygöi, tänä vuon, en ruvennuh panemah.

– *Voizittogo pajattua karjalaine pajo, častušku libo midägi?*

A častushkan...

Menin pellol – päiviä pastau,

Menin toizel – räčkyttäy.

Pirdoiniemes pajo kuuluu,

Nast’ua miehel annetah.

Iče Nast'a olen, ga...

– *A vie midägi...?*

Älä, mamine, čakkaile
Päiväs kahtu kerdastu,
Roih vie sinul moin aigaine,
Et näi vuvves kerdastu.

– *A pajuo karjalastu?*

Pajuo karjalastu... En musta nimidä.

Lasketakkua brihat hevot,
Iče mengiä maguamah.
A mie lähten lehtisaduh,
Saduh kaivuo kaivamah.

Kaivoin, kaivoin minä kaivuo
Višnevoissa savussa.
Eigo tule čoma briha
Kaivoh vetty ottamah.

Ei, čoma neidine pidi sanuo. Olgah, en malta, unohtin jo kai.

– *Passibo Teile.*

– *Вы в этой деревне родились?*

В этой деревне мама всех детей родила, семнадцать детей. На фронте были двое. Я четыре класса здесь окончила, а потом, смотри, война началась. Потом после не могла учиться, нельзя было, эвакуация была в Архангельскую область, Плесецкий район, в деревню Щукозеро, были мы там в эвакуации. Потом, это, попали на станцию, потом попрошайничать ходили. Военный эшелон едет ведь из Вологды и здесь проезжает, там голодные. А вот как из Кирова поезд едет, военные вдоволь нам хлеба давали. А у меня был брат, младше меня, ему доставалось хлеба. Там нам было хорошо жить. Там, смотри, ведь норму давали. Мы были маленькие. У мамы

еще двое детей родилось – маленькие мальчики. Они там умерли. Семнадцать детей родила.

– *А Ваш муж родом из этой деревни?*

Мой муж уже давно умер.

– *Он был родом из этой деревни?*

Нет, нет. Он из Ведлозера был. Он здесь в дорожном работал, и я работала в дорожном. Потом познакомились и сошлись.

– *А где Ваши дети живут?*

Дети живут... Дочка живет в Костомукше, а сын в городе.

– *Вы карелка?*

Я карелка.

– *А Ваши родители были карелами?*

Все карелы.

– *С кем в этой деревне вы разговариваете по-карельски?*

Хожу к соседке. Там мы разговариваем по-карельски.

– *Постоянно?*

Постоянно по-карельски. Русские слова и никакие другие не употребляем. Наш родной язык – карельский. Ни одного слова по-карельски не забываем. О жизни все время разговариваем.

– *Где Вы работали после войны?*

Я телятницей в этой деревне. Телятню уже разрушили. Тридцать пять лет проработала, больше проработала, ничего не решалась брать. Телятам по килограмму привеса давала, работала. Работу любила. Я любила, даже мама ругает, чего так долго. Еще ведь теленок иногда заболит, а потом хоть как. А вот, посмотри, что сделали.

– *Когда Вы были ребенком, разрешали ли говорить по-карельски?*

Как же нет. Сейчас ведь по-карельски разговариваю.

– *Говорят ли Ваши дети по-карельски?*

Как же. Теперь в субботу придут сын и дочка. Они со мной разговаривают по-карельски.

– *Есть ли у Вас внуки?*

Внуки у меня есть, подожди, у дочки два сына и дочь, а у сына – дочь и сын. В городе живут. А эта в Костомукше живет, дочка.

– *Говорят ли внуки по-карельски?*

Внуки нет, а дочь и сын говорят по-карельски. Внуки немножко, наверно, понимают. Они русские.

– *А как Вы думаете, будут ли и дальше разговаривать на карельском?*

А не знаю. У подружки здесь есть дом. У нее всегда по-карельски, всегда говорим или еще где, так по-карельски.

– *А молодежь будет ли говорить?*

Наш сын хорошо говорит и дочка тоже, а дети нет. Этот был, Ваня, сына, внук. Я говорю: «Ваня, давай научу карельскому!» «Что это такое?» – ему бы по-русски говорить, русский ведь он.

– *Когда было лучше жить, раньше или сейчас?*

Сейчас лучше, я думаю. Раньше, смотри, были везде поля, до войны даже сажали зерновые, затем горох. Даже ходили туда горох собирать, детьми были...

– *А чем карелы раньше питались, что пекли?*

Ой, карелы пекли... Воскресенье придет, тогда и пироги, и круглые пироги с начинкой, и сканцы или кислопряженцы.

– *Как сканцы пекут?*

Выпекают корку. Потом кашу варят и туда кладут.

– *Как тесто делали?*

Тесто? Тесто замешиваю вечером. Раньше у нас, смотри, колхоз был, маме постоянно приходилось печь. Замесят вечером, затем тесто поднимается, потом туда добавляют муку. Потом круглые пироги выпекают такие и картошку кладут или крупу эту. Ой, раньше пекли, так пекли и сканцы и... По воскресениям и сканцы пироги и...

– *Что в печи готовили?*

В печке пекли раньше, потом ставили туда суп вариться, мясо. Там он прокипит и можно есть. Обедаем.

– *Какую скотину держали раньше?*

Раньше держали коров, овец, поросят. Овец помногу держали. Мы тоже.

– *А чем их кормили?*

Кладут хоть немного отрубей или травы. Я с мамой пряла. Мама научила. Пряла такие нитки что... Еще молодая была. И рубахи вязали, и рукавицы, и носки, и все.

– *А как вяжут?*

На пяти спицах. Четыре берешь, нанизываешь нить, а потом на пяти только и вяжи. Вязала носки, рукавички, кофты, все вязала. Меня мама всему научила.

– *Умеете ли Вы вышивать?*

Я не умею, а обвязывала эти, как называются, подушки так. Потом ее зашиваешь и еще, это, подушку набиваем и так тоже спицами обвязываем. Потом это зашиваем. Ой, хорошо было очень.

– *А скажите, что раньше выращивали в огороде?*

Мы в огороде выращивали морковь, лук. Всю жизнь картошку. У меня там поле было большое, а теперь, в этом году не стала сажать.

– *А можете ли Вы спеть карельскую песню, частушку или что-нибудь еще?*

А частушку...

Пошла на поле – солнце светит,

Пошла на другое – треск стоит.

В Спиридон-наволоке песня слышится,

Настю замуж выдают.

Сама Настя, так....

– *А еще что-нибудь?*

Не ругай меня, мамочка,

В день да по два раза,

Наступит у тебя такое времечко,

Не увидишь меня в год ни разочка.

– *А песни карельские?*

Песни карельские... Ничего не помню.

Распрягайте, хлопцы, кони,

А сами идите спать.

А я пойду в лиственный сад,

В сад колодец копать.

Копал, копал я колодец в вишневом саду,

Может быть, придет красивый парень

Зачерпнуть из колодца воды.

Нет, нужно было сказать красивая девушка. Ладно, не умею, уже все забыла.

– *Спасибо Вам.*

Карелка 1937 г.р., ур. дер. Афанасьева Сельга (Ahpoiselgä),
дер. Важинская Пристань (S'imaništo)
ФА 3745

– *Mibo tämän kylän nimi on?*

Tämä kylä on Važinskaja Pristan'.

– *Ongo se karjalaine nimi?*

No Važinskoi tože, nečidä sanottih.

– *Olettogo Työ karjalaine?*

Iče olen karjalane.

– *Sanokkua minul omas elajjas.*

Nu kuin minä sanon? Ahpoiselgäs eliin, sid linnas eliin, Petroskois. A sid tuliin otuskah, sid mužikanke vstretilis' i vot poženilis'. Häin Kaškanaspäi oli. Nu vot i potom mi žili skol'ko? Počti p'at'des'at' let... Sid kuoli. No häin oli ylen ruadokas mužikku. Häin, en tie, konzu otdihai, vobsče yöd dai päiväd sčitai ruadoi. Tämän kodin iče strojii, yksinä juuri. I potom, lehmäd kačoi. ...Lehmän kačoi, vie meččäh kävyi ruadoh. Nu rostom hot' mal'en'kii bil, no šustrii mužik. Dočka tože moine rodihes. Tože ruadokas, muzikan ruadod kai ruadau. Tože gribah meni, da kai ruadod, neče... To haugod piliy iče tytär.

– *Häi täs kyläsgo eläy vai ajalou linnaspäi?*

Häin eläy linnas. Hänel on kolme lastu. Brihačul on vahnemba kaksi kymmen nelli vuotta, toine on armijes, i tytär on, seiččietostu vuotta... Tuli täh, tože pili haugod, lesovozu halgod tuodih, tože häin pili polovinan, puolen lesovozan häin pili, a potom poigah tuli. Poigah ostal'noi pili. I haugod tože. Nu kai mužikan ruadod ruadau.

– *Ongo Teil vie kedä lapsis?*

Minul häin on yksi. Muudu nikedä ei ole jo. Abutetah kai ruadod i levot midä kai... Kartošku tože kaivettih, kaivoi häin. Da minä abutin kaivada, da sid kai kohtaizet pakottau, en voi nimidä jo nečidä abuttada. ... A muarjat tože häin minun joga vuotta kerädäy dai kai. Dai kartoškat

abutetah kaivada. Nygöi kanoid vie pidän. Koza oli. Sid mužikanke elimmö, ga oli kaksi lehmäd. Lehmii kävi mužikke iče paimeni vot täs yksinäh eli. Nu, nečidä kuin sanotah, mužikke oli ylen hodovoi, i tytär tože, dai poigu oli muga... Tytär muarjah kävelöy do p'at'i, muarjah kävelöy mečas. Pol p'atogo ili kak četire prid'ot, tak tulou kodih iäreh. Tože pidäy, hot' mittuot den'gat suada. Lapset oldah. Tože kolme on. Yksi se ruadau briha, vahnembi, a nuorembi, ka armijes on. Ga midä abuttau? No se on tože kui diedo, ruadakas, jogo kohtaizen punaldau, dai tulou i niittäy peldod, nened niityd dai halgod dai kai vobsče. Minä i sanon: Sinä olet diedo. I pohoži oldah, fotografien vot toi muamoh, tože fotografien, kačon, ka pohože oldais diedonkel. I häin radujetsja, što diedoh on pohože. Lesotehnikum končil, vot eto. Tak tože jälgeh armijedu kunne ruadoh puuttuu. Ruadoloinke ei äijän olda. A vahnembi ruadau svarsčikannu, no tože ruadod eule zavodas, istutah sigä, a piässetty ei. Hot' täs tulis ka ruadas midä tahto. A ruadamatta hyö ved' roittahes len'ivoit, jälgeh ei ruveta nin... Ka hot' iče konze divanal istun tože, jo ei himoita tože ruata, a muga häin oteta. Vot.

Nu jablon'at istutimmo diedonkel tože kai. Nenet jo omat juablokat, vot. Oi, tänävuoden yhtes juablokkua ei ole, a toizes on, no net myöhäizet oldah. Kartoškat kai nečis. Kaivoi tože, kaivoi iče diedo. V obsčem diedo oli, mostu mužikkad nygöi ole ei, no tämä srednoi brihačču rodih juuri diedo. Jogo kohtaizeh hypättäy dai ruadau, dai. Ku tulou, kylyn häin lämmitäy, kuni armijes ei ollu. Ei pidänny sanuo: Mene kylyh, lämmitä, libo midä tahto vedet da kai. V obsčem, lapset moločat oldah. Abutetah äijy. Dai neičykky tože. Nu neičykky, kuin sanotah, räkki kezä oli ka, hänel himoittau enimäl neičykänke zagaraimah käydä. Toiči minä čakkan tak, čakkuo libo älä. No tože kartoškan tämän peldoizen myö hänenke kaivoimmo tänne. Tože väzyi, nostajes kartoškoin tože, sivuh andau. Mua jygei on ylen. No täs Karelis yhtet kived oldah muad. Täs ajat kanuavoit, nečidä ka, kai on kak budto on siemetty. Jogo vuottu kived nostah, nengomat boldugat. I brihačut vot tože niilöi kivilöi mäčketäh, nosteltah. Traktori ei tule kyndämäh. I kai kived pidi nostua iäreh. A muga täs kyläs... Nu kalale vie käydäh tože brihačut, veneh ostettih tože, kalat suadah dai kai. I kuivažimmo kalat tože. Nu milto pidäy elie, joute et istu vet' tädä, kui sanotah. A tak...

Ahpoisalgäs tože meile ei ole nikedä. Dačnikat eletäh tože. Verhnivažinskas tože nygöi dačnikat bol'šinstvo eletäh. Tože kylät ka pustovat' budut. Vot, a mostu midäbo, kui sanotah... Kyläs hyvä oliz, dai täs tože nygöi hot' ruadajat pandaz da srojittaz midä, kartoškat istutettaz, libo mid. Nimidä absol'utno. Da jogo sijas nygöi on muga. Ei kazvateta nimidä. Hot' žiivattoi pidettaz, libo midä tahto. Minäbi počin ottazin, a ka vidiš, varaidan, mennyt vuoden olin kaksi kierad boln'ičas... A ota žiivatta, kenbo kaččou? Kyläs nikedä ei ole. Jesli oliz kyläs eläjät, ka jo kačottaz midä tahto. A nyg kanat otiin, ka sarai vilu on, en tie rubetah munimah, neče. Mulloi hor'ku kai kanat söi, rikoi. Nu, sosiedal tože, viizi kanad tože rikoi. A muga täs on kylä pustoi. Nikedä ei ole. Ende oli, avtobusal ajat Verhnivažinskajas huondeksel libo ehtäl jogo talois tuli paloi. A nygöi ni tuldu da nimidä ei ole. Kai končaittihes.

– *Äijängo kerdua nedälis tänne avtolaukku kävyv?*

No nedälis avtolaukku kolman päivän, a talvel ei vedä häin, tämä Verhnivažinskas. Rahvaste ei ole. Tyhjäh tulda. No minul täs leningradskoit eletäh, vot tädä. Ka häin produktah joga nedäli ajelou Svjatozerah. Ka häin tuou minul produktat. Maidoh ajelou ka. Nasčet etogo heile suuri passibo minä sanon. Vobsče hyvät. Dai Prižžäh bol'ničeah vedeltih, istummo heijenke dai kai. No moizie rahvahie vähä kus on. Vot. Hyö Leningruadaspäi oldah. Ka hyvät rahvahat oldah, konečno. Jogo kieral. I kai produktat i nygöi andoin bumažkan, midä tuoda, lekarstvad dai kai. Eigo lekarstvad ole, eigo nimidä, täs elät, nygöi kai lopittihes. Ende joga aptiekas oli, pos'olkkah. Bol'ničča oli mittyine suuri Verhnivažinskas, na tridcat p'at' mest oli. Dai rahvaste oli, dai buabot kai sigä viruttih, dai kai... A nygöi ni bolniččad da nimid. Yksi ambulatorii on sid bolničas da i vs'o. Medsestru ruadau i vs'o. A pos'olka oli mittyine suuri. Kolmesadad seiččeitostu učenikkad oli, sigä, tol'ko. A nygöi ei ole ni lastu da nikedä ei ole. Nu, nuorižot oldah, no...

Myö tože Urualal ajelimmo, voinu azui ka, zavodihes v sorok pervom. Tože rahvahat, sosiedat to kartoškad keittoh annettih, mustan vot. Sid lehtelis, lik, likovoi lehtis, kyrzie pastoimmo, mama pastoi. Sid moine oli päčči železnoi, truba dlinnoi oli. I vot sih kartoškat leikod i kartoškat panet i syöt. Vot. Tože oli jygei tože eliä, tože kyläs tože rahvastu ei ollu, tože Urualal myö elimmö. Tože jygei oli eliä. A nygöi täs hot' midä

elä sano, ka gosudarstva abuttau heile, rahvahile bednoloile. A sid meile ei häi gosudarstva da ni miä abutannu, sovetskoin vluastin aigah...

Vot. Muga minä sanon. A nygöi jo priviknimmo, yksin elän, nu koirankel, koirankel. Da ehtäl pagizen libo midä tahto, ili menet čiepinke, libo zagul'aiččehe, sid tulou heijen vot lenengradskoi koiru kävelöy, tulou tänne. Hänenke nedäli yhtes svad'bod pidetäh. Vot. I sid, jo jälgeh, svuad'bu loppehes, minä sanon: mene kodih iäreh. Häin kodih lähtöy, a muga sinne aidah ei laske. Sid kui ärižu, dumaiččou minä hänen iäreh ajan. I sid vot koiru on mittyine heijen. Konzu gul'aiččou, koirun meijenkel, kiimu konččihes i häin tuou syömizet. Emändy syöttäy hänen, häin tuou syömisty, naverno, miskan täydennen kai. A minä ka... A kieran, enzi kieran gu toi, minä duumain: Ken nenet otuavat toi, nečen vermešelin, pr'amo do kril'ca, pordahin luo pani sih syömizet. Duumaičen, možet ken toi, čtob otravizih koiru. Nu vot. A minä otin da hänen net syömizet keräžin, andoin, ortavin, neto hot' gul'aimah et rubie. I koirale andoin, net söi, a sid rubei počti každoi päivän. Hyö syötetäh sigä, häin syöy, nu kui hukil, lähtöy suuspäi, i kai syömizet tuou tänne, syöttäy. Sid konzu soau, soau poigad, tože syömizet tuou. Parembi mužikkad, vot kak on! Sanot, koirad ei, a koirad vie enämbän uhaživaittah akkoid, čem mužikat. Ne, pravda, pravda. Kak jest', tak ja tak govor'u. Daže lihad annetah, daže lihapalad pureittelou i kai tuou tänne koiru. A nygöi tulou tänne, minun nečidä, a vierahih ei laske pertih, heilä on aiduzabor i nikedä ei laske, a minä tulen, minä sanon: T'osča prišla. Vot. Minuh päi kaččou vot tädä, nu vot, minä sanon: Älä iännä! – minä sanon. – Minä s'eičas proidu. I laskou minu, ei pure da nimidäbo. I magatta vieröy sih neččih lat't'iele. Moine on umnoi koiru heil, mustu. Joga huondes on, jo načinaičet gul'aimah, jo häin täs vaste istuu nečis. Jo minä sanon: Kaiken peldon, kačo, proi... Kenhäi meijen jälged oldah, tąz on suured jälged. Minä sanon: oldahas libo ei, sinun koiru kävy, kučču tänne, minun verandal on salbattu, a häin haukkuu täs, čtobi minä händy piästäzin. Libo toizes pertis magadan minä i sigä haukkuu, štobi huondeksel minä piästäzin. A nygöi gul'aiččou, niin ka minä sanon: Midä sinä tulet, haukut tyhjiä. A tulou, minä sanon: Matkua iäreh kodih. Kaččou minuh päi i lähtöy iäreh kodih. Nu nengostu koirad meijän Verhnevadžinskas ei ollu, štob syödä tuodas vierahalla koiralla. A häin kai

syömizet tuou. A sid minä heile sanon, ka sid sanon: Nygöi rubiemmo, sanon, tämä... Teijen koiru tuou syömizet. Vie ei ammui, tuo, naverno, poigan sai, nu mejän zabolieččihez, a nečidä, hänel allergija oli, hänen karvat kai lähtietih iäreh, češets`a dak. A potom tädä, kui sanotah, häin kävvy, tuou syömizet i iäreh pyhkäldäy. Minä sanon: Mene, mene kodih iäreh. I aidah, sinne sydämeh jo ei, ni minud ei laske, daže izändy tulou ottamah kodih hände i tože haukkuu. Nu nengostu koirad, minä sanon, vot ei ole vie kyläs. Moine on. Hyvä koiru on heijen. Da i mejen on hyvä koiru, hyvät porodat. Nu mejen, vidiš, nu neičykky, neičykky i on. Hälle pidäy aivin, dak aivin čiepis on, neččie juoksendelda himoittau, a heijen välläl kävelöy da aidan sydämes on, ga välläl on. I tulou, nu vieraste ei laske, kieran, sanou, humalniekku tuli, ka händy kädes hvatanula, nu koirat humalniekkoi ei l`ubita, jesli humalas tulet, značit ei l`ubita heidy, vot eto... Muga kylä on hyvä, dai rahvahat oldah kai hyvät, spokoinot...

– А как эта деревня называется?

Эта деревня Важинская Пристань.

– Это карельское название?

Ну, Важинской тоже ее называли.

– Вы карелка?

Сама карелка

– Расскажите мне о своей жизни, о чем больше хотите.

Но как я скажу? В Афанасьевой Сельге жила, затем в городе жила, Петрозаводске. А потом приехала в отпуск, потом встретилась с мужем и вот поженились. Он из Кашканов был. Ну, вот и потом мы жили сколько? Почти пятьдесят лет... Потом он умер. Но он был очень работающий мужик. Он, не знаю, когда отдыхал, вообще дни и ночи, считай, работал. Этот дом сам построил, совершенно один. И потом, за коровами смотрел... За коровой смотрел, еще в лес ходил на работу. Ну, ростом хоть маленький был, но шустрый мужик. Дочка тоже такая уродилась. Также трудолюбивая, всю мужскую работу делает. Также по грибы ходила. То дрова пилит, сама дочка.

– Она в этой деревне живет или ездит из города?

Она живет в городе. У нее трое детей. Сыну старшему двадцать четыре года, второй в армии и дочка есть, семнадцать лет... Приехала сюда, тоже дрова пилит, лесовоз дров привезли, тоже она половину распилила, половину лесовоза распилила, а потом сын приехал. Сын остальное распилил. Всю мужскую работу делает.

– *А у Вас есть еще дети?*

У меня она одна. Больше никого нет. Помогают, всю работу, и крышу, и все... Картошку тоже выкопали, она выкопала. И я помогла копать и из-за этого все болит, ничего не могу помогать... А ягоды она мне каждый год собирает и все. И картошку помогают копать. Теперь кур еще держу. Коза была. Когда с мужем жили, две коровы было. Коров муж сам пас, вот здесь один жил. Ну, как сказать, мужик был очень ходовой и дочка тоже, да и сын... Дочка за ягодами ходит до пяти, за ягодами ходит в лес. Полпятого или в четыре возвращается домой. Также нужно хоть какие-нибудь деньги зарабатывать. Дети есть. Также трое. Один сын работает, старший, а младший в армии. Чем поможет? Ну, он тоже как дед, работающий, везде успевает, и поле скосит, эти пожни, и дрова спилит и все вообще. Я и говорю: «Ты как дед». И похожи, фотографию вот мама его принесла, тоже на фотографию смотрю, так похож на деда. И он радуется, что на деда похож. Лесотехникум закончил, вот это. Так тоже после армии куда на работу устроится? С работой туго. А старший работает сварщиком, но тоже работы на заводе нет, сидят там, а не отпустили. Хоть бы сюда приехал и поработал чего-нибудь. А без работы они ведь будут лентяями, потом не будут ни... Так хоть сама когда на диване сижу, уже тоже не хочется работать. Ну, яблони посадили с дедом тоже все. Это свои яблоки, вот. Ой, в этом году на одном дереве яблоки есть, на другом нет, но они поздние. Картошка здесь вся. Копал тоже, дед копал. В общем, дед был, таких мужиков теперь нет, но этот средний парень очень на деда похож, везде успевает, работает. Как приедет, баньку стопит, пока в армии не был. Не нужно было говорить: «Иди баньку истопи или воды принеси». В общем, дети молодцы. Помогают много. Да и девочка тоже. Ну, девочка, как говорится, жаркое лето было, так ей больше хочется с девочками загорать пойти. Иногда я ругаю, но ругай, хоть не ругай. Но тоже этот

огородик мы с ней выкопали. Тоже устала, поднимая картошку, в поясницу дает. Земля очень тяжелая. Но здесь, в Карелии одна каменная почва. Здесь едешь, канавы, все как будто засеяно. Каждый год такие камни поднимаются, такие бульжники. И парни тоже эти камни мячкуют, поднимают. Трактор не приезжает пахать. И все камни пришлось убирать. А так в деревне... Ну, на рыбалку еще ходят, тоже парни, лодку купили тоже, рыбу ловят и все. И сушили бы рыбу тоже. Ну, как-то ведь надо жить, без дела не посидишь, как говорится. А так... В Афанасьевой Сельге тоже у нас никого нет. Дачники живут тоже. В деревне Верхние Важины тоже теперь дачники живут в основном. Тоже деревни все пустовать будут. Вот, а так что еще, как говорится... В деревне хорошо было бы, и здесь тоже теперь хоть работников бы наняли и построили что-нибудь, картошку бы посадили или еще что-нибудь. Ничего абсолютно. Да теперь везде так. Ничего не выращивают. Хоть бы скотинку держали или чего-нибудь еще. Я бы поросенка взяла, но видишь, боюсь, в прошлом году два раза была в больнице... А возьми животное, кто будет смотреть? В деревне никого нет. Если бы были в деревне жители, посмотрели бы. А теперь кур взяла, но сарай холодный, не знаю, будут ли нестись. В прошлом году хорек всех кур поел, убил. У соседей тоже пять кур, всех погрыз. А так деревня пустая. Никого нет. Раньше, бывало, на автобусе едешь из деревни Верхние Важины утром или вечером, так в каждом доме свет горел. А теперь ни света, ничего нет. Все закончилось.

– А сколько раз в неделю сюда автолавка ездит?

Ну, за неделю в среду приезжает автолавка, а зимой не приезжает, это из деревни Верхние Важины. Людей нет. Впустую ездить. У меня здесь ленинградские живут, вот это. Так он за продуктами каждую неделю ездит в Святозеро. Так он привозит мне продукты. Даже за молоком ездит. На счет этого я им большое спасибо говорю. Вообще хорошие. И в Пряжу в больницу возили, сидим с ними. Но таких людей мало где встретишь. Вот. Они из Ленинграда. Но хорошие люди, конечно. Каждый раз. И все продукты и теперь дала бу-мажку, что привезти нужно, лекарства и все. Ни лекарств, ничего нет, здесь живешь, все закончилось. Раньше в каждом поселке была

аптека. Больница была какая большая в Верхних Важинах, на тридцать пять мест была. Да и людей было, бабушки даже там лежали... А теперь ни больницы ничего. Одна амбулатория в больнице и все. Медсестра работает и все. А поселок какой большой был. Триста семнадцать учеников было только здесь. А теперь ни детей, никого нет. Ну, молодежь есть, но... Мы тоже на Урале были, война все сделала, в сорок первом началась. Тоже люди, соседи картошку на варку давали, помню. Потом из листьев, лык, лыковых листьев лепешки пекли, мама пекла. Печка такая была железная, труба длинная. И вот туда картошку нарежешь, положишь и ешь. Вот. Тоже было жить тяжело, тоже в деревне людей не было, тоже на Урале мы жили. Тоже тяжело было жить. А теперь здесь хоть что говори, государство помогает им, бедным людям. А тогда нам государство ничем не помогало при советской власти.

Вот. Так я скажу. А теперь уже привыкла, одна живу, ну, с собакой. Вечером разговариваю с ней или еще чего-нибудь, или пойдешь с цепью, или она загуляет, тогда приходит ленинградский пес. С ним неделю вместе свадьбу играют. Вот. А потом свадьба заканчивается, я говорю: «Возвращайся домой». Он домой идет, а так за забор не пускает. Потом как зарычит, думает, я его прогоняю. Вот такая у них собака. Когда погуляет с нашей собакой, течка закончится, и он приносит еду. Хозяйка кормит его, а он приносит еду, наверно, целую миску. А я... А однажды, в первый раз когда принес, я подумала: кто эту отраву принес, эту вермишель, прямо к лестнице положил еду. Подумала, может, кто принес, чтоб отравить собаку. Ну вот. А взяла и эту еду собрала, а отравишься, хоть гулять не будешь. И дала собаке, та съела, а потом начал почти каждый день. Они покормят там, он съест, ну, как у волков, в пасти и всю еду сюда тащит, кормит. Когда родит щенков, тоже еду приносит. Лучше мужика. Говорят, собаки еще больше ухаживают за своими невестами. Нет, правда, правда. Как есть, так я и говорю. Даже мясо дают, даже мясо покусает и все принесет сюда собака. А теперь придет сюда, а чужих не пускает в дом, у них забор и никого не пускает, а я приду, говорю: «Теща пришла». Вот. На меня посмотрит, ну вот, а я говорю: «Не ори!» – говорю я – я сейчас пройду». И пропускает меня, не кусает и ничего. А спать

ложится сюда на пол. Такая собака умная у них, черная. Каждое утро пойдешь гулять, он уже здесь сидит. Уже я говорю: «Смотри, все поле пробегал...». Это не нашей ведь следы, здесь большие следы. Я говорю: «Как хочешь, твоя собака приходит зовет. Веранда у нас закрыта, а он лает здесь, чтобы я свою собаку отпустила». Или в другой комнате я сплю, так и там лает, чтобы утром отпустили. А теперь гуляет, так я и говорю: «Чего ты приходишь, пустого лаешь?». А придет, я говорю: «Иди домой». Посмотрит на меня и идет домой обратно. Ну, такой собаки у нас в Верхних Важинах еще не было, чтобы еду приносила чужой собаке. А он всю еду приносит. А я тогда им говорю: «Теперь будем, говорю, это... Ваша собака всю еду приносит». Еще не так давно та, наверно, щенка родила, ну, наша заболел, а это, аллергия была, даже шерсть вылезла, чешется так. А потом это, как говорится, он придет, принесет еду и убегает. Я говорю: «Иди, иди домой». И за забор и даже меня не пускает, даже хозяин придет домой забирать и тоже облает. Ну, такой собаки, я уже сказала, не было в деревне. Такой он. Хорошая собака у них. Да и наша собака хорошая, хорошие породы. Ну, наша видишь девочка, девочка и есть. Ей всегда нужно, так всегда на цепи, бегать хочется, а он больше на свободе гуляет и за забором, но на свободе. И приходит, но чужих не пускает, однажды, говорит, пьяница пришел, так его за руку хватанула, ну, собаки пьяниц не любят, если пьяный придет, значит не любят их, вот это... Так деревня хорошая, да и люди все хорошие, спокойные.

Карел 1960 г.р., ур. с. Эссойла (D'essoilu),
дер. Крошнозеро (Nuožjärvi)
ФА 3746, 3747

– *Olettoگو Työ karjalaine?*

Karjalaine. I died^oi karjalaine, i buaboi karjalaine, i muamo, i tuatto karjalaine. Kai karjalaiset ollah.

– *No, sanokkua minule omas elaijas, lapsusaijas da sidä midä Työ iče tahtotto.*

Täs voibi suarnua sanuo puolekse päiviä.

– *Ga sanokkua.*

No died'oi, buaboi – sie kai Vieljärven čupuspäi ollah. Semmoizii kylii nygöi jo eulo. Died'oi on Salosuarepäi, buaboi – Korbinimespäi. Buaboi, muamon, on Il'ialaspäi, no died'oida en tiijä. Händy tapettih voinal. Lopin Vieljärven školan. Kaksitostu vuottu uidelin. Nain, koin strojin, kaksi poigua kazvatin. Nygöi sovhozas ruan Priäžäs. Penziessäh on vie vuozii.

– *Konzubo tulitto täh kyläh elämäh?*

Enzimazen venčan panin avgustal yheksäkymen kaksi. Kaksi vuottu strojin. Sygyzyl yheksäkymen nelli tulini elämäh. Kogo ijän čamodananke et kävele. Pidäy rannal tulla. Kaksi lastu. Akku sanoii: «Kuundele, ei sua kogo ijän čamodanoinke käveltä. Pidäy rannale mennä».

– *A Teijän akku, ongo häi täs kyläspäi?*

Nuožjärvilaine. Häi on nygöi penziel, školan ruadau pouvarinnu.

– *Työ kudualbo kielel akanke pagizetto?*

Kielastua vai oigieh sanuo? Ven'akse, no konzu pidäy, voimmo karjalakse.

– *A lapsienke?*

Se jälgimäine polvi, kudai pagizou karjalakse, se minun polvi. Lapset, tiijät, gu koiru – kai tiedäy, tiijustau, no sanuo ei voi nimidä.

– *Kusbo Teijän lapset eletäh, täs kyläsgo vai linnas?*

Vahnembaine poigu Baltiekal merel mehuaniekannu ruadau, a nuorembi poigu Kronštatas sluužiu.

– *Sanokkua, pidäygo, gu hyö paistas karjalakse?*

No, semmostu mieldy olen, tiijät, gu vie sanotah rahvas. Oli minul dovariššu, karjalaine mies. Hänenke zavodimmo karjalakse paista bitovkas, sanotah: «Govorite po-russki!»... Meih kačotah, gu inoplanit'aniloih, karjalaizih.

– *Täs kyläs kenenke Työ pagizetto karjalakse?*

Kyläs... Kyläs gu näit karjalaizen, gu kiändyy piäs mielet, hänenke pidäy paista karjalakse. Tiijät, gu karjalakse zavodit paista, hyö jo sinuh kačotah, gu omah, gu rodn'ah rouno, tiijät. Gu karjalakse pagizet, hyö iče zavoditah karjalakse paista. ...Minuu kyläs kaikin tietäh. Jongoi vastah tullah, jo zadoditah karjalakse pagista. Ei pie ezmäi zavodie.

– *Ongo äijy mostu ristikanzua, ken pagizou karjalakse vai vähä jäi?*

No, minä jo omua piädy, omii silmii myöte tiijän kenenke pidäy karjalakse paista, kenenke pidäy ven'an kieldy. ... No, kyläh tulen, minä voin paista karjalakse. Kentah tuttavu puuttuu, ken laukkah tulou, buaboi sie, naizet, jongoi kuduat ollah vuozis. Miesty ylen vähä. Miehet kaikin kuoltih. Vähä ken karjalakse...

– *Enne enämbigo paistih karjalakse?*

Enämbi. Minä sanozin, se kieli jo kuolemas on. En tiijä kui ielleh se lahtöy. Minä gu plavaniespäi tulen, sie ainos ven'a, ven'an kieldy. ...

– *Ongo Teile sizardy, vellie?*

Minuu? Kaksi vellie on.

– *A heijänke Työ karjalakse pagizetto?*

Konzu pidäy, myö vellinge karjalakse pagizemmo. Hyö hyvin tietäh karjalan kieli.

– *Konzu Työ lapsennu olitto, kois vai karjalakse paistih?*

Se oli jo prošlii vek. Se oli Brežnevan aigu, tiijät. Emmo ni sadiekkah känyh. Meile oli sadiekku buaboin luo, rinnal. Buaboinke kazvoimmo, sendäh meile i kieli tarttui.

– *A oligo semmostu, gu sanottih «Älä pagize karjalakse, ei sua paista karjalakse»?*

No, semmostu ei sua sanuo, što ei sanottu. Gu školah lähtet, gu ven'an kieldy enämbi. Oli propogandu ven'an kielen. Školas ainos pidäs paista ven'an kieldy. Ven'an kieli – se on toine kieli. Sanat ollah segoitettu. Nygöi paistah puolet sanat ven'akse, puolet karjalakse.

– *Midä mieldy Työ oletto, konzu elaiгу oli parembi, enne vai nygöi on parembi?*

Mittuizil silmil kaččuo. Joga toine kaččou elaijah omil silmil. ... Kaikenmostu elaiгуa pidi eliä. Elimmö myö i Brežnevan elaiгуa, i vähäizen tabaimmo Andropovua. Minä olin pieni lapsi. Minul äijygo? Nelli vuotta, konzu Hruščov oli. Minä sidä ni musta en. Minä vai Hruščovan žurnualan mustan, konzu makulatuurua, ainos bumuagua veimmö. Libo počinpoijanke, libo kukuruuzupočatkanke... Brežnevan aigua, sit Andropovan aigua, Černenko, Bor'an Jel'cinanke puuttui sidä leibiä syvvä. Kaiken moizet reformat oldih täs, Gorbačovan. Se kai... Mi oli meile täs kaikenmostu, tiijät, prezidenttua, nu, Jel'cin, se en tiijä,

se on normal'noi prezidenttu. Kuni vie Jel'cin da Šoigu ollah, sini myö elämmö.

– *Ongo täs kyläs ruaduo ristikanzoil? Kus ruatah kaikin?*

Minul vuozii jäi penziessäh, ga minä vie kuitah, naverno, vuvven vie ruavos olen. Ruoduo eulo nikus.

– *A Työ nygöi souhozasgo ruatto?*

Da, Prižžan souhozas ruan. Se on zverofermu. Yksi zverofermu, kudai kogo Karjalah jäi. Kaikin hyö bankrotat ollah, kuoltih. Jälginäine kogu Karalas zverofermu.

– *Kedä sie kazvatetah?*

Reboidu... Minä jo, kačo, unohtan nenne sanat, norka, pesec. Ollah net sanatgi karjalan kielel, no minä en tiijä. No, se naizet kačotah. Meijän dielo, tiijät, furi vigružat' da konzu midägi. ...

– *Ruavon jälles ongo äjy ruaduo kois?*

Sinä iče tulit minul piäkyläs. Ičehäi näit, kunne vai silmät ei mendäs, kaikkie on ruaduo. ...Peldo on kaivettu. Nygöi talvekse pidäy ležankan riiččie, päčči uuzi panna. Veit, hallot, kyläs ainos pidäy pyryö.

– *Ičego strojitto tämän koin?*

Iče. No, tiijät, sil aigua, kuni vie den'gat ei huovistuttu, mužikko ruatutin. Yksinä ei sua nengozii parzii nostua. Parret ollah... Alavenčat ollah kolmetostu metrii. Toizet kymmene metrii...

– *Kui pidäy kodii strojje. Mittuine ruado se on?*

Jesli olet normal'noi mužikku, ijäs se pidäy kodi strojje. Pidäy kodi strojje ob'azatel'no. Se, en tiijä, kui ennevahnas mužikku yhten koin strojii vai kahteh kodih hänel täydyi voimua. Koin ob'azatel'no pidäy strojje. Vai ei pidä vuottua, konzu sinul annetah. Myö kogo ijän iče. Ei pidänyh vuottua. ... Kenbo sinul andau, esli sinä iče et lekkune. ...Kodi strojje – se ei kyly panna. Kodi syöy ylen äijän neruo.

– *Midä pidäy ruadua koin strojjes?*

Koin strojjesgo? Se vai tiedäy sen, ken ičel väil oman koin strojii. Nygöi voibi kai ostua. Tahtot veriän ostua, mittuine pidäy sinul kiägy, mittuizet sinul pidäy ikkunat – kai, kai voibi ostua, vai maksa, maksa, maksa. Tuvvah solofanas, kai kirpičät. A silloi, konzu minä zavodin strojuu, provodkua ei suannuh suaha, kaikkis vahnois kylis kaikenemoizii

pidi, tiijät, eččie kirpiččiä da konzu midä sie, zadvižkoi. Ei olluh nimidä. ... A nygöi tulit, maksoit, kai. Piä seguou. Laukkah tulet – kai on. Enne pidi kai eččie, nygöi on kai. ...

– *A ongo Teil päčči?*

A kuibo kyläs? On päčči.

– *Ičego luajitto sen?*

No, se päččiniekku, kudai oli, se vahnu päččiniekku. Häi kogo ijän päččii valmisti. Minä konz hänel toin bibliotiekaspäi bumuaat: «Voitgo sinä semmoizen proektan valmistua?». Häi kačoi nenii, kaikenmoizii sie risunkoi, kundeli. «Minä vai voin semmoizen päčän valmistua, kuduas minä olen spetsialistu. A sinun nenii, kaikkii čomii kartinkoi, sina voit hot' iče». ... Häi jo kuoli. Päččiniekkoi nygöi vähä ken... Semmoine päččiniekku se oli, kui sanuo, ot boga. Häi iče mietti, duumaičči. Häi hil'l'ah valmisti päččii. ...Nygöi vähä on mostu päččiniekkua. Nygöi ložim pečki, kamini. Vai gazieta avait, sie ollah kaikin specialistat, toine tostu parembua.

– *Ongon kyly?*

On kyly. Kuibo kylyttäh.

– *Ičego strojitto?*

Nu, voibi sanuo, što iče. Abuniekkua ainos pidäy olla.

– *Mittustu ruaduo pidäy ruadua, gu kyly olis?*

Se pidäy kaččuo, mis kohtas elät, kus on sinul vezi, kus on sinul sviettu. Se on celaja sistema. Ethäi pane kylyy kunne tahto sinne niykkäh. Sit pidäy kaččuo vezi, randu. Teijän nygöi kylyy ei sua rannal panna. Enne meijän vahnembil järvirannas oldih kylyt. Nygöi štobi kyly panna järven randah – se on katastrofa. Semmoizet ollah zakonat: ei anneta karjalaizil kylylöi pidiä rannal. ...

– *Meččiä pidäygo tuvva?*

Sina sanothäi nenne kai. Se minun pokoleinii. Minun pokoleinii, se jo jongoi opitelluh, kui meččiä kuadua, kui strojie, kui parzii kuorittua, kui sammaldu ottua. A en tiijä, vähä ken, naverno, nygöi nuoris miehis voi koin strojie. Se on nygöi pokolenije planšetnikov. Heile ollah jo toizet mielet. ...

– *Ongon teil žiivattua?*

Enne piin, nygöi ollah vai kanat. Kuuzi kanua da yksi kukoi. Enne poččiloi piimmö, vie koza oli... Lehmnän minä sen möin. Minä jongoi

kolmekymmen kaksi vuotta gu lopin uijendan. Lehmy pidäs vie gu nuorembi olet. Konzu niittiä voibi da kaikkie. Nygöi kyläs ni yhty lehmiä ei ole, uskot vai et? Lammastu, en tiijä ongo kel vie koza vai ei. Enne täs oli, kus minun kodi, netuas ainos buabat käveltih: «Val`a, Val`a, Val`a, Val`a». Sie lammastu oli da kozua oli, nygöi nimidä. Enne vie paimoidu piettih. Kačo, stado oli oma. A nygöi kyläs eulo lehmiä.

– *Kamua milbo syötättö?*

Ei kanoil äijiä pie. Kanoil ostat krupua, midä stolaspäi on. Kezäl, kačo, ollah pihal hyö, nädziä lykit sinne. Kana eihäi ole počči. Se poččii pidäy syöttiä, kombikormat ollah kallehet. Kanois ei ole problemua.

– *Muarjah, gribah kävyttögo?*

Kävymmö, konzu aigua on i muarjah i gribah.

– *Ongo siendy tänä vuon?*

Siendy... Ken kui sanou. Pidäy kaikkii kuunella, omua mieldy piäs pidiä. Yhtet sanotah valgiedu kahteskymmenes minuutas kaksi pakettua keriat. Minä gu meččäh lähtenen, se moine mies olen, sijoi en tiijä. Siendy on, da gribua. A niken ei sano, kus siendy da gribua on. Sanotah, mina kävelin sie, no sie jo ei ole nimidä. Minä duumaičen, mikse minä sinne ajan, benzina vai polttamah. Sih ei sua sanuo, sygyzy on hyvä.

– *Konzu äijy siendy on, midä työ ruatto?*

Se kai ollah akan problemat. Viego minä ruvennen sienii da griboi kuivettamah. Se akku kai... Ennevahnas, kačogoi, kyläs elettih died`oin died`oit. Oma talo, oma hozaistvu kaikkii syötti. Eihäi olluh ni laukkoi. Ennevahnas, kui died`oi vie minun hengis oli, taloih sie kupcat tullah, tavarat tuvvah, ni laukkoi ei olluh kyläs. Se oli kodi kui oma fortpostu. Sie oldih kai: i sienet, i muarjat, i jauhot. No, spičkah da suolah käydih Petroskoile. Kaksi päiviä, kolme sinne da kodihpäi uuvvessah. I elettih...

– *Вы карел?*

Карел. И дед карел, и бабушка карелка, и мама, и папа карелы. Все карелы.

– *Расскажите мне о своей жизни, о детстве и о том, о чем Вы сами хотите.*

Тут можно сказки полдня рассказывать.

– Ну, расскажите.

Ну, дедушка, бабушка – все родом из Ведлозерья. Таких деревень сейчас уже нет, дедушка из Сало-острова, бабушка из Корби-наволока, мама из Иллялы, а дедушку не знаю. Его убили на войне. Я закончил Ведлозерскую школу, двенадцать лет ходил в плавание. Женился, построил дом, вырастил двух сыновей. Теперь работаю в совхозе, в Пряже. До пенсии еще год.

– Когда переехали жить в эту деревню?

Первый венец положил в августе девяносто второго. Два года строил. Осенью девяносто четвертого переехал сюда жить. Всю жизнь с чемоданами не находишься. Нужно на берег возвращаться. Двое детей. Жена сказала: «Слушай, нельзя всю жизнь с чемоданами ходить. Нужно на берег возвращаться».

– А ваша жена, она из этой деревни?

Крошнозерка. Она уже на пенсии, работает в школе поваром.

– А Вы на каком языке с женой разговариваете?

Соврать или правду сказать? По-русски, но когда нужно можем и по-карельски.

– А с детьми?

Последнее поколение, которое говорит по-карельски, это мое поколение. Дети, знаешь, как собака, – все знает, узнает, но сказать ничего не может.

– А где Ваши дети живут, в деревне или в городе?

Старший сын работает на Балтике механиком, а младший сын служит в Кронштадте.

– А скажите, нужно ли, чтобы они разговаривали по-карельски?

Я такого мнения, знаешь, что еще говорят люди. Был у меня друг, карел. Начнем с ним по-карельски в бытовке разговаривать, говорят: «Говорите по-русски!»... На нас смотрят, как на инопланетян, на карелов.

– В этой деревне с кем Вы разговариваете по-карельски?

В деревне... В деревне, если увидишь карела, точно в голове мысли повернутся, с ним нужно говорить по-карельски. Знаешь, если по-карельски начнешь разговаривать, они на тебя уже смотрят

как на своего, родного, знаешь. Если по-карельски говоришь, они сами начинают говорить по-карельски. Меня в деревне все знают. Как на встречу придут, так и начинают по-карельски говорить. Не нужно первым начинать.

– *Много ли таких еще говорящих на карельском или немного осталось?*

Ну, я уже по своей голове, по глазам знаю, с кем нужно по-карельски говорить, с кем по-русски... Но в деревню приду, я могу говорить по-карельски. Кто-нибудь знакомый попадетя навстречу, кто в магазин придет, бабушка там, женщины, которые уже в годах. Мужиков очень мало. Мужики все умерли. Мало кто по-карельски...

– *Раньше больше разговаривали по-карельски?*

Больше. Я бы сказал, этот язык уже умирает. Не знаю, как дальше пойдет. Я как из плавания ни приду, там постоянно русский, по-русски...

– *Есть ли у Вас сестры, братья?*

У меня? Два брата есть.

– *А Вы с ними на карельском разговариваете?*

Когда надо, мы с братьями на карельском разговариваем. Они хорошо знают карельский язык.

– *Когда Вы были ребенком, дома только по-карельски разговаривали?*

Это был уже прошлый век. Это были брежневские времена. Мы и в садик не ходили. У нас был садик с бабушками. С бабушками росли, поэтому язык освоили.

– *А было ли такое, что говорили: «Не говори по-карельски, нельзя говорить на карельском?»*

Ну, так нельзя сказать, что не говорили. Если в школу пойдешь, чтобы больше по-русски... Была пропаганда русского языка. В школе всегда нужно говорить по-русски. Русский язык – это другой язык. Слова перемешаны. Теперь разговаривают половина слов по-русски, половина по-карельски.

– *А как Вы думаете, когда жизнь была лучше, раньше или сейчас лучше?*

Какими глазами посмотреть. Каждый второй смотрит на жизнь по-своему. Всякое пришлось пережить. Жили мы и во времена Брежнева, и немножечко зацепили времена Андропова. Я был маленьким ребенком. Мне сколько же? Четыре года было, когда Хрущев был. Я этого даже не помню. Я помню только хрущевский журнал, когда макулатуру, бумагу постоянно возили. Или с поросятами, или с кукурузными початками. Брежневское время, затем время Андропова, Черненко, с Борей Ельциным довелось того хлеба поесть. Всяческие реформы были здесь, Горбачева. Это все... Сколько у нас было здесь, знаешь, президентов, ну, Ельцин, не знаю, он нормальный президент. Пока Ельцин и Шойгу есть, мы живем.

– *А в этой деревне есть ли работа? Где все работают?*

У меня год остался до пенсии, но еще как-нибудь, наверно, год поработаю. Работы нигде нет.

– *А Вы сейчас в совхозе работаете?*

Да, в Пряжинском совхозе работаю. Это звероферма. Единственная звероферма, которая осталась еще в Карелии. Все они банкроты, уничтожены. Последняя звероферма во всей Карелии.

– *Кого там выращивают?*

Лису... Я уже, смотри, забываю все эти слова, норка, песец. Есть и эти слова на карельском языке, но я не знаю. Но за ними женщины ухаживают. Наше дело, знаешь, фуры разгружать и когда что...

– *А после основной работы, много ли дома работы?*

Ты же сама из деревни приехала. Сама ведь видишь, куда бы глаза ни посмотрели, повсюду работа. Поле выкопано. Теперь на зиму надо лежанку разобрать, новую печь построить. Вода, дрова, в деревне постоянно нужно крутиться.

– *Этот дом Вы сами построили?*

Сам. Но знаешь, когда еще деньги не обесценились, мужиков нанимал. Одному нельзя такие бревна поднимать. Бревна... Нижние венцы тринадцать метров длиной. Другие десять метров...

– *Как нужно дом строить? Какая это работа?*

Если ты нормальный мужик, за всю жизнь нужно дом построить. Нужно дом построить обязательно. Не знаю как раньше, мужик один дом строил или у него хватало сил на два дома. Дом обязательно

нужно построить. Только не нужно ждать, когда тебе дадут. Мы всю жизнь сами. Не нужно было ждать... Кто тебе что-нибудь даст, если ты сам не пошевелишься? Дом возвести – это не баню построить. Дом съедает очень много мастерства.

– *Что нужно для строительства дома?*

При строительстве дома? Это знает только тот, кто сам себе построил дом. Теперь можно все купить. Хочешь дверь купить, какую нужно тебе ручку, окна – все, все можно купить, только плати, плати, плати. И кирпичи в целлофане привезут наготово. А тогда, когда я начинал строительство, проводку нельзя было достать, по всем деревням, знаешь, пришлось искать кирпичи и когда что, задвижки. Ничего не было... А теперь пришел, заплатил за все. Голова кругом идет. В магазин придешь – все есть. Раньше приходилось все искать, теперь все есть...

– *А у Вас есть печка?*

А как же в деревне? Есть печка.

– *Сами ее построили?*

Ну, это печник, который был, это старый печник. Он всю жизни печи клал. Я когда ему из библиотеки принес материал: «Можешь ли ты такой проект подготовить?» Он посмотрел эти, всевозможные рисунки, послушал. «Я могу только такую печь сделать, по которой я специалист. А эти твои красивые картинки, ты и сам можешь сделать»... Он уже умер. Из печников теперь мало кто... Это такой печник был, как говорится, от бога. Он сам все продумывал. Он потихонечку печь клал... Теперь мало таких печников. Теперь «Кладем печки, камини». Только газету откроешь, там все специалисты, один лучше другого.

– *Есть ли у Вас баня?*

Есть баня. Как же без бани.

– *Сами строили?*

Ну, можно сказать, что сам. Помощники всегда есть.

– *Что нужно, для того, чтобы построить баню?*

Нужно посмотреть, в каком месте ты живешь, где у тебя вода, свет. Это целая система. Ведь баню не построишь где-нибудь там. Нужно посмотреть воду, берег. Теперь баню на берегу нельзя

построить. Раньше у наших родителей бани были на берегу озера. Теперь, чтобы баню построить на берегу озера – это катастрофа. Такие законы: не дают карелам бани строить на берегу.

– *Нужно ли привозить лес?*

Ты ведь сказала это все. Это мое поколение. Мое поколение уже испробовало, как лес валить, как строить, как бревна тесать, как мох собирать. А не знаю, мало кто, наверно, из молодежи может теперь дом построить. Это теперь поколение планшетников. У них уже другие мысли...

– *Держите ли вы скотину?*

Раньше держал, теперь только куры. Шесть кур и один петух. Раньше поросят держали, еще коза была... Корову я продал. Я уже тридцать лет как не хожу в плавание. Корова нужна, когда еще молодой. Когда косить можно и все делать. Теперь в деревне ни одной коровы нет, веришь или нет? Овцы, есть ли у кого еще коза или нет? Раньше здесь, где мой дом, там всегда бабушки ходили: «Валя, Валя, Валя». Там овцы были и козы, теперь ничего. Раньше еще пастух был. Смотри, стадо было свое. А теперь в деревне нет коров.

– *Кур чем кормите?*

Курам много не надо. Курам купишь крупы, что со стола. Летом, смотри, они на улице, мокрицу туда кидаешь. Курица не поросенок. Это поросенка нужно кормить, комбикорма дорогие. От кур нет проблем.

– *Вы ходите в лес за ягодами, за грибами?*

Ходим, когда время есть и за ягодами, и за грибами.

– *Есть ли грибы в этом году?*

Грибы... Кто как говорит. Нужно всех слушать, но голову на плечах держать. Одни говорят, белых за двадцать минут два пакета соберешь. Я как в лес ни пойду, такой я мужик, мест не знаю. Пластинчатые грибы есть и трубчатые. А никто не говорит, где эти грибы есть. Говорят, я ходил там, но там уже ничего нет. Я думаю, зачем я туда поеду, только бензин жечь. На это ничего не скажешь, осень хорошая.

– *Когда много грибов, что вы с ними делаете?*

Это все женские проблемы. Еще ли я буду пластинчатые и трубчатые грибы сушить. Это все жена... Раньше в старину, смотри, в деревне жили деда дедов. Свой дом, свое хозяйство всех кормило. Не было ведь магазинов. Раньше, когда еще мой дед был жив, в дом купцы придут, товар привезут, ведь магазинов не было в деревне. Дом был как свой форпост. Там было все: и грибы, и ягоды, и мука. Но за спичками и солью ездили в Петрозаводск. Два дня, три туда и домой обратно. И жили...

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ ГОВОРОВ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ¹

В статье представлен анализ морфологических маркеров ведлозерских говоров ливвиковского наречия и южнолюдиковских говоров карельского языка. Статья основывается на данных «Диалектологического атласа карельского языка», а также материалах, собранных в ходе экспедиции в 2014 г. в Пряжинский район Республики Карелия.

Ключевые слова: карельский язык, ливвиковское наречие, людиковское наречие, морфологические маркеры, падежные флексии, лично-числовые окончания.

Карельский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской языковой семьи. На всей территории проживания карелов он разделяется на три основных наречия: собственно-карельское, ливвиковское и людиковское. Как известно, каждое из трех основных наречий карельского языка характеризуется своим ареалом.

Уникальность Пряжинского района Республики Карелия заключается в том, что на его территории проживают как ливвики, так и людики. Граница, разделяющая эти два наречия, тянется от северо-восточного угла Ладожского озера через среднее течение р. Шуи к низовьям р. Суны². На территории Пряжинского района распространены сямозерский, тулмозерский и ведлозерский диалекты ливвиковского наречия (к наиболее крупным поселениям этих диалектных территорий можно отнести Эсойлу, Ведлозеро, Крошнозеро,

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01212 «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии».

² Муллонен И. И. Формирование диалектной карты карельского языка Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. / Под ред. Н. Г. Зайцевой, И. И. Муллонен и др. Петрозаводск, 2014. С. 42.

Юргилицу, Колатсельгу, Гонганалицу и др.), а также часть средне-людиковских (Виданы) и южнолюдиковских говоров карельского языка (Святозеро, Пряжа)³. Сохранение диалектных границ между наречиями карельского языка является главной особенностью данного района.

Так, в Святозере проживают карелы-людики, в Крошнозере – карелы-ливвики, а Пряжа является зоной смешения двух основных наречий (рис. 1). Каждый из говоров, перечисленных выше, имеет свои особенности: они касаются и лексики, и фонетики, и морфологии.

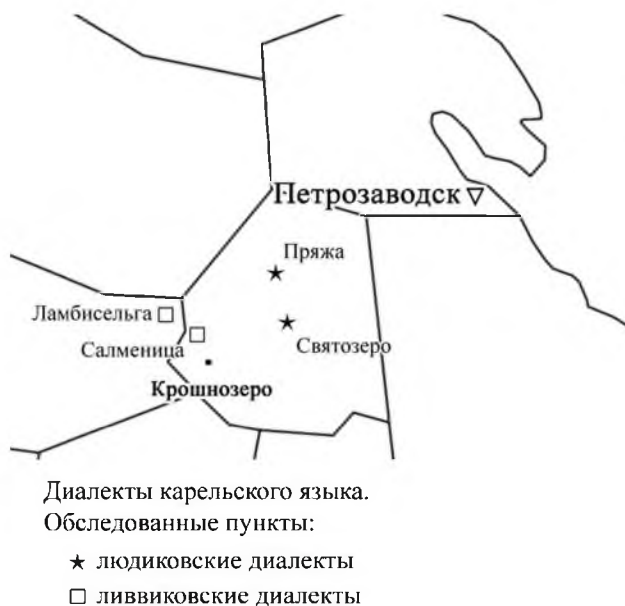

Рис. 1. Диалекты карельского языка. Карта Атласа 3

Во время экспедиции 8–12.09.2014 г. была поставлена задача определиться на месте хотя бы с некоторыми из названных особенностей говоров обследуемых пунктов. В полевых условиях осуществлялся сбор как лингвистического, так и социолингвистического материала.

³ См. напр.: *Зайков П. М.* Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000. С. 29.

Для сбора социолингвистического материала была составлена анкета, которая включала в себя демографические вопросы, а именно: вопросы о языковой биографии; настоящей языковой деятельности; языковом окружении, необходимые для социолингвистического описания. При сборе для интервью с носителями языка использовался опросник, включающий в себя вопросы разного характера, связанные с повседневным бытом карелов. Большая часть диалога с информантом нацелена на выявление особенностей построения грамматических форм в речи носителя языка. Во время работы в полевых условиях для выявления более древнего состояния языковых фактов беседовали о том, как жили раньше, какую одежду носили, что из каких материалов изготавливали, что ели, как готовили разные блюда национальной кухни.

Говор с. Крошнозеро

Крошнозеро тесно контактирует с деревнями, в которых говорят на сямозерском (Корза, Рубчейла) и ведлозерском диалектах (Савиново, Щеккила). Исследователь фольклорных традиций Ведлозерья В. П. Миронова так описывает говоры Ведлозерья: «Под Ведлозерьем мы понимаем не только село с одноименным названием, но и кусты деревень, прилегающих к Савиново, Щеккиле и собственно Ведлозеру», граница Ведлозерской волости на востоке заканчивалась в районе Крошнозера⁴.

Для того чтобы точнее выявить, черты какого наречия больше представлены в с. Крошнозере, следует, прежде всего, обратиться к его грамматическим характеристикам. В «Диалектологическом атласе карельского языка» говор Крошнозера не представлен. Морфологические отличия данного говора рассмотрим на основе собранного в ходе экспедиции материала. В качестве морфологических отличий, характерных для говоров ливвиковского наречия, являются различия в падежной системе, а также в оформлении личносчисловых показателей глаголов 1 и 2 лица мн. числа: *-mto* (*-mmö*), *-tto* (*-ttö*). Собранный во время поездки материал показал, что в

⁴ *Миронова В. П.* Фольклорные традиции Ведлозерья. Петрозаводск, 2013. С. 6.

крошнозерском говоре оформление лично-числовых окончаний глаголов соответствует ливвиковскому наречию: А мыö тäs veljekset kai elämmö (Крошнозеро) – А мы здесь, братья все, *живем*. Nänenke kai, ongidielot, pagizemmo karjalakse (Крошнозеро) досл. С ним все, дела, связанные с рыбалкой, по-карельски говорим, для сравнения: в собственно-карельском и людиковском говорах окончаниями являются: с.-к. *-mta (-ttä)*, *-tta (-ttä)*, люд. *-mte*, *-tte*⁵: *näimmö* 'мы видим', *löüvättö* 'вы находите', ср. напр. собств.-кар. *näimmä*, *löüvättä* (рис. 2).

Спряжение. Утвердительные формы 1 и 2 лица множественного числа презенса изъявительного наклонения глаголов типа *näge-* ('видеть'), *löüdä* ('находить').

★ *-mte (nägemme)*, *-tte (löüvätte)*

⊕ *-mmö, -mmo (näimmö)*, *-ttö, -tto (löüvättö)*

Рис. 2. Карта 140 Атласа

Морфологические различия проявляются, например, в падежной системе. Для собственно-карельского наречия характерны три внутреннеместных падежа – инессив (с.-к. *koissa*), элатив (с.-к. *koista*), иллатив (с.-к. *kotih*) – и два внешнеместных падежа –

⁵ См.: Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000. С. 23.

аблатив (с.-к. *rannalta*) и адессив (с.-к. *rannalla*); в ливвиковском и людиковском наречиях элатив совпадает с инессивом: ливв. *kois*; люд. *kodiš*, адессив с аблативом: ливв. *rannal*, люд. *randal*. Ливвиковскому и людиковскому наречию характерен внешнеместный падеж аллатив, который не свойственен собственно-карельскому: ливв. *rannale*, люд. *randale*⁶. Такое же оформление окончаний внутреннеместных и внешнеместных падежей свойственно и крошнозерскому говору. Карта 121 «Диалектологического атласа карельского языка» в полной мере подтверждает это: на всей территории распространения ливвиковских, в том числе и в салменицком (42), и ламбисельгском (43) говорах (находящихся в непосредственной близости к Крошнозеру) окончанием инессива и элатива выступает *-s* (*mečäs, pertiš*), ср., напр. с.-к. *mečässä/mečästä, pertiššä/pertištä*⁷ (рис. 3).

Склонение. Внутреннеместные падежи. Инессив и элатив. Формы единственного числа имен типа *mečä* ('лес'), *perti* ('изба').

★ инессив-элатив: *-s, -š* (*mečäs, pertiš*)

Рис. 3. Карта 121 Атласа

⁶ Керн Г. М. Очерки по карельскому языку. Петрозаводск, 2000. С. 7.

⁷ Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка / Ред. И. Сарвас. Хельсинки, 1997 [Далее – ДАКЯ]. Карта 121.

Падежные окончания адессива, аблатива и аллатива в салменицком (42) и ламбисельгском (43) говорах в «Диалектологическом атласе» маркируются одним окончанием *-l* м: *veičel*, *starikal*, *kirvehel*⁸ (рис. 4).

Склонение. Внешнеместные падежи: адессив, аблатив и аллатив. Формы единственного числа имен типа *veičče-* ('нож'), *starikke-* ('старика'), *kirvehe-* ('топор').

★ адессив-аблатив *-l*
(veičel, starikal, kirvehel)
 аллатив *-le*
(veičele, starikale, kirvehele)

▣ адессив-аблатив-аллатив *-l*
(veičel, starikal, kirvehel)

Рис. 4. Карта 123 Атласа

⁸ ДАКЯ. Карта 123.

В ливвиковском и людиковском наречиях окончания инессива совпали с элативом (-s), а окончание адессива с аблативом (-l), тем не менее, в случаях, когда речь идет о явной исходности, в качестве элативного и облативного окончаний могут выступать окончания элатива (-spräi) и аблатива (-lpräi), образованных путем слияния -s-ового и l-ового элементов и послелого päin: -spräi<-s+ -päi<-s+päin, -lpräi<-l+ -päi<-l+päin. Употребление в речи послеложных падежей также свойственно крошнозерскому говору: Мама on *Man'galpäi*, papa täs... *Prokkoilaspäi* – Мама родом из *Маньги*, папа – из *Проккойлы*.

Падежные окончания эссива -nnu (-nnu) и транслатива -kse в говоре с. Крошнозеро маркируются, как и в других говорах ливвиковского наречия: *Vie minä masterannu* guan (Крошнозеро) – Я еще мастером работаю. – ...*pagizemmo karjalakse* (Крошнозеро) – по-карельски говорим, ср. с.-к. -na (-nä), -ksi, люд. -n, -ks.

Говоры с. Святозеро и пос. Пряжа

Названные говоры в российской науке принято относить к южнолюдиковским⁹. Впрочем, мнения исследователей на этот счет расходятся. Так, например, Аймо Турунен людиковский говор с. Святозеро относит к среднелюдиковским говорам, куда включает также говоры населенных пунктов пос. Пряжа, дер. Виданы¹⁰. Наибольшее количество дифференцирующих особенностей людиковского наречия карельского языка представлено именно в святозерском говоре. В говоре Пряжи присутствуют как ливвиковские, так и людиковские черты. В данном случае рассмотрены некоторые морфологические маркеры, присущие людиковскому наречию в целом и проявляющиеся по-своему в говорах пос. Пряжа и с. Святозеро.

В оформлении падежных окончаний в «Диалектологическом атласе карельского языка» можно пронаблюдать различия в оформлении падежных флексий между говорами с. Святозеро и пос. Пряжа. Нам удалось установить, что свойственная людиковскому наречию

⁹ См. *Зайков П. М.* Указ. соч. С. 23

¹⁰ *Turunen A.* *Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit* // *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 1946. № 89. С. 20–46.

карельского языка форма транслатива на *-ks*: *učit'el'aks*, *učtel'aks*¹¹ 'учителем (стать)', употребляется в святозерском (38) говоре, подобное оформление свойственно, например, михайловскому, среднелюдиковскому и севернолюдиковскому говорам людиковского наречия карельского языка. В пряжинском (40) говоре окончанием транслатива является *-kse*: *učitel'akse*. Подобное оформление транслатива встречается во всех говорах ливвиковского наречия карельского языка (рис. 5).

Склонение. Транслатив. Формы единственного числа имен типа *učitel'a*.

▲ *-kse, -kše* (*učitelakse, učitelakše*)

○ *-ks, -kš* (*učitelaks, učtelakš*)

Рис. 5. Карта 120 Атласа

Любопытные моменты выявляются в склонении имен, которые нам представляет атлас. Так, например, карта 115¹² демонстрирует различия между святозерским и пряжинским говорами в оформлении множественного числа имен на *-a* в партитиве. Таким образом,

¹¹ ДАКЯ. Карта 120.

¹² Там же. Карта 115.

в святозерском говоре двусложные слова типа *sana-* ‘слово’ при склонении во мн. числе, в партитиве имеет форму *sanoid*, которая также встречается практически во всех говорах людиковского наречия карельского языка, в то время как в пряжинском говоре выступает форма *sanoi*, встречающаяся во всех говорах ливвиковского наречия (рис. 6).

Склонение. Партитив. Формы множественного числа имен с основой на *a* типа *sana-* (‘слово’).

★ *sanoid, sanuoid, sanuod*

⊕ *sanoi*

Рис. 6. Карта 115 Атласа

Общее со всеми людиковскими говорами оформление окончания партитива мн. числа можно пронаблюдать и в словах с основой на *-ie* типа *kondie-* ‘медведь’¹³. Если в пряжинском говоре при склонении слова в партитиве мн. числа используется форма *kondiedu*, то в святозерском *-kondiad* (рис. 7).

¹³ ДАКЯ. Карта 116.

Склонение. Партитив. Формы единственного числа имен с основой на *ie* типа *kodie-* ('медведь').

★ *kondiad, kondijad*

■ *kondiedu*

Рис. 7. Карта 116 Атласа

В односложных слова типа *üö*¹⁴ 'ночь' на территории ливвиковского наречия употребляется форма *üöläi* в партитиве мн. числа, в том числе и в пряжинском говоре, в то время как в святозерском *üöid* (ср. вепс. *öd*), как и на всей территории людиковского наречия карельского языка (рис. 8).

Общие черты, характерные ливвиковскому наречию и встречающиеся, как в святозерском, так и в пряжинском говорах людиковского наречия карельского языка, можно проследить, также и в оформлении окончания эссива (рис. 9) и иллатива (рис. 10). Формы имен типа *učit'el'a-* в эссиве ед. числа в святозерском и пряжинском говорах соответствуют флексиям эссива в ливвиковском наречии, окончанием эссива в котором является *-nnu, -nnu*: *učit'el'annu* '(кем?) учителем', ср. в людиковском наречии окончанием эссива является

¹⁴ ДАКЯ. Карта 118.

-n: *uĉit'el'an*¹⁵, которое употребляется в михайловский говоре и севернолюдиковских говорах. Иллативным окончанием в пряжинском и святозерском говорах является -h: *meĉĉäh* 'в лес', ср. напр. михайловский говор *meĉĉähä, meĉĉähe*¹⁶.

Склонение. Партитив. Формы множественного числа имен с односложной основой типа *yö* ('ночь').

◆ -*lyöid* (*yölyöid*)

⊕ -*loi* (*yöloi*)

Рис. 8. Карта 118 Атласа

Различия между говорами можно также проследить на примере использования информантами в диалектной речи послеложного падежа аппроксиматива, встречающегося в ливвиковском и людиковском наречиях и некоторых говорах собственно-карельского наречия карельского языка. Так, носителями михайловского говора в качестве падежного окончания аппроксиматива используется -*nto* (*kodinnto* 'у дома', ср. вепс. (*tuli*) *minunnto* 'пришли) ко мне', что ука-

¹⁵ ДАКЯ. Карта 119.

¹⁶ Там же. Карта 122.

зывает на влияние вепского компонента в южных говорах людиковского наречия; жителями святозерского говора *-llo(o): kodillo(o)*, пряжинского говора *-lloo: kodilluo* (ср. ливв. *kodilluo*)¹⁷. Можно предположить, что возможная относительно поздняя ливвизация говора п. Пряжа возникала в связи с тем, что она, будучи районным центром, включала в себя как ливвиковское, переселившееся из близлежащих ливвиковских населенных пунктов (Ведлозера, Эссойлы, Кинелахты, Колатсельги), так и людиковское население. Это объяснило бы лучшее сохранение людиковских черт в с. Святозеро, которое также граничит с ливвиковским ареалом.

Склонение. Эссив. Формы единственного числа имен типа *u̇čifel'a-*

▲ -*nnu*, -*nnü*, (*u̇čifel'annu*)

Рис. 9. Карта 119 Атласа

¹⁷ Родионова А. П. Elgendät libo toimitat?: о личном опыте исследования карелов-людиков // Материалы XLII Международной филологической конференции 11–16 марта 2013 года. Уралистика / Под ред. доц. Н. Н. Колпаковой. СПб., 2013. С. 96.

Склонение. Внутреннеместные падежи. Иллатив.
 Формы единственного числа имен типа *meččä-*
 ('лес').
 ★ *-h (meččäh)*

Рис. 10. Карта 122 Атласа

Основные отличительные особенности, маркирующие отдельные диалекты и говоры, обнаруживаются, в первую очередь, при анализе их фонетических систем¹⁸. Система склонения в наречиях карельского языка представляет собой упорядоченное и устойчивое явление. Основные различия между наречиями и говорами проявляются, прежде всего, в оформлении грамматических показателей. Крошнозерский говор в достаточной степени отличается от святозерского и пряжинского, и отличия, выявленные в процессе анализа, касаются морфологии (склонение имен существительных, оформление лично-числовых окончаний). Каждый из перечисленных говоров, несмотря на территориальную близость друг к другу, имеет свои характерные особенности в оформлении падежных флексий и окончаний глаголов, что свидетельствует о сохранении диалектных границ на данной территории.

Основные морфологические маркеры диалектной речи пограничных ливвиковских и людиковских карельских говоров Пряжинского района представлены в таблице.

¹⁸ См. статью *И. Новак* настоящего издания.

**Морфологические маркеры диалектной речи
говоров Южной Карелии**

№ Карты «Диалектологического атласа карельского языка»	Описание карты	Салменицкий (42), Ламбисельгский говоры (43) (ливвиковское наречие)	Кропнозерский говор (ливвиковское наречие)	Святозерский говор (38) (лодиковское наречие)	Пряжинский говор (40) (лодиковское наречие)
140	Утвердительные формы 1 и 2 лица мн. ч. презенса изъяв. накл. гл. типа <i>nage-</i> 'видеть', <i>loüdä-</i> 'находить'	näimmö löüvättö	näimmö löüvättö	nägemme löüvatte	nägemme löüvatte
121	Склонение. Внутренне-местные падежи. Инесив и элатив. Формы ед. ч. имен типа <i>meččä</i> 'лес', <i>per<i>t</i>i</i>	mečäs pertiš	mečäs pertiš	mečäs pertiš	mečäs pertiš
123	Склонение. Внешне-местные падежи; адесив, аблатив и аллатив. Формы ед. ч. имен типа <i>veičce-</i> 'нож', <i>starikka-</i> 'старик', <i>kirvehe</i> – 'топор'	veičel starikal kirvehel	veičel starikal kirvehel	veičel (-le all.) starikal (-le all.) kirvehel (-le all.)	veičel (-le all.) starikal (-le all.) kirvehel (-le all.)

Окончание табл.

119	Склонение. Эссив. Формы ед. ч. имен типа učitel'а- 'учитель'	učitel'annu	učitel'annu	učitel'an	učitel'an
120	Склонение. Транслатив. Формы ед. ч. имен типа učitel'а- 'учитель'	učitel'akse	učitel'akse	učitel'aks	učitel'akse
115	Склонение. Паритив. Формы мн. ч. имен с основой на -а типа sana 'слово'	sanoi	sanoi	sanoid	sanoi
116	Склонение. Паритив. Формы ед. ч. имен с основой на -ie типа kondie 'медведь'	kondiedu	kondiedu	kondiad	kondiedu
118	Склонение. Паритив. Формы мн. ч. имен с односложной основой типа üö 'ночь'	üölöi	üölöi	üölöid	üölöi

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ КАРЕЛОВ ПРЯЖИНСКОГО РАЙОНА¹

Статья посвящена рассмотрению этапов истории соби- рания фольклорного материала, выявлению особенностей бытования и современного состояния устно-поэтической тра- диции карелов Пряжинского района.

Ключевые слова: Пряжинский район, карельский фоль- клор, история собирания, жанры устного народного творче- ства, современное бытование, репертуар сказителей.

Традиционно карельское население Республики Карелия принято делить на три основные группы по языковому критерию: собственно- карелы, носители собственно-карельского наречия карельского языка (северная и средняя часть Карелии, а также Тверская и соседние об- ласти), ливвики, носители ливвиковского наречия (восточное побере- жье Ладожского озера и дальше вглубь Олонецкого перешейка) и лю- дики, носители людиковского наречия (узкая полоса вдоль восточно- го края ливвиковского наречия, недалеко от Онежского озера)².

Не вдаваясь в языковедческие особенности диалектного деления карельского языка, отметим, что с точки зрения фольклористики и этнографии, в области духовной и материальной культуры карелов выделяются существенно различающиеся между собой этнокуль- турные зоны: севернокарельская, южнокарельская и промежуточ- ная между ними – среднекарельская или сегозерская³. В этом случае

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01212 «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии».

² *Зайков П. М.* Грамматика карельского языка: фонетика и морфология. Петрозаводск, 1999. С. 8.

³ *Степанова А. С.* Эпические песни Южной Карелии // Фольклористи- ка Карелии. Петрозаводск, 1989. С. 48.

севернокарельская и среднекарельская традиции отражают культуру собственно-карелов (так называемую беломорскую), а южнокарельская – культуру ливвиков и людиков. А. С. Степанова отмечает, что фольклорная традиция карелов-ливвиков и карелов-людиков не имеет существенных различий⁴.

В фольклористике объединение ливвиков и людиков в единую южнокарельскую или олонезскую группу в некоторой степени предопределено также принципом издания собрания «Древних рун финского народа»⁵, в котором, кроме всех прочих, четыре тома посвящено беломорской (I₁₋₄), один том – олонезской (II) и пять томов – приладожской поэзии (VII₁₋₅).

Цель статьи заключается в рассмотрении истории собирания, бытования и современного состояния южнокарельской фольклорной традиции.

Ранее вопросы истории собирания эпической поэзии вплоть до первого послевоенного десятилетия на территории Южной Карелии⁶ освещались в статье А. С. Степановой⁷, в сборнике южнокарельских эпических песен В. П. Мироновой⁸, статье Л. И. Ивановой⁹. Следует отметить, что в целом жанровый состав и современное состояние устного народного творчества населения Пряжинского района не исследовались. Сборник В. П. Мироновой «Фольклорные традиции Ведлозерья» освещает фольклор деревень, прилегающих лишь к указанному в названии водоему. Восточная граница Ведлозерья заканчивается в районе Крошнозера (т. е. Крошнозерское общество осталось за рамками исследования)¹⁰. Данный факт позво-

⁴ Степанова А. С. Указ. соч. С. 48–81.

⁵ Suomen Kansan Vanhat Runot. I–XV. Helsinki, 1908–1997.

⁶ По современному административному делению это Олонезский, Пряжинский и частично Кондопожский и Суоярвский районы КАССР, т. е. территория проживания карелов-ливвиков и карелов-людиков.

⁷ Степанова А. С. Указ. соч. С. 48–81.

⁸ Anuksen karjalazien eepizet pajot. Kokoopannut V. Mironova. Petroskoi, 2007. S. 30–44.

⁹ Иванова Л. И. Фольклор карелов-людиков: история собирания и современное состояние // Живая старина. 2013. № 3. С. 30–33.

¹⁰ Миронова В. П. Фольклорные традиции Ведлозерья. Петрозаводск, 2013. С. 6.

лит нам сконцентрироваться на территории к востоку от Ведлозерья, на деревнях бывшего Пряжинского района (еще до присоединения к нему в 1955–1956 гг. деревень Ведлозерского района).

При подготовке статьи использовались рукописные коллекции Научного архива Карельского научного центра РАН, архивные коллекции Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, а также полевые записи автора, собранные в ходе экспедиции в Пряжинский район в 2014 г. Большую помощь в работе оказали описания фольклорных и этнографических коллекций рукописного архива КарНЦ РАН¹¹.

История собирания фольклора на территории нынешнего Пряжинского района (и шире – Южной Карелии) насчитывает полтора столетия. Появлению всеобщего интереса к сбору устной, особенно эпической поэзии, среди финляндских собирателей способствовал выход в свет первого издания «Калевалы» в 1835 г. Сам автор поэмы – Элиас Лённрот – впервые побывал в российской Южной Карелии еще в 1841 г. Фольклорных записей он не вел, поскольку собирал словарный материал для финско-шведского словаря (в тот период лингвистика была в центре его научных интересов). Путешествие Лённрота закончилось в Петрозаводске, откуда он вынужден был повернуть обратно из-за ошибки в паспорте. В 1845 г. по следам Лённрота отправился Э. Д. Европеус. Узнав, что в Петрозаводске его предшественнику не удалось ничего записать, он повернул обратно в сторону Вешкелицы и Туломозера (в то время это были пограничные пункты на границе Финляндии и России). В Туломозерской и Сямозерской волостях Европеусу удалось записать небольшое количество эпических и заговорных рун. При первом посещении южнокарельских деревень было собрано 11 эпических (более 500 стихов) и 14 заговорных рун (778 стихов). В 1846 г. Европеус вторично посетил эти края и записал 8 эпиче-

¹¹ *Марковская Е. В.* Описание фольклорных коллекций Научного архива КарНЦ РАН // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов. Материалы V научно-практического семинара. Петрозаводск, 21–22 марта 2012 г. Петрозаводск, 2012. С. 125–274; *Логинов К. К.* Этнографическое собрание в Научном архиве Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, 2008. Рукопись.

ских (150 стихов) и три заговорных руны (156 стихов). Все эти тексты опубликованы во II томе издания «Древние руны финского народа». Неопубликованные записи Европеуса хранятся в Фольклорном архиве Общества финской литературы (SKS) г. Хельсинки¹². Кроме того, там же хранится и запись Европеуса, впервые сделанная в Святозере среди карелов-людиков. Произведение под названием ”*Serrä Ilmarisen starina*” («Сказка (история) кузнеца Илмаринена») является переходным от калевальской метрики к прозаическому, сказочному изложению (на три-четыре стихотворные строки приходится прозаическая фраза). Результаты сбора фольклорных образцов Д. Европеуса считаются более чем скромными, но, тем не менее, весьма значимыми. Это были первые записи эпических песен на территории Южной Карелии, свидетельствовавшие о существовании эпической традиции в крае.

Спустя 25 лет после поездок Д. Европеуса, в 1871–1872 гг. в Южной Карелии побывали фольклорист А. Борениус и языковед А. Генетц. Они прошли из Салми в Туломозеро, оттуда на Сямозеро, а затем к Святозеру. В арсенале записанных ими произведений есть эпические, лирические, заговорные руны, причитания, сказки. А. Борениус несколько расширил территорию собирания (по сравнению с Д. Европеусом), его записи сделаны в неисследованных ранее деревнях Туломозерской и Сямозерской волостей, а также Святозера.

А. Борениус открыл трех талантливых рунопевцев. Самым заметным из них является Архиппа Муйлачев из Эльмитозера. Его внушки М. Ф. Архипова (1866–1936 гг.) и А. Ф. Никифорова (1888–1971 гг.) переняли его устно-поэтическое наследие¹³. В дер. Вуачиняги под Вешкелицей Борениус встретил «старика Кири» (полное имя и фамилия не указаны), который исполнил собирателю две эпические руны. В дер. Педдожа Святозерской волости собиратель познакомился с талантливым рунопевцем Константином Гордеевым

¹² Степанова А. С. Указ. соч. С. 50.

¹³ В 1934–1935 гг. В. Я. Евсеев записал от М. Ф. Архиповой пять эпических рун, а также лирические руны, частушки, поговорки, сказки. В 1934–1966 гг. В. Я. Евсеевым и П. Я. Куйкка были записаны все жанры от А. Ф. Никифоровой.

(либо Гордеем Костиным), который исполнил две эпические руны в хорошей сохранности, художественно полноценные.

Записи рунических песен, сделанные от представителей рунопевческой династии Гордеевых, не являются единственными на территории проживания людиков, которую ранее необоснованно считали «беспесенной». Песни записывались здесь в XIX в. и позднее, особенно в годы Советской власти. Таким образом, как отмечает А. С. Степанова, эпическая традиция была известна и людикам¹⁴.

В 1882–1884 гг. активизировалась собирательская работа в Южной Карелии. Здесь побывали Х. Базилиер, О. А. Хайнари (Форстрем), О. Реландер и др. Эпические и заговорные руны были записаны в Видлице, в деревнях Туломозерской и Сямозерской волостей.

На стыке веков (1900–1901 гг.) в некоторых волостях Южной Карелии фольклор собирал И. Хяркёнен, чьи коллекции являются самыми значимыми среди записей досоветского периода. Он был родом из-под Суйстамо, из рода рунопевцев Херойла-Хяркёненов. Успешной работе собирателя способствовало также владение карельским диалектом. Хяркёнену удалось собрать богатый материал в деревнях Туломозерской, Ведлозерской и Сямозерской волостей. Опубликовано 80 эпических и заговорных рун (более 2500 стихов) во II томе издания «Древние руны финского народа». Его записи в известной степени поколебали существовавшее представление о бедности края рунопевческой традицией. Записи образцов других фольклорных жанров – коротких песен, пословиц и поговорок, сказок и пр. хранятся в южнокарельских коллекциях И. Хяркёнена в Фольклорном архиве Общества финской литературы г. Хельсинки.

Летом 1892 г. по поручению Императорского Географического общества в поездку по Южной Карелии отправился Н. Ф. Лесков, уроженец с. Святозеро. Лесков записывал песни, сказки, причитания, загадки, пословицы, поговорки, обряды и другой этнографический материал. Одна из записанных им эпических рун (от Катерины Туру из Бородиннаволока, Святозера) опубликована в издании «Древние руны финского народа» (SKVR II, 96/96a). Руна

¹⁴ Степанова А. С. Указ. соч. С. 52.

является полноценной в художественном отношении (484 стиха), однако в языковом плане – ближе к ливвиковскому наречию.

Отметим, что в целом в XIX в. территория Южной Карелии была изучена неравномерно. Интенсивно производились записи фольклора в деревнях Туломозерской волости – Колатсельге, Соне, Кормилисто, Сааримяги, Мандере, Палалахте, Канниле, Ребойле, а также Сязозерской – Вешкелице, Эльмитозере и частично Святозерской волостях. Менее всех были обследованы Олонец и его окрестности, а также остальная территория проживания людиков (Пряжа, к югу и северу от Святозера). Крошнозерский куст деревень также остался без внимания собирателей. Во многом эти пробелы заполнились позднее силами отечественных карельских собирателей фольклора.

Непосредственная планомерная собирательская работа в Южной Карелии началась в 1934 г. Ежегодно (по 1941 г. включительно) в Пряжинский район для записи фольклорного материала выезжают сотрудники Карельского научно-исследовательского института: В. Я. Евсеев (иногда совместно с В. П. Гудковым), К. Ф. Белова, а также студенты учительского института и педагогического техникума: И. Яковлев, Г. Ларионов, И. Иванов, А. Луккарева, А. Молчанов, И. Туруев, Д. Чаккиев и др. Собирателями было выявлено много способных сказителей и рунопевцев, среди них В. А. Гордеев и Л. И. Никитина из Пелдожи, А. В. Чеснокова из Святозера, И. И. Федулина из Лахты, А. Е. Киброева из Вешкелицы, А. Е. Богданова из Лагиламби, М. Е. Пескова из Ангенлахти, М. Д. Калаукоева из Онгамуксы, И. М. Кудряшов из Маньги, С. Н. Еремеев из Савиново, Н. Г. Гречнева и Д. И. Филина из Котчуры и др. От сказителей фиксировались все жанры устного народного творчества: эпические и заговорные руны, песни, частушки, плачи и заплачки, сказки, бывальщины, былички, предания, загадки, произведения детского фольклора, сведения о кантеле (инструмент был очень популярен в Пряжинском районе). Материал собирался как на карельском, так и на русском языке.

Одним из самых результативных оказался 1938 г. – в Южной Карелии было собрано 26 коллекций произведений карельского

фольклора¹⁵ самых разных жанров (среди них меньше всего было заговорной поэзии). Группа студентов, работавших в Пряжинском районе, за 10 дней (с 18 по 28 февраля 1938 г.) побывала в 30 деревнях, записала 277 произведений фольклора, выявила девять крупных сказителей, в том числе Василия Гордеева – внука рунопевца Константина Гордеева¹⁶.

С началом Великой Отечественной войны работа по собиранию и изучению фольклора в Пряжинском районе приостанавливается, но уже с декабря 1944 г. возобновляется. Вернувшись из эвакуации, Институт направляет в Пряжинский район свою сотрудницу Э. М. Гран¹⁷. Ей удается записать около 2000 произведений, среди них 44 песни (в том числе и эпические), 9 плачей, 9 сказок, 128 частушек. В июле 1945 и в 1950 гг. в Пряжинский и Ведлозерский¹⁸ районы выезжал В. Я. Евсеев. В экспедициях он записал 301 произведение, выявил двух кантелистов.

Новый послевоенный этап собирательской работы ознаменовался введением в практику технических средств, что значительно облегчило процесс записи устно-поэтических произведений. Однако все труднее становилось найти исполнителей, знающих традиционный фольклор, он уходил в прошлое, забывался. Особенно этот процесс коснулся эпического репертуара: количество собранных эпических рун резко падает в сравнении с 1930–1940-ми гг. Тенденция снижения возможностей записи в результате угасания традиционных фольклорных жанров касается и сказки, и загадки. В особом положении оказались причитания. В годы войны и в послевоенное десятилетие произошло некоторое оживление жанра, что дало возможность собрать ценный материал¹⁹.

¹⁵ Научный архив КарНЦ РАН [Далее – НА КарНЦ РАН]. Ф. 1. Оп. 3. Д. 240. Л. 12.

¹⁶ НА КарНЦ РАН. Оп. 3. Колл. 154. Л. 58–59.

¹⁷ Там же. Д. 369.

¹⁸ В 1955–1956 гг. Ведлозерский район был ликвидирован (территория вошла в состав Пряжинского района, за исключением Тигвозерского сельсовета, переданного Олонецкому району).

¹⁹ Степанова А. С. Указ. соч. С. 70.

Тем не менее, работа по сбору как карельского, так и русского фольклора на указанной территории была продолжена. Начиная с конца 1970-х гг. здесь осуществлялся сбор русского фольклора. С 1978 по 1986 гг. в Святозерский сельсовет выезжали студенты I курса филологического факультета КГПИ под руководством Т. В. Ивановой. Всего записано 1457 произведений, среди которых песни, частушки, причитания, сказки, несказочная проза, малые жанры, биографические рассказы, игры и пр. В 1985–1986, 1991 гг. в деревнях Пряжинского района работали студенты ПетрГУ под руководством Т. И. Сенькиной. Среди собранного материала преобладают частушки, песни, сказки и несказочная проза (былички, бывальщины). Детский фольклор на рассматриваемой территории собирала С. М. Лойтер со студентами КГПИ в 1983–1987, 1987–1989, 1995 гг. Фольклорно-этнографический материал в 1994–1995, 1999–2000, 2006 и 2009 гг. в Эссойле, Ведлозере, Сямозере и др. деревнях собирал К. К. Логинов. Отметим, что сбор фольклорного материала производился не только от русских, но и белорусов, украинцев, а также карелов, которые были двуязычными. В архивных коллекциях встречаются попытки записи карельских песен на слух кириллицей. За этой неразборчивой с точки зрения языка записью угадываются карельские песни, бывшие у населения столь популярными, что их исполняли и русским собирателям («Растила меня маменька»²⁰, «Три садочка»²¹, «Досадила я ноженьку»²²).

Сбор карельского фольклора также осуществлялся на рассматриваемой территории. В 1960 г. в деревнях Пряжинского района работали В. Я. Елисеев, Т. И. Вайзинен (Корза, Ангенлахта, Угмойла, Эссойла, Онгамукса, Палалахта, Чална, Сигнаволок), В. Я. Евсеев, И. В. Сало (Маньга, Спиридоннаволок, Крошнозеро). В репертуаре сказителей преобладают лирические песни, колыбельные песни, частушки, сказки. В 1966 г. В. Я. Евсеев побывал в деревнях Крошнозеро, Эссойла, Сямозере, где ему удалось записать сказки, частушки, детский фольклор. В 1968 г. У. С. Конкка, П. И. Лукина,

²⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 177. Д. 104.

²¹ Там же. Колл. 178. Д. 19.

²² Там же. Колл. 177. Д. 247.

Н. Ф. Онегина записывали образцы устно-поэтического творчества в Крошнозере, Чуралахте, Сямозере, Эссойле (сказки, предания, частушки, причитания, лирические песни, хороводные, плясовые, свадебные песни, в том числе на русском языке, этнографические описания свадебного и похоронного обрядов, эпическую руну, бывальщину, считалки).

В 1970 г. А. П. Баранцев в Курмойле записал песни, частушки, бытовые рассказы. В том же году А. С. Степанова и Л. В. Бигодник побывали в деревнях Ершнаволок, Киндасово, Мишина Сельга, Нижняя Салма, где зафиксировали сказки, сказки-анекдоты, рассказы о свадьбе, гаданиях, частушки, духовный стих, загадки, плачи, лирические руны (напр. "Itkõu neičyt ulahuttau" «Плачет девушка») и песни ("Muamo minuu čakkai" «Меня мамашенька бранила», "Kazvatti mami minun" «Растила меня маменька»), а также песни на русском языке.

В 1980-х гг. Р. П. Ремшуева посетила деревни Ламбисельга, Каскисельга, Савиново, Сыссойла, а в 1987 г. – Верхние Важины, Важинская Пристань, Святозеро. От информантов записан разнообразный фольклорный и этнографический материал – лиро-эпические и лирические руны; свадебные, кумулятивные, лирические, кадрильные, игровые песни; частушки, заговоры, похоронные причитания, песни на русском языке, былички, верования, сведения о народной медицине, свадебной и похоронной обрядности, о праздниках, играх.

В 1991, 1992, 1994, 1996 гг. в дер. Улялега (пос. Соддер) работали Н. А. Лавонен и А. С. Степанова совместно с финляндскими исследователями С. Тимонен, И. Р. Ярвинен, Т. Утриайнен, С. Сеппяля. От информантов удалось записать заговоры, лирические песни и руны, песни на русском языке, частушки, причет, плачи, колыбельные песни, былички, предания, загадки, пословицы, притчи, молитвы, верования, приметы, автобиографические и этнографические рассказы об обрядах, праздниках, народной медицине, играх.

Активную, планомерную работу по сбору карельского фольклора в Пряжинском районе уже более 15 лет проводят сотрудницы Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Л. И. Иванова и В. П. Миронова. Не считая поселений Ведлозерского куста, в 1999 г. ими обследованы деревни Эссойла, Корза, Сязозеро, Алекка, в 2000 г. – Руга, Кудама, Лахта, Рубчойла, Нижняя Салма, Мишина Сельга, в 2001 г. – Виданы. Среди собранных образцов жанров карельского устного народного творчества присутствуют лирические песни, частушки, былички, заговоры. Основное место в записях занимают автобиографические, бытовые рассказы, этнографические описания родильной, свадебной, похоронной обрядности, святочных гаданий, праздников.

В ходе экспедиции 2014 г. автору статьи удалось посетить некоторые населенные пункты исследуемой территории и записать образцы карельской речи, фольклорный и этнографический материал. Так, в с. Святозеро нашим основным информантом стала карелка-людик Валентина Ивановна Савельева, незадолго до нашего приезда отпраздновавшая 80-летие. После ответов на традиционные вопросы собирателей о жизни и быте она исполнила несколько лирических песен (точнее, первые куплеты песен) из своего обширного репертуара: "Kazvatti minud mami" («Растила меня маменька»), "Itkõy neičyt" («Плачет девушка»), "Kuldaizenkel istuimmo järven rannalle" («С милым сидели на берегу»), "Lagel kohtal randas kazvoi kolmed čomad sadud" («На широком поле за рекой росло три красивых садочка»), "Kaksi sulččinua" («Две сульчины»), "Satatin minä d'algaižen" («Досадила я ноженьку»), шуточная "Yksi tietty" («Один паренек»), «Ах ты, мать моя родная» – на русском языке, а также частушки. Таким редким собирательским успехом мы обязаны тому, что Валентина Ивановна много лет пела в Святозерском хоре. Практически все песни, исполненные ею, были в репертуаре хора. Исполнителей народных песен, равных этой женщине, во всем Святозере больше не найти – Валентина Ивановна осталась одна из всей прежней хоровой труппы. Других фольклорных жанров, кроме небольшой былички о водяном, от нее записать не удалось. В том же населенном пункте нам удалось познакомиться с правнучкой Василия Архиповича – Патракеевой Светланой Зотиковной. Носитель людиковского наречия, что в наше время уже редко встретишь, она тщательно хранит память о своих предках-рунопевцах, хотя сама,

к сожалению, фольклорную традицию не унаследовала. В музейно-образовательном пространстве «Kodi», созданном ею при детском саде «Капелька» 27 февраля 1998 г., Светлана Зотиковна собирает и хранит информацию об истории села, о богатой духовной и материальной культуре прошлого и настоящего, о выдающихся сказителях Святозерской волости.

Большое влияние на фольклорную традицию Пряжинского района оказала русская культура. В репертуаре информантов часто встречаются лирические песни и частушки на русском языке. Влияние русской традиции всегда было велико на юге Карелии, по сравнению с северными районами, испытывавшими преимущественно влияние финской культуры. Как явствует из полевого отчета Т. И. Сенькиной, посетившей Пряжинский район в 1986 г., «по воспоминаниям мужчин и женщин 50–60 лет, в их молодости на вечеринках и свадьбах часто исполнялись русские песни, хотя в быту местное население говорило только на карельском языке»²³.

Приведенные данные, собранные в экспедициях разных лет, свидетельствуют о тенденции полного угасания бытования эпических жанров – эпических рун и сказок, что отмечали исследователи еще в первое послевоенное десятилетие. Главный эпический герой южнокарельской фольклорной традиции – кузнец Илмойллинэ – незнаком сегодняшним информантам. Про Вяйнямёйнена в редких случаях помнят по книгам, в том числе, по «Калевале». Из всех жанровых разновидностей сказок более жизнеспособными оказались сказки-анекдоты о киндасовцах, что не случайно, поскольку знаменитое с. Киндасово находится в Пряжинском районе. Заговорная традиция, всегда занимавшая сильную позицию на исследуемой территории, еще бытует среди исполнителей преклонного возраста. Из песен калевальской метрики наиболее популярной является лиро-эпическая руна ”Itkõu neičyt ulahuttau...” («Плачет девушка»), которую можно услышать и сегодня. Особое положение в репертуаре исполнителей занимают лирические песни (напр. «Растила меня маменька», «Досадила я ноженьку», «Три садочка», «Красна девица») и частушки (в том числе хулиганские), как на

²³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 167. Л. 6.

карельском, так и на русском языке. Все реже можно услышать исполнение колыбельной песни. Среди жанров сказочной прозы особое место занимают былички и предания. Традиция причитывания уходит в прошлое, детский фольклор и малые жанры также являются не самой легкой добычей собирателя. Все чаще «с поля» привозят автобиографические рассказы, насыщенные воспоминаниями о нелегкой жизни в военные, оккупационные годы, этнографические описания обрядов (свадьбы, похорон), воспоминания об исполнении уже не бытующих жанров фольклора.

Фотохроника экспедиции 2014 г.

Беседа с информантом (дер. Ершनावолок)

Вид на оз. Святозеро

Дом в дер. Вашаково

В Музейно-образовательном пространстве «Kodi»
(в здании детского сада «Капелька» с. Святозеро)

Работа археологов (южная окраина дер. Котчура)

Старинная баня в дер. Вашаково

Художник Александр Алексеевич Воглоев (с. Крошнозеро)

Часовня Рождества Пресвятой Богородицы (дер. Маньга)

Содержание

Предисловие	3
<i>Хорошун Т. А., Сумманен И. М.</i> Археологическое изучение территории: история и перспективы	12
<i>Захарова Е. В., Кузьмин Д. В.</i> Историко-культурный потенциал людиковской топонимии	25
<i>Жуков А. Ю.</i> Становление приходов и волостей в Святозерско-Пряжинском и Крошнозерском ареалах межэтнического контактирования ливвиков и людиков в XV–XVIII вв.	52
<i>Савицкий А. А., Литвин Ю. В.</i> Пряжа, Святозеро и Крошнозеро в зеркале устной истории	102
<i>Новак И. П.</i> Фонетические маркеры пограничных ливвиковских и людиковских карельских говоров	143
<i>Родионова А. П.</i> Морфологические маркеры диалектной речи говоров Южной Карелии	190
<i>Кундозерова М. В.</i> История собирания и современное состояние фольклорной традиции карелов Пряжинского района	205
Приложение	
Фотохроника экспедиции 2014 г.	217

Научное издание

**ЛОКАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ:
ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Редактор *М. А. Радостина*
Оригинал-макет *М. И. Федорова*

Оформление обложки: *Ф. С. Герасимов*

На обложке:
Репродукция картины «Истоки» А. М. Михайловой

Сдано в печать 28. 10.2015 г. Формат 60x84^{1/16}.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 11,2. Усл. печ. л. 10,92.
Тираж 300 экз. Заказ № 320

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50